

СМЕНА

№11 НОЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2017

ЕЛЕНА ОБРАЗЦОВА:

**«ЖИЗНЬ МОЯ —
ЭТО ПЕНИЕ»**

О выставке «Дегенеративного искусства»
читайте на странице 65.

Замечательные современники

<i>Татьяна Харламова</i>	Ни дня без доброго дела 4
<i>Елена Воробьева</i>	Анна Нахапетова: «Постоянный творческий процесс необходим мне как воздух» 76
<i>Евгения Гордиенко</i>	Елена Образцова: «Для меня жизнь — это пение» 88

Из российской истории

<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	История российско-британских отношений 16
--------------------------------	--

Неизвестное об известном

<i>Денис Логинов</i>	Матильда 28
<i>Юрий Осипов</i>	На кончике солнечного луча 54

Посмеемся вместе

<i>Ольга Степнова</i>	Пошла бабушка в аптеку 48
-----------------------	--

История шедевров

<i>Ирина Опимах</i>	Самая позорная выставка в истории мировой культуры 65
---------------------	--

Фантастический рассказ

<i>Андрей Быстров</i>	Веселого Рождества, мистер Грейтс 83
-----------------------	---

Рассказ

<i>Светлана Савицкая</i>	Все включено 98
--------------------------	------------------------------

Так было

<i>Владимир Братченко</i>	Свой путь 114
---------------------------	----------------------------

Остросюжетный роман

<i>Ольга Торощина</i>	Все ради тебя — «ВИКА»! 124
-----------------------	--

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизиллов Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Певица Елена Образцова
в образе Кармен

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: sales@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8400

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 18.10.2017

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

«История межгосударственных контактов между Россией и Австрией восходит к концу XV века. Тогда великий князь московский Иван III обменялся с императором Максимилианом I посольскими миссиями. По мере экспансии Габсбургов на юг и восток и России на юг и запад отношения между этими двумя государствами стали играть ключевую роль в обеспечении европейской безопасности. В 1729 году был подписан Венский союзный договор, ставший основой одного из самых продолжительных альянсов в истории международной политики XVIII века. А вот во время Крымской войны Австрия придерживалась политики враждебного нейтралитета по отношению к России и, хотя не участвовала в военных действиях, в целом поддерживала англо-французскую коалицию, что стало причиной натянутости отношений между двумя монархиями. Эта натянутость сохраняется и сегодня. Если бы австрийское правительство прислушивалось к мнению некоторых своих политиков о том, что союз с Россией способен стабилизировать ситуацию в Центральной Европе, все могло бы развиваться по иному сценарию. Но, увы, у истории нет сослагательного наклонения.

Светлана **Бестужева-Лада** «Россия и Австрия»

«В Отрантском проливе три турецких судна пошли в атаку на венецианский фрегат и захватили в плен его пассажиров, в числе которых была девушка неземной красоты. Когда ее привели во дворец, и султан сдернул с ее головы кисейную чадру, он обомлел: эта неверная была подобна райской гурии! Года не прошло, а повелитель Блистательной порты, великий султан, был уже полностью в подчинении у прекрасной венецианки...

Денис **Логинов** «Валиде всех валиде»

«Он не был первым русским драматургом, но именно ему, Александру Николаевичу Островскому, суждено было стать основателем русского национального драматического театра. Недоброжелатели называли его «купеческим Шекспиром». Пусть так. Но ведь все-таки «Шекспиром». В наши дни в репертуар многих московских театров входят его комедии, ставшие поистине бессмертными, а Малый театр до сих пор называют «домом Островского».

Алла **Зубкова** «Купеческий Шекспир»

«Детектив Иосифа **Гольмана** «Любовь, ненависть и белые ночи»

**Российскому
Детскому
Фонду исполня-
ется в этом
году 30 лет.
За это время
фонд помог
десяткам ты-
сяч детей вы-
жить, выстоять
в самых труд-
ных ситуациях,
сохранить здо-
ровье, полу-
чить образова-
ние, обрести
профессию.**

**НИ ДНЯ
без доброго дела**

Наверное, самая страшная катастрофа, которая может случиться в жизни человека, — сиротство. Не дай Бог это испытать. У каждого должна быть семья. Казалось бы, после Великой Отечественной беспризорное детство было оправданным, понятным. Сотни тысяч детей потеряли родителей. Это была война. А как оправдать современное сиротство? Сегодняшнее детство, которое проходит в приютах и детских домах? Проблемы, к сожалению, рядом с видимым благополучием, становятся все острее. Насилие со

стороны взрослых, равнодушие к детям, наркотики и суицид среди подростков — все это трагедия для нации. Можно назвать эту проблему демографической, потому что мы теряем поколения, можно — глубоко нравственной.

Что-то в нас надломилось сегодня. Деньги, деньги, деньги... Все остальное — не важно. Равнодушие, отсутствие сострадания чужим бедам стало нормой. Но есть и совсем другие люди.

Сегодня наша беседа с человеком, для которого проблемы сиротства и одиночества, детского горя — не просто проблемы, это его боль, его путь борьбы за права детей, защиту обездоленных маленьких членов общества. Он посвятил этому всю жизнь. И он никогда не пройдет мимо лежащего на улице ребенка, мимо детского страдания.

Альберт Анатольевич Лиханов, известный писатель, академик Российской академии образования, председатель Российского Детского Фонда, Президент Международной ассоциации детских фондов, лауреат Государственной премии РФ в области литературы, Премии Президента РФ в области образования, Премии Правительства РФ в области культуры. Это далеко не все регалии и награды. Его называют самым «многодетным отцом России», «адвокатом детства».

Но, может, самое любопытное в том, что Альберт Анатольевич двадцать лет проработал в «Смене», из них — тринадцать с половиной — главным редактором. И именно отсюда ушли письма в ЦК КПСС и Совет Министров СССР о положении детей-сирот, на основании которых дважды вышли постановления этих двух высших органов тогдашней власти, и родился Детский Фонд. А «Смена», наряду с главными министерствами и ведомствами страны, вошла в число первых учредителей Фонда.

ВИТАМИН ОТ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

— Альберт Анатольевич, все мы родом из детства. Каким оно было у вас? Что стало толчком к созданию Детского Фонда?

— Я из детей войны. Мой отец прошел войну, был дважды ранен, но, главное, вернулся домой, мама работала лаборанткой в госпитале. Мне повезло, я учился у замечательной учительницы. Она получила два ордена Ленина за свои педагогиче-

ские заслуги. Мы были ее детьми. Утром обходила класс, каждому на серебряной ложечке давала горошинку витамина. Возможно, эти «горошинки» спасали нас от цинги. После таких «уроков» я считаю профессию учителя самой главной, играющей в жизни человека особую роль. Преклоняюсь перед настоящими представителями этой профессии.

Детский фонд, как я думаю, вырос из моей повести «Благие намерения». А повесть стала результа-

том встречи в редакции кировской газеты, где я работал, с немолодой учительницей — воспитателем школы-интерната в Кирове, и стала как бы манифестом нашего фонда. Его укрепила строка из Марины Цветаевой, ставшей нашим девизом: «Два на миру у меня врага, два близнеца, неразрывно слитых: голод голодных и сытость сытых!»

Я рано понял — жалеть себя легко. Пожалеть другого тоже легко. Но помочь другому преодолеть

*Российский
Детский Фонд
и Государст-
венный
академический
Большой театр
России.*

*Благотвори-
тельный
спектакль
для детей
в Междуна-
родный день
защиты детей
1 июня*

*Здание
Россий-
ского
Детского
Фонда*

тяготы — это уже труд души. Идея не дает спать, заставляет страдать, биться за нее. Часто эти битвы заканчиваются синяками на твоём лбу...

Мы были детьми войны, и этим многое сказано. Это особое восприятие мира, мировоззрение, отношение к людям. В нас, детей войны, не было злобы, агрессии. Мы жили одной бедой с Отечеством. Дети переживают войну сердцем, чувством, и уже потом — разумом. В каждой семье, где кто-то хоть немного соприкоснулся с войной, живет память о ней. Это не пафос, это правда. Отсюда у нас, детей войны, острое понимание всех сегодняшних бед, особенно происходящих с детьми.

ДЕТСКИЕ СЛЕЗЫ В МИРНОЕ ВРЕМЯ

— Альберт Анатольевич, вы прожили тот страшный период вместе с взрослыми и детьми.

Вы познали и голод, и лишения. Не стали жертвами концлагерей, но сопереживали детям, которые попали в эти тяжкие ситуации. Это были горькие детские слезы. Достоевский писал, что ни одна слезинка ребенка не стоит высшей гармонии. Чем же оправдать сегодняшние детские слезы? Почему сегодня количество сирот не уменьшается?

— Их число уменьшилось в социальных заведениях, вроде детдомов, многие переведены в семьи, и проблема как бы размыта. Но государство резко усилило свои траты на то, чтобы подросшим сиротам давать квартиры. Дело благое и непростое, как понимаете. А вообще, активным фактором многих проблем современности стало социальное расслоение общества в начале девяностых. Появились очень богатые и очень нищие. Сейчас в стране 44 миллиона бедняков. В советское время такого расслоения не было. Все были среднебедными. Пенсио-

неры получали пенсию 120 рублей плюс надбавку. Этого вполне хватало на средnedостаточную жизнь. Дорогие авто не покупали, ездили на общественном транспорте, докторская колбаса была самого высшего качества. Бензин и газ стоили копейки. Дети были одеты и обуты, никто не требовал смартфоны и дорогие джинсы. Эпоха застоя? Может быть. Но это была эпоха относительного равновесия в обществе.

Социальное расслоение задело всех — и взрослых, и детей, их физическое и моральное состояние. Появились напряжение, усталость — нелегко биться за свое существование и благосостояние. Навязали дикую систему зависти, западных моральных приоритетов. У соседа есть машина, а у меня нет, как же так?

Подруга ездит на дорогой курорт, ходит в фитнес и дорогую парикмахерскую, а я не могу себе этого позволить. Масса людей начала брать кредиты. В результате напряжение в обществе еще больше возросло.

Взрослые, уставшие от этой битвы и неудовлетворенности жизнью, стали выплескивать свою несостоятельность на детей. Насилию ежегодно подвергаются более ста тысяч детей, около тысячи детей ежегодно бывают убиты. В наших семьях, которые когда-то считались ячейками общества, возникло физическое и моральное нездоровье. Министерство здравоохранения провело на этот счет свои исследования. Выявили массу психиатрических отклонений: дети отторгнуты в семье, нет близости, понимания. Чтобы попла-

*Альберт
Анатольевич
Лиханов*

Дети идут на спектакль

каться маме в жилетку, рассказать о своих проблемах, нужна, видите ли, родительская подготовка. А мама или папа очень заняты, они зарабатывают деньги. Вот это отторжение — самое страшное. Однажды родители приходят с работы и узнают, что их ребенок задержан за употребление наркотиков или алкоголя. Они начинают разбираться, как же так, они же все делали, работали днем и ночью. Но ребенок был обречен на одиночество, и быстро стал добычей тех, кто с помощью наркотиков «поправил» его психическое состояние. И вот теперь уже начинаются родительские слезы...

Появились еще и страшные секты, которые через Интернет подбивают детей на суицид. Необходимо принимать все меры на уровне государства, чтобы закрыть эти каналы. Привлекать этих людей к самой

тяжелой уголовной ответственности. Ведь на них — смерть детей.

НАША СПРАВКА

Ежегодно в России кончают жизнь самоубийством 500–700 мальчишек и девчонок. В основном, им 10–12 лет. Причины — кошмарные условия в семье, тяжелые отношения в школе, вражда во дворе.

— Альберт Анатольевич, сегодня обездоленным детям пытаются помочь бездетные семьи. Даже очереди выстраиваются в детские дома. Есть иностранные семьи, желающие усыновить или удочерить даже больных детей. Может быть, это выход?

рам. Я полагаю, что шоу-бизнес — очень жестокий мир, лишь десятку людей он принес славу и сомнительное счастье. Это «акула-шоу». Зачем его навязывать детям? Некоторых просто выбрасывают за борт этой программы, и тут начинаются слезы. Хорошо бы людям вступать в жизнь с синицей в руке, а не с журавлем в небе. Лишь единицы станут звездами, да еще весьма сомнительными. А детей-сирот у нас в стране десятки тысяч. Меня порадовала программа «Удивительные люди». Там выступал мальчик Арсений, великолепно разбирающийся в двигателях самолетов. Вот это уже профессионализм! Может быть, будущий Королев? В советское время в стране было около пятисот тысяч кружков авиамоделлистов. Сейчас — сорок. Стране нужны талантливые инженеры, люди, что-то производящие, а песни и пляски могут быть просто хобби.

Это не просто слова. Я бывал на встречах выпускников детских домов советского времени. Это своеобразное братство. Они все поддерживают друг друга, и почти все добились успеха в жизни. Среди них и люди в генеральских погонах, и знаменитые ученые, вроде академика-генетика Дубинина, известные врачи, выдающиеся учителя, вроде семьи Калабалиных. Это вполне успешные люди. Многие выпускники советских детских домов стали гордостью и честью нашего государства. И они благодарны государству за все, что оно для них сделало.

«РАЗДАЧА» ДЕТЕЙ

— Сейчас появилась новая форма общения с детьми — так называемые семейные детские дома. Как вы к этому относитесь?

— Их придумал именно Детский Фонд... Это было очень перспективное направление, и наш фонд принимал в нем активное участие. Мы создали 368 семейных детских домов. Идея такова — семья должна была принять не меньше пяти детей. Дом, квартиру дает государство, родители имеют статус государственных воспитателей, с них большой спрос. Они работают под контролем государства, получают зарплату. Эта система себя оправдала.

В отличие от «раздачи» детей в приемные семьи. Этим часто занимаются органы опеки и попечительства, которые находятся в муниципальном ведении и не контролируются государством. Среди них встречаются просто церберы какие-то. В результате неправильных решений частенько детей возвращают в детские дома. Не понравились, плачут или болеют. Заберите обратно. Такое случается иногда по пять раз — взяли, вернули. Это страшная трагедия для ребенка. Но он не игрушка. После таких вот манипуляций психика его уже не может быть нормальной. И не надо удивляться, что появится еще один «неудачный» сирота. Взрослые виноваты, будьте добры в этом признаться. Только от этого уже ничего не изменится.

Поэтому мы, первыми осуществившие идею вывода сирот из детских домов в семьи, теперь говорим: надо восстановить подотчетную государству систему и обязательно сохранить в каждом регионе государственные детские дома, как резерв для кризисной ситуации.

Кроме того, очень много финансовых спекуляций. Прочитал недавно заметку в московской газете. Молодая семья взяла под свою опеку восемь детей, больных СПИДом. Казалось бы, благородно. Теперь известно, что СПИД не заразен и не опасен и передается только в определенных ситуациях. А за каждого ребенка в Москве платят в месяц 80 тысяч рублей, плюс вознаграждение приемной семье. Но вряд ли у государства гора с плеч свалилась.

Так что приемные родители — это на сегодняшний день очень спорная тема. Наш Фонд больше одобряет систему семейных детских домов, которая прекрасно оправдала себя в Белоруссии и в России. Они сейчас продолжают функционировать, и мы поддерживаем их, как можем. А самое главное — их можно контролировать.

ИСПЫТАНИЕ КОСМОСОМ

— Альберт Анатольевич, а как Детский Фонд борется за здоровье сирот-инвалидов? Есть ли специальные программы?

— У нас давно работает программа по профилактике и лечению детского туберкулеза. Из 140 туберку-

лезных детских санаториев мы помогли 28-ми, ведь прежде чем помочь, мы должны собрать народные деньги: из бюджета за 30 лет нашего существования мы не получили ни рубля. А вообще, в зоне риска этого заболевания 800 тысяч детей. Кто сегодня — дети, больные туберкулезом? В основном, они из неблагополучных семей. Родители отбывают срок в зоне, возвращаются с открытым туберкулезом и заражают своих детей. Массовая флюорография, как раньше, есть не везде, и порой ни дети, ни взрослые не знают о своей болезни. Между тем, она очень легко передается окружающим и приводит к летальному исходу, особенно в двух возрастных группах — 3–5 лет и у подростков, если вовремя не спохватиться.

Сейчас ни для кого не секрет, что лечение многих болезней стоит до-

рого. Мы собрали миллионы долларов, чтобы обеспечить лечение больных туберкулезом детей в России, отправили сотни детей за границу, чтобы сделать сложнейшие операции на сердце. Только в США мы отправили 880 детей с мамами для операций на открытом сердце. Помогал известный хирург, великолепный врач Лео Бокерия. Тогда не было достаточных ресурсов для операций здесь. Сейчас есть громадная клиника, детей можно оперировать в России. Это все и наша радость.

Мы отправили в 26 стран мира детей Чернобыля из Белорусии, Украины и России. Для реабилитации, восстановления, профилактики болезней. И это было очень вовремя и эффективно. Дети сохранили здоровье. Это тоже наш результат.

Мы сами выбираем направления своей деятельности. Например, в со-

ветское время около трех тысяч врачей и медсестер в течение трех лет были направлены в страны Средней Азии и Казахстан для борьбы с младенческой смертностью. Такая смертность снизилась в СССР на 16 процентов. А смертность детей второго года жизни снизилась в целом по СССР на 55 процентов. Это была хорошая работа.

Есть программа по лечению и реабилитации детей с ДЦП. Мы первыми придумали необычный метод лечения. Помогли ученые, которые работали в космической промышленности. Они презентовали нам костюм для космонавта, скафандр. Оказывается, под влиянием невесомости все мышцы распускаются, их необходимо сжимать, что и делает специальный костюм. Такие костюмы на земле помогают больным с инсультом и детям с ДЦП. На испытание этого костюма собрались ученые, врачи. Ребенка привели в «разобранном виде», он не мог ходить. Начали работать с костюмом, научили его им пользоваться. На наших глазах произошло чудо — ребенок пошел!

— Что дает вам силы не плакать при столкновении с детским горем, а оказывать реальную помощь?

— Все тридцать лет мы проводим праздник для детей 1 июня, в Международный день защиты детей. Привозим в Москву более десяти тысяч детей-сирот. С семнадцатью театрами, начиная с Большого, есть дого-

воренность о приглашении их на спектакли. Мы водим их на выставки, в музеи, в лучшие рестораны. Не каждый, даже будучи взрослым, может попасть в Большой театр. Эти впечатления — на всю жизнь. Этот праздник всегда будет с ними. Это позитивный взрыв!

И когда ты видишь эту, пусть короткую, но перемену в жизни ребенка, остаться равнодушным невозможно.

А вообще девиз Фонда: ни дня без доброго дела. Но! Господь сказал: сделал доброе дело и забудь о нем. Вот так и живем...

— О чем вы мечтаете?

Чтобы не было богатых семей в России. Богатых и сытых не так уж много, а бедных — миллионы. Делиться с бедными, помогать — это благо. У нас и девиз такой есть: «Хочешь стать богаче, отдай другому!» За это воздастся. Но ведь нужны не подачки, не милостыня, а справедливый баланс в обществе. Не только нефтяные магнаты должны процветать — нефть — это государственное достояние, — а все россияне. И это дело государственное. Надо поблагодарить нашего президента за детский клуб «Сириус» в Сочи — это хорошо, но такие клубы должны быть в каждом регионе, как были у нас раньше станции юных техников. Этот хороший образец должен множиться. И это — дело государственное. ▢

Беседовала **Татьяна Харламова**

*Президент
России
Владимир
Путин
и Альберт
Анатольевич
Лиханов*

От редакции

*Мы присоединяемся ко всем поздравлениям
в связи с 30-летием Российского Детского Фонда!*

И гордимся тем,

что именно замечательный российский писатель

Альберт Анатольевич Лиханов,

будучи в течение 13 лет главным редактором журнала «Смена»,

стал его основателем. Желаем Фонду и его председателю

А.А. Лиханову дальнейших успехов в благороднейшем деле

по защите детей!

Пусть в нашей стране не останется ни одного обездоленного

ребенка, пусть каждый сирота обретет настоящую семью,

а вместе с ней — любовь, понимание и надежду

на светлое будущее!

Светлана
Бестужева-Лада

ИСТОРИЯ российско-британских отношений

В середине XVI столетия Англия еще не была владычицей морей. Монополия над торговыми путями находилась в руках Испании и Португалии, которые не собирались ею делиться. Однако отчаянное желание английских купцов добраться до возжеленных сокровищ Востока побудило английских мореплавателей Себастьяна Кабота, Ричарда Ченслера и Хьюго Уиллоби создать компанию Mystery для «открытия регионов, доминионов, островов и неизвестных мест». Главной задачей предприятия стал поиск неисследованного северо-восточного пути в Китай.

10 мая 1553 года корабли «Добрая Надежда», «Доброе доверие» и «Эдуард Благое дело» отплыли в неизвестность. Холодные и бурные воды Северного Ледовитого океана были немилостивы к отважным морякам. Шторм разбросал суда, два из них пропали без вести.

Судьба Ченслера оказалась более счастливой. 24 августа 1553 года возглавляемый им корабль «Эдуард Благое дело» вошел в устье Северной Двины и приблизился к Николо-Карельскому монастырю. Ченслер сумел расположить к себе местных жителей. Очень быстро по всей округе разнеслась весть о «любезных и ласковых» иноземцах, которые прибыли торговать с подданными царя...

Первые недели пребывания в Московии Ричард Ченслер оценивал потенциальные торговые выгоды Англии зорким взглядом предпринимателя. Страна англичанину показала изобильной «землей и людьми». По пути из Ярославля в Москву он обратил внимание на большое количество полей, хорошо засеянных хлебом. Оценил Ченслер и пушнину, рыбу, мед, моржовую кость, ворвань (жидкий жир) — то, что могло иметь на его родине спрос.

Ивану Грозному английский посол передал пожелания короля Эдуарда VI, который рассчитывал открыть для себя новые страны и искать в них «то, чего он не имеет». Взамен король обещал поставлять товары, которых нет в этих землях:

«Да произойдет чрез то польза им и нам, и да будет между ими и нами вечная дружба».

Таков был итог встречи в 1553 году царя Ивана IV с английским представителем.

Русскому царю было двадцать три года, он еще был молод, полон сил, энтузиазма и по достоинству оценил выгоды торгового и политического союза с Англией.

В Москве Ченслер пробыл восемь месяцев. По возвращении в Лондон уже новым правителям, Марии Тюдор и ее супругу Филиппу II Испанскому, он передал врученную Иваном Грозным грамоту. В своем ответе русский царь заверял, что англий-

ские корабли могут приходить так часто, как смогут, и им «не будет учинено зла». Царь обещал *«повольный торг со всякою свободою по всем нашим владениям со всякими товарами».*

Английские монархи проявили живой интерес к новому проекту, который сулил государству большие выгоды. Ченслер был послан обратно в Россию в 1555 году. В тот же год была основана Московская компания, получившая монопольное право на торговлю с Россией. Для гостей МК построили палаты в Китай-городе, рядом с Кремлем.

Договор был составлен со всей тщательностью, в частности, там предписывалось *«изучать характер русского народонаселения во всех сословиях и остерегаться, чтобы никакой закон, гражданский или религиозный, не был нарушен кем-либо из англичан».*

Московская компания имела монополию на торговлю между Россией и Англией до 1698 года. И все это время достаточно активно вмешивалась во внутривнутриполитические дела русских. Но об этом чуть позже.

С огромным рвением агенты компании взялись за дело. И вот уже по новому торговому пути плыли на Британские острова лес, воск, сало, ворвань, лен, пушнина, рыба, а в обратном направлении — оловянная посуда, различные ткани и сукна, перчатки, туфли, зеркала, гребни, пуговицы и другая мелочь.

*Иван
Васильевич
принимает
Ричарда
Ченслера*

Иван Грозный разрешил Компании строить фактории на Варварке и в Зарядье, а также открывать свои представительства в других городах — Ярославле, Вологде, Холмогорах, Нижнем Новгороде.

Получившие право на беспошлинную торговлю, английские купцы извлекали из своего предприятия колоссальные доходы. Согласно данным архивов Шотландии, во время расцвета Компании в 1660–

1670-х прибыль английских купцов достигала 300–400%! А какие выгоды имело Московское государство от торговли с Англией?

Ситуация в стране сложилась такая, что интенсивно развивавшееся производство, в частности, литейное, оружейное, денежное дело, а также различные отрасли металлообработки и строительства, требовали сырья. Но в условиях экономической блокады со стороны Лит-

вы, Польши и Швеции лишённое импорта русское ремесло затухало. Возникшие торговые связи с Англией и стали своего рода «окном в Европу», через которое Москва не только получала столь необходимое сырьё, но и сама могла сбывать товары собственного производства.

В период Ливонской войны (1558–1583 годы) северный морской путь и вовсе стал «дорогой жизни», по которой русская армия бесперебойно снабжалась оружием и военными материалами (порох, свинец, селитра). На кораблях английского флота в Россию плыли специалисты, помогавшие в возведении укреплений, оказывавшие дипломатическую поддержку и делившие разведданными. Так что «окно в Европу» было не прорублено, а вполне цивилизованно открыто задолго до реформ Петра Великого.

Агенты Московской компании далеко не всегда добросовестно выполняли договорённости. Так, к 1587 году общая сумма долгов отдельных английских купцов превышала 10 тысяч рублей — громадные деньги по тем временам.

Иван Грозный, а после него и Федор Иоаннович неоднократно предъявляли претензии королеве Елизавете, что Московская компания посылает в Россию «людей недостойных», которые занимаются не торговлей, а «воровством и лазутчеством».

Однако интересы англичан в России распространялись дальше мо-

нополизации торговли. Современные историки уверены, что через захват рычагов управления экономикой страны англичане собирались подчинить себе всю внутреннюю и внешнюю политику Московского государства, если не мирным путем, то силой заставить Россию принять английский протекторат.

Кстати сказать, не только экономические интересы привлекали Елизавету в отношениях с русским царем. Считается, что в одном из писем она сама намекала Ивану Грозному на возможный брачный союз, чтобы стать правителями всей Европы — от Англии до Урала.

Уж что-что, а кокетничать Елизавета всегда любила. Брата французского короля, например, она обнадеживала целых десять лет. Причем при личных встречах, а отнюдь не в письмах. Можно себе представить, чего она только не наобещала далекому русскому царю, которой просто загорелся идеей жениться на английской королеве ...

Но планам русского царя не суждено было сбыться. 1570-м годом датируется одно из самых гневных писем Ивана Грозного Елизавете, где он называет ее пошлой девицей, которая не имеет никакого политического веса в своей стране:

«Мы думали, что ты правительница своей земли и хочешь чести и выгоды своей стране. Ажно у тебя мимо тебя люди владеют и не токмо люди, но и мужики торговые и о на-

ших государевых головах, и о чести, и о землях прибытка не ищут, а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица».

В письме речь шла о произволе английских купцов на русском рынке. Кроме того, царь упрекал королеву, что она ставит интересы английских торговцев выше неких «тайных дел великого значения», под которыми обычно понимают возможность заключение брачного союза.

Историки считают, что причиной столь гневного письма стал отказ Елизаветы на брачное предложение царя.

Переписка между ними прекратилась на 12 лет, но от своих планов царь не отказался. В 1582 году он отправил в Англию дворянина Федора Писемского, который должен был сосватать за царя племянницу королевы Марию Гастингс, графиню Гоптингтонскую. Но Елизавета ему вежливо отказала, сославшись на то, что *«племянница ее некрасива и больна, лежала в оспе, лицо у нее теперь красное, ямковатое».*

Королева лишь тянула время, явно не желая породниться с русским царем. Прямых наследников у нее не было, а претенденты на английский трон извне могли подорвать суверенитет страны. В конце концов, Елизавета сделала вид, что готова устроить брак, при этом отправив в Москву посла Джерома Боуса, который должен был всеми

силами отговорить Ивана Грозного от его решения.

Джером Боус, после длительных переговоров о монопольных привилегиях Англии в Москве, поспешил сообщить царю, что Мария Гастингс очень больна, страшна собой, приходится дальней родственницей Елизаветы, не имеет никакого влияния при дворе, и вообще не готова принять православную веру, что фактически делало невозможным ее законный брак с русским царем. На просьбы Ивана Грозного предложить ему более подходящую кандидатуру, Боус ответил, что не уполномочен об этом говорить.

На прощальную аудиенцию с послом Джеромом Боусом царь прийти уже не смог. И прежними отношения Англии и России перестали быть. Более того, существует версия, что англичане сыграли значительную роль в устранении сначала Федора Иоановича, а затем — и Бориса Годунова, который, заняв царский престол, существенно охладил к англичанам. Зато высокородные бояре, ненавидевшие «выскочку», с большой охотой приняли и английское золото, и английскую медицинскую помощь недомогавшему государю.

В период Смуты англичане повели себя весьма двусмысленно. Сначала они помогали Василию Шуйскому поставками оружия и наемников, но как только Лжедмитрий II оказался на московском троне, они тут же переметнулись к новому ца-

Государь Иоанн IV показывает Джерому Боусу свою царскую сокровищницу

рю. Пospешили. Польская интервенция нарушила планы Московской компании, и англичане всерьез рассматривали вариант приглашения Якова I Стюарта в качестве протектората Русского государства.

Английские коммерсанты, на протяжении многих лет скупая по низкой цене русское сырье и пользовавшиеся дешевизной русской жизни, не желали выпускать из рук столь жирный куш. В отчете, предоставленном капитаном Томасом Чемберленом королю Якову I, говорилось:

«Если бы Его Величество получил предложение суверенитета над той частью Московии, которая расположена между Архангельском и Волгою, то ежегодный коронный доход бы такого предприятия достигал 8 млн. фунтов стерлингов».

Мечты англичан остались только мечтами. С воцарением Михаила Романова усилились контакты России с другими западными странами: Францией, Голландией, Данией. Роль англичан в товарообороте государства заметно сузилась, а изыскивание ими новых возможностей вернуть себе торговые привилегии ни к чему существенному не привело.

В 1649 году был казнен английский король Карл I. *«Учинили большое злое дело, государя своего Карлуса убили до смерти»*, — так отреагировал царь Алексей Михайлович на гибель английского монарха.

1 июня 1649 года Алексей Михайлович своим указом потребовал выслать англичан за пределы Московского государства, разрешив им въезд только в Архангельск.

*Русские
послы
в Лондоне*

Это означало одно: бурному роману между Англией и Россией пришел конец.

Московскую компанию существенно ограничили в правах: на этом настояла правительница Софья, которая не видела выгоды в помощи англичанам грабить страну. Оставалось уповать на то, что следующий царь будет более снисходителен к иноземцам: юные годы Петра действительно демонстрировали его тягу ко всему заграничному.

По личному приглашению английского короля Вильгельма III, который одновременно являлся правителем Соединенных провинций Нидерландов, Петр I в начале 1698 года посетил Англию.

Он пробыл там около трех месяцев, сначала в Лондоне, а потом, главным образом, в Дептфорде, где на королевской верфи, под руководством известного английского кораблестроителя и политика Энтони Дина (старшего), пополнил

свое кораблестроительное образование.

Однако политические переговоры, ради которых, собственно, и была предпринята поездка в Англию, не удалась: англичане не согласились встать на сторону России в конфликте с Османской империей, и еще долгие годы англо-российские отношения оставались чисто коммерческими.

До тех пор, пока на престол не взошла тяготевшая к Франции Елизавета. Подходов к ней англичане найти не смогли, и удача улыбнулась им лишь тогда, когда в России появилась супруга наследника императрицы — великая княгиня Екатерина Алексеевна. С ней английский посол лорд Вильямс довольно быстро нашел общий язык и даже подружился.

В задачу Вильямса входило возобновить торговый трактат Россия — Англия, который истек в 1757 году. Помимо подписания трактата английский посол должен был склонить Россию к поддержке Англии в предполагаемой войне с Францией. Собственно, война эта уже велась в колониях на Американском континенте.

Общими усилиями с Бестужевым Вильямсу удалось не только возобновить трактат, но и подписать некую конвенцию, по которой Россия будет помогать Англии в войне против Франции. Тогда еще никому и в голову не приходило, что через три

десятилетия едва ли не всем европейским государствам придется воевать с революционной Францией, представлявшей нешуточную угрозу миру на континенте.

Так и случилось. Россия и Великобритания воевали на одной стороне во время революционных войн 1790-х годов. Неудачное совместное вторжение в Нидерланды в 1799 году положило начало к перемене отношений. Да и новый император Павел I откровенно недолголюбил англичан.

5 сентября 1800 года Британия оккупировала Мальту, в то время как император России Павел I являлся Великим магистром Мальтийского ордена, то есть главой государства Мальты. В качестве ответных действий 22 ноября 1800 года Павел I издал указ о наложении секвестра на все английские суда во всех российских портах (их насчитывалось до 300), а также о приостановлении платежа всем английским купцам впредь до расчета их по долговым обязательствам в России, с запретом продажи английских товаров в империи.

По свидетельству российских и британских источников в подготовке дворцового переворота в России активное участие принимал английский посол Уитворт, любовница которого Ольга Жеребцова (Зубова) была родной сестрой братьев Зубовых, принявших непосредственное участие в убийстве Павла I.

24 марта 1801 года — буквально на следующий день после дворцового переворота и убийства Павла I, новый император Александр I отменил меры, предпринятые против Англии, и имущественные иски против имущества англичан в России. Дипломатические отношения были восстановлены.

После того как Россия потерпела военное поражение в кампании против Франции в 1806 и 1807 годах, она была вынуждена начать мирные переговоры. В Тильзите (25 июня 1807 года) состоялась встреча российского и французского императоров Александра I и Наполеона I.

Между Пруссией и Российской империей, с одной стороны, и Французской империей, с другой, был подписан Тильзитский мир, по которому Россия присоединилась к Континентальной блокаде против Великобритании. (Надо сказать, что эта блокада ударила по экономике как России, так и Соединенного Королевства.)

Но в 1812 году Наполеон вторгся в Россию, и Континентальная блокада, которую Россия была вынуждена объявить Соединенному Королевству после Тильзитского мира, была прекращена. Торговля, в которой остро нуждались как Россия, так и Великобритания, была возобновлена. Уже 18 июля 1812 года в городе Эребру (Швеция) Великобритания и Россия подписали мирный договор. По этому договору

Россия возобновляла торговлю с Соединенным Королевством, а британцы, в свою очередь, оказывали России поддержку против Наполеона в начавшейся Отечественной войне 1812 года.

А вот во время Крымской войны 1853–1856 годов Россия и Британия снова воевали друг против друга. Это общеизвестный факт. Менее известно то, что Россия и Британия были соперниками в конце XIX века во время Большой Игры в Центральной Азии, то есть в борьбе за господство в этом регионе.

Премьер-министр Великобритании Дизраэли писал в письме к королеве Виктории:

«Нашими войсками москвиты должны быть выдавлены из Средней Азии и сброшены в Каспийское море».

В подтверждение серьезности своих намерений Дизраэли убедил королеву принять титул «императрицы Индии», причем в пределы Индийской империи включался и Афганистан, который так никогда и не был завоеван.

Естественной реакцией России, в противовес британской активности в регионе, стало строительство в глубокой тайне в 1894 году секретной военно-стратегической колесной дороги на Памире через перевал Талдык высотой 3 615 м, соединившей Ферганскую и Алайскую долины. Дорога строилась русскими под руководством подполковника

Громбчевского и была предназначена для оперативной переброски войск и артиллерии на юг в случае угрозы вторжения британцев в регион. Позднее она получила название Старый Памирский тракт.

Таким образом, Россия предупредила возможное появления англичан в Алайской долине, откуда, по мнению Громбчевского, Британия могла двинуться далее на север и выйти на оперативный простор Ферганского края. С успешным завершением строительства стратегической дороги в Алайскую долину русские получали передовой плацдарм для дальнейшего распространения своего военно-политического влияния в Центральной Азии.

На данном этапе противостояние закончилось подписанием Англо-русской конвенции 1907 года, завершившей формирование Антанты. Подготовивший документ министр А.П. Извольский пошел на ряд существенных уступок, которые вызвали резкое недовольство среди части русского военного командования. Россия признавала Афганистан британской сферой влияния. А.Е. Снесарев в 1907 году публично выступил с доказательствами нецелесообразности заключения Российской империей союзнического договора с Великобританией. По его мнению, дело шло к подготовке очередной европейской войны, в которую Объединенное королевство совместно с Францией втягивали Россию.

В 1913 году Великобритания (Британская империя) была вторым (после Германии) торговым партнером России: на нее приходилось 17,6% российского экспорта и 12,6% импорта. Она же была крупным инвестором в Россию, хотя по объему вложений тоже заметно уступала Германии. Советский дипломат Г.В. Чичерин в записке от 2 марта 1922 года оценил размер английского дореволюционного акционерного капитала в России в 226 млн рублей (германские вложения по его же оценке составили 378 млн рублей).

После падения Российской империи в 1917 году началось британское вторжение в Афганистан (1919). Само ослабление России связывают с деятельностью британской разведки: Райнер организовал убийство Распутина, а посол Бьюкенен сыграл важную роль в Февральской революции. А СССР, как государство, Великобритания официально признала 1 февраля 1924 года.

До начала Второй мировой войны отношения были шаткими, усугубленные тем, что в 1938 году Великобритания, в числе нескольких других западных государств, подписала Мюнхенское соглашение с Германией. СССР не согласился с этим пактом и не признал присоединения Чехословакии к Германии.

Мнение Советского Союза не было принято во внимание, и после неудачных англо-франко-советских

переговоров СССР подписал Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом. Великобритания начала оказывать военную помощь Финляндии во время Советско-финской войны 1939–1940 годов.

А в 1941 году, когда Германия атаковала СССР, страна вступила в антигитлеровскую коалицию, частью которой являлась Великобритания, с целью борьбы против стран нацистского блока.

В это же время появилась надежда на то, что Англия окончательно наладит отношения с СССР. Один из видных британских политиков, лорд Бивебрук, в 1942 году заявил:

«Коммунизм при Сталине завоевал аплодисменты и восхищение всех западных наций. Коммунизм при Сталине дал нам примеры патриотизма равные лучшим в анналах истории. Коммунизм при Сталине вырастил лучших генералов в мире. Гонения на христианство? Это не так. Не существует никаких религиозных преследований. Двери Церкви открыты. Расовые преследования меньшинств? Совершенно нет. Евреи живут, как все. Политические репрессии? Конечно. Но теперь ясно, что те, кто были расстреляны, предали бы Россию ее немецким врагам».

Отношения снова ухудшились во время холодной войны. Маргарет Тэтчер, в унисон с Рональдом Рейганом, практиковала жесткую антикоммунистическую политику в

1980-х годах, что было противоположностью политики разрядки международной напряженности 1970-х годов. Отношения потеплели после прихода к власти Михаила Горбачева в 1985 году.

После распада СССР отношения между Великобританией и Российской Федерацией улучшились, однако в 2000-х годах снова ухудшились из-за разногласий по экстрадициям. Вскоре после вступления Г. Брауна в должность премьер-министра Великобритании произошло резкое ухудшение российско-британских дипломатических отношений — британские власти выслали четырех российских дипломатов и ввели визовые ограничения для российских чиновников, Россия ответила аналогичными мерами.

В конце 2007 года российские власти издали постановление о закрытии отделений Британского совета в Санкт-Петербурге и Екатеринбурге в связи с нарушением российского и международного законодательства. Великобритания не согласилась с обвинениями, однако была вынуждена закрыть филиалы.

Несмотря на это, все же существуют и положительные аспекты развития российско-британских отношений. С 2001 года борьба с терроризмом стала значительным направлением двустороннего сотрудничества России и Великобритании: в том же году была учреждена российско-британская Совместная

*Владимир
Владими-
рович
Путин
и премьер-
министр
Великобри-
тании
Тереза Мэй*

рабочая группа по международному терроризму в целях углубления взаимодействия на практических направлениях.

5 октября 2005 года в Лондоне Президент России Владимир Путин и премьер-министр Соединенного Королевства Тони Блэр посетили «КОБР», правительственный Центр кризисного управления, обсудив вопросы двустороннего и международного антитеррористического сотрудничества.

Между Россией и Великобританией активно развивается сотрудничество в энергетической сфере. В сентябре 2003 года в Лондоне на Энер-

гетическом форуме были подписаны Коммюнике о сотрудничестве в области энергетики, Меморандум между двумя странами о строительстве Североевропейского газопровода, по которому российский газ по дну Балтийского моря будет поступать в Германию, Нидерланды, Великобританию и другие страны.

Тем не менее, в новой редакции стратегии безопасности Великобритании Россия с 2015 года включена в список первоочередных угроз.

В общем, со времен Ивана Грозного стабильности во взаимоотношениях Англии и России, увы, не прибавилось. А жаль. □

МАТИЛЬДА

«Мне казалось, что жизнь моя кончена, и что радостей больше не будет, а впереди много, много горя. Я знала, что найдутся люди, которые будут меня жалеть, но найдутся и такие, которые будут радоваться моему горю. Что я потом переживала, когда знала, что он был уже со своей невестой, трудно выразить. Кончилась весна моей счастливой юности, наступала новая, трудная жизнь с разбитым так рано сердцем...»

Matilda

Талантливая балерина, первая любовь цесаревича-наследника Николая Александровича, представить себе не могла, что ее обожаемый Ники будет зверски убит со всей семьей в Ипатьевском доме, что она так больше с ним никогда и не встретится после оглашения помолвки с принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской, хотя никогда не забудет.

Как и он ее не забыл, хотя, став императором и супругом немецкой принцессы, никогда больше не посмотрел ни на одну женщину, так как брак для него был понятием святым и непреложным...

Матильда Феликсовна Кшесинская появилась на свет 19 августа (по новому стилю 31) 1872 года в семье артистов балета Мариинского театра: Феликса Кшесинского и Юлии Доминской. У родителей не было никаких сомнений в том, что дочь пойдет по их стопам: танцевать девочка начала едва ли не раньше, чем говорить. Изящная фигурка, крутой подъем ноги, чрезвычайно пластичные руки...

В десятилетнем возрасте Матильда была принята в Императорское театральное училище, где ее педагогами были Лев Иванов, Христиан Иогансон и Екатерина Вазем. После окончания школы ее пригласили в балетную труппу Мариинского театра.

В 1890 году впервые на выпускном спектакле балетного училища в Петербурге должна была присутствовать царская семья во главе с Александром III.

«Этот вечер решил мою судьбу», — напишет позже Кшесинская.

После спектакля выпускники с волнением наблюдали, как по длинному коридору, ведущему от театральной сцены в репетиционный зал, где их собрали, медленно шли члены царской семьи: Александр III с императрицей Марией Федоровной, четыре брата государя с супругами и еще совсем юный цесаревич Николай Александрович.

На удивление всем, император громко спросил:

— А где же Кшесинская?

Когда смутившуюся воспитанницу подвели к нему, он протянул ей руку и сказал:

— Будьте украшением и славою нашего балета.

Семнадцатилетняя Кшесинская была ошеломлена тем, что произошло в репетиционном зале. Конечно, Малечка (так звали ее близкие) обладала несомненным и выразительным талантом, который никогда не отрицали даже самые лютые недоброжелатели. Но украшение и слава балета...

После официальной части в училище давали большой праздничный ужин. Александр III занял место за одним из пышно сервированных столов и попросил Кшесинскую сесть рядом с ним. Затем указал на место рядом с юной балериной своему наследнику и, улыбаясь, сказал:

— Смотрите только не флиртуйте слишком.

Самодержец словно намекал 22-летнему Николаю на то, что эта девушка ему очень подходит — не для брака, конечно, а для ни к чему не обязывающих легких отношений.

выбирали возлюбленных именно из Александринки.

Вот что скрывалось за шутливой фразой императора о флирте. Вот почему он пожелал видеть Матильду Кшесинскую за царским столом.

Следующая более или менее серьезная встреча с Николаем случилась в Красном Селе — по традиции, летом там проходил лагерный сбор для практической стрельбы и маневров, а для развлечения офицеров был построен деревянный театр.

Кшесинская, с момента выпускного спектакля мечтавшая еще раз хо-

Когда наследник на 9 месяцев уехал в кругосветное путешествие, Кшесинская от сердечной тоски с головой ушла в работу, оттачивая до совершенства свое мастерство. И она первая среди русских танцовщиц исполнила на сцене 32 фуэте подряд — трюк, которым до этого русскую публику удивляли только итальянские балерины

Но этот намек имел очень глубокие корни. По существовавшим в России негласным обычаям, наследник престола до женитьбы должен был иметь хотя бы одну любовную связь — так сказать, для практики. И выбор императора пал именно на Матильду Кшесинскую, отвечавшую всем царским требованиям и пожеланиям. Родословная красавицы была в порядке, медицинские справки тоже. Профессия — традиционная, обычно члены царской семьи

тя бы увидеть вблизи Николая, была бесконечно счастлива, когда он пришел поговорить с ней во время антракта. Вот оно, наконец-то! Теперь будет назначено свидание в одном из уединенных павильонов и...

И... после сборов наследник на 9 месяцев уехал в кругосветное путешествие. А заводить серьезные отношения наспех он не желал. Кроме того, цесаревич никак не мог забыть встречу с приезжавшей в Россию на свадьбу сестры Алису

Гессен-Дармштадтскую, в которую был искренне влюблен.

А Матильда, чтобы заглушить тоску, с головой ушла в работу. Она хотела дополнить мягкую пластику, свойственную русской школе балета, виртуозной техникой ног, которой в совершенстве владела итальянская школа, и брала частные уроки у знаменитого педагога Энрико Чеккетти. Кстати, Кшесинская первая среди русских танцовщиц исполнила на сцене 32 фуэте подряд — трюк, ко-

торым до этого русскую публику удивляли только итальянки.

Когда наследник вернулся в Россию, он стал все чаще бывать в доме Кшесинских.

«Нас все более влекло друг к другу, и я все чаще стала подумывать о том, чтобы обзавестись собственным уголком. Встречаться у родителей становилось просто невыносимым. Хотя наследник, с присущей ему деликатностью, никогда об этом открыто не заговаривал, я чувство-

*Матильда
Кшесинская*

вала, что наши желания совпадают. Но как сказать об этом родителям? Отец был воспитан в строгих принципах, и я знала, что нанесу ему страшнейший удар, принимая во внимание те обстоятельства, при которых я покидала семью. Я сознавала, что совершаю что-то, чего я не имею права делать из-за родителей. Но... я обожала Ники, я думала лишь о нем, о моем счастье, хотя бы кратком...»

В 1892 году Кшесинская переехала в прелестный маленький особняк на Английском проспекте. Наследник постоянно приезжал к ней, и они провели там вместе много счастливых часов. Впрочем, уже через год Ники стал навещать балерину все реже и реже, а 7 апреля 1894 года была объявлена помолвка Николая с принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской.

*Цесаревич
Николай
в юные годы*

До самой свадьбы продолжалась его переписка с Кшесинской. Она попросила у Ники разрешения по-прежнему общаться с ним на «ты», а также обращаться к нему за помощью в сложных ситуациях. В последнем письме к балерине наследник ответил: *«Что бы со мною в жизни ни случилось, встреча с тобою останется навсегда самым светлым воспоминанием моей молодости».*

Современники, лично знавшие Кшесинскую, отмечали, что особо хороши у нее были глаза. Темные, блестящие, напоминавшие две сладостные бездны. После того как наследник начал официально ухаживать за Матильдой, восходящую звезду прозвали «феей Оленьего парка», намекая тем самым и на ее статус царской фаворитки, и на прекрасные глаза с поволокой.

Настоящая женщина всегда чувствует, когда у нее есть соперница. Матильда Кшесинская ощущала незримое присутствие другой с самого начала. Та, другая, занимала все мысли Николая, это ее имя он произносил во сне, обнимая прильнувшую к нему Матильду. Алиса Гесенская. Наследник престола по-прежнему мечтал о далекой белокурой принцессе, и чем больше он узнавал Матильду, тем сильнее желал немку. Кшесинская всегда была под рукой, а всякая доступность рано или поздно убивает любовь. Особенно, если она не слишком сильная. «Маленькая К.», как он называл ее в своих дневниках, давно перестала быть загадкой. Алиса же, напротив, незаметно превратилась в Прекрасную Даму, образ которой

бередил душу и растравлял сердце. Все чаще Николай оставлял приму и уезжал во дворец.

Кшесинская понимала, что разрыв неизбежен, но так или иначе старалась продлить агонию любви. Она действительно привязалась к нему. Иногда в самых дерзких мыслях она мечтала о тяжелой княжеской короне. Мечтала вопреки всему. Ведь тщательно выбранную фаворитку сразу честно предупредили — брак, даже морганатический, невозможен, поскольку в этом случае Николай лишится права на престол. И уж, конечно, никаких внебрачных детей.

Николай Александрович, кстати, к престолу не особенно стремился, хотя и изменить свою судьбу не пытался, искренне считая, что Бог возложил на него миссию главы Рос-

*Великий
князь
Сергей
Михайлович*

сии. А тут еще и сугубо династический брак — большая редкость! — по любви.

«Уже пошел четвертый год, как я люблю Аликс Г. и постоянно лелею мысль, если Бог даст когда-нибудь на ней жениться...» — писал он в своем дневнике.

О помолвке российского цесаревича с принцессой Алисой Гессен-

Дармштадтской, которая произошла за границей, Матильда прочитала в утренних газетах.

Что чувствуешь, когда тебе предпочли другую женщину? Она испытала горечь. Победа над наследником оказалась, увы, мимолетной. Да, он хотел быть ведомым по жизни, но роль поводыря отныне должна была исполнять белокурая Аликс.

Конечно, многие мужчины, женившись, не забывают о своих прежних пассиях. Но Николай был безупречным семьянином, слишком долго он ждал своего счастья, чтобы тут же его потерять.

После помолвки цесаревич никогда не переступал порога ее дома. Прощальная встреча состоялась в парке, и пани Кшесинская в сотый раз вспоминала его последние слова, полные сожаления и нежности.

Теперь, выезжая на прогулки в сопровождении многочисленных поклонников, Матильда улыбалась и шутила, словно и не испытывала душевной боли. Она не терпела жалости по отношению к себе.

Вообще, надо сказать, было что-то мистическое в том, как эта женщина действовала на мужчин семейства Романовых. Сначала обратила на себя внимание самого императора Александра III, который, правда, пекся о благополучии наследника. Затем роман с Николаем. А после разрыва настала очередь великого князя Владимира Александровича. Он часто бывал на ее спектаклях, оставляя для красавицы цветы. Увы, возраст князя не позволял приударить за примой Мариинки.

Князю Сергею Михайловичу повезло больше. Правда, с Матильдой его свел не кто иной, как сам Николай, украдкой попросивший родственника присмотреть за балериной и обеспечить ей безбедное существование. Сергей Михайлович трогательно ухаживал за Кшесин-

ской, осыпал ее подарками и оплачивал счета, утешал балерину после расставания с Ники. Их долгое время связывали близкие и теплые отношения, которые опять же никого не удивляли.

Кстати, с подачи императора, в 1900 году Кшесинской легко удалось получить персональный бенефис, посвященный десятилетию ее работы в Императорском театре, хотя другим артистам такие почести полагались лишь после двадцати лет службы или перед выходом на пенсию.

Для бенефиса балерины в Эрмитажном театре Мариусом Петипа были поставлены «Арлекинад» и «Времена года». В том же году балетмейстер возобновил специально для нее «Баядерку».

Матильде было 27, и она находилась в расцвете женской красоты и творческих сил. Аплодисменты не смолкали. Виновицу торжества осыпали подарками и цветами, после спектакля, как и положено в таких случаях, состоялся банкет. На праздничном ужине присутствовали великий князь Сергей Михайлович и великий князь Андрей Владимирович. Последний от смущения опрокинул бокал вина на платье балерины. И покраснел от смущения...

Он был молод (всего 23 года) и очень красив. Но, главное, князь Андрей напоминал молодого влюбленного Ники. И Матильда потеряла голову от внезапно вспыхнувшей страсти...

«В мое сердце закралось сразу чувство, которого я давно не испытывала; это был уже не пустой флирт... Со дня моей первой встречи с великим князем Андреем Владимировичем мы все чаще и чаще стали встречаться, и наши чувства друг к другу скоро перешли в сильное взаимное влечение...»

Осенью 1901 года они вместе поехали в путешествие по Европе. В Париже Кшесинская узнала, что ждет ребенка. 18 июня 1902 года она родила сына у себя на даче в Стрельне.

кий князь смог официально усыновить своего родного ребенка. Правда, фамилию мальчик получил Красинский, но на это у Матильды были свои причины.

История семьи Кшесинских не менее занимательна, чем биография самой балерины. Ее предки жили в Польше и относились к роду графов Красинских. В первой половине XVIII века случились события, перевернувшие жизнь знатного семейства. И виной этому, как часто бывает, стали деньги.

После помолвки Николай никогда больше не переступал порога ее дома. Прощальная встреча состоялась в парке, и пани Кшесинская в сотый раз вспоминала его последние слова, полные сожаления и нежности. Но, увы, любви в них не было. При этом, к чести Николая, он никогда не забывал о Матильде и неизменно приходил ей на помощь в трудных ситуациях

Сначала она хотела назвать его Николаем, в честь своего любимого Ники, но посчитала, что не имеет права этого делать. В итоге, мальчика назвали Владимир — в честь отца Андрея Владимировича. А отчество дали — Сергеевич, в честь великого князя Сергея Михайловича, перед которым Матильда чувствовала себя очень виноватой.

Уже в эмиграции, в Ницце, в январе 1921 года Кшесинская и Андрей Владимирович обвенчались, и вели-

Прапрапрадедом Кшесинской был граф Красинский, обладавший огромными богатствами. После смерти графа почти все наследство отошло его старшему сыну (прапрадеду Кшесинской), а его младший брат не получил практически ничего. Но вскоре счастливый наследник умер, не оправившись от смерти своей супруги. Владельцем несметных богатств оказался его 12-летний сын Войцех (прадед Кшесинской), оставшийся на попечении француза-воспитателя.

*Великий князь Андрей Владимирович —
супруг Матильды*

Дядя Войцеха, считавший несправедливым распределение наследства графа Красинского, решил убить мальчика, чтобы завладеть состоянием. В 1748 году кровавый план уже близился к завершению: двое наемных убийц готовили преступление, но у одного из них сдали нервы, и он рассказал обо всем французу, воспитывавшему Войцеха.

Собрав наспех вещи и документы, тот тайно вывез мальчика во Францию, где поселил его в доме своей семьи под Парижем. Чтобы максимально законспирировать ребенка, его записали под фамилией Кшесинский. Почему была выбрана именно эта фамилия — неизвестно. Сама

Матильда в мемуарах предполагает, что она принадлежала ее прадеду по женской линии.

Когда воспитатель умер, Войцех решил остаться в Париже. Там в 1763 году он женился на польской эмигрантке Анне Зиомковской. Спустя семь лет у них родился сын Ян (дед Кшесинской). Вскоре Войцех решил, что может вернуться обратно в Польшу. За годы его отсутствия ушлый дядя объявил наследника умершим, а все богатства семьи Красинских забрал себе. Попытки Войцеха вернуть наследство оказались напрасны: воспитатель при побеге из Польши взял не все документы. Восстановить историческую прав-

ду в городских архивах тоже было трудно — многие бумаги оказались уничтожены в ходе войн.

Единственное, что сохранилось у семьи Кшесинской в доказательство их происхождения — это кольцо с гербом графов Красинских.

В 1925 году Матильда перешла из католичества в православие с именем Мария. После этого великий князь Кирилл Владимирович присвоил ей и ее потомству титул и фамилию князей Красинских, а 28 июля 1935 года — светлейших князей Романовских-Красинских.

В 1904 году Кшесинская уволилась из театра по собственному желанию, и после полагающегося про-

щального бенефиса с ней был заключен контракт на разовые выступления — сначала с оплатой по 500 рублей за каждое выступление, с 1909 года — по 750 рублей.

Уход из театра совпал с переездом Матильды в новый дом на Кронверкском бульваре. В этом особняке стали регулярно бывать известнейшие люди своего времени: Федор Шаляпин, Вацлав Нижинский, Татьяна Карсавина, Анна Павлова. Домашние спектакли, импровизированные концерты и «капустники», проходившие в особняке Кшесинской, были обязательной приметой блистательного Петербурга вплоть до Первой мировой войны. На весь

Андрей Владимирович Романов и Матильда Кшесинская с сыном Владимиром

город славились званые обеды и ужины, приемы и рауты, устраиваемые в особняке. Особенно пышно отмечалось в 1911 году двадцатилетие сценической деятельности балерины.

Собиралось избранное общество и на даче Кшесинской в Стрельне. Двадцатитрехлетний стрельнинский период в жизни Кшесинской начался после разрыва близких отношений с Николаем. Находясь в депрессии, Матильда наняла в одной из дач в Стрельне второй этаж и на лето поселилась там с сестрой «совершенно уединенно от всего мира, не имея ни желаний, ни сил кого-либо видеть. Я хотела лишь одного: чтобы меня оставили в покое. Но я взяла себя в руки, чтобы быть в состоянии выступить летом в Крас-

Надо сказать, что таким верным другом, каким он показал себя в эти дни, Сергей Михайлович остался на всю жизнь, и в счастливые годы, и в дни революции и испытаний. В ночь на 18 июля 1918 года он был убит пулей в голову при сопротивлении чекистам, бросавшим живых детей великого князя Константина Константиновича — Иоанна, Константина и Игоря — вместе с другими членами императорской фамилии в шахту под Алапаевском.

В декабре 1914 года Кшесинская на свои деньги открыла в доме №24 по Каменноостровскому проспекту лазарет на тридцать кроватей для раненых солдат.

«Я не жалела средств на его устройство, в нем были две операционные комнаты и три палаты для ране-

В знаменитом особняке Кшесинской регулярно бывали известнейшие люди своего времени: Федор Шаляпин, Вацлав Нижинский, Татьяна Карсавина, Анна Павлова. Импровизированные концерты и «капустники», проходившие там, стали приметой блистательного Петербурга вплоть до Первой мировой войны

ном Селе... В моем горе и отчаянии я не была одинокой. Великий князь Сергей Михайлович, с которым я подружилась с того дня, когда Наследник его впервые привез ко мне, остался при мне и поддерживал меня...»

ных. Я привлекла лучших врачей... В день освящения лазарета приехало все санитарное начальство, начиная с Градоначальника...»

Мало кто знает, что балерина в апреле-мае 1917 года доставила большевикам немало проблем и да-

же вела с ними имущественную тяжбу, о которой знал весь революционный Петроград.

Предметом тяжбы был знаменитый особняк на углу Кронверкского проспекта и Большой Дворянской улицы, с балкона которого вечером

3 апреля 1917 года перед рабочими и матросами выступал Владимир Ленин, только что вернувшийся из эмиграции. Однако обо всем по порядку.

В начале февраля 1917 года обстановка в Северной столице стала

*Особняк
Матильды
Кшесинской*

накаляться. Полицмейстер Владислав Галле порекомендовал балерине вместе с сыном покинуть столицу, поскольку ожидалась беспорядки. Опасения были вполне обоснованы: ни для кого не была секретом близость Кшесинской к императорской семье, последние полгода она получала анонимные письма с угрозами расправы.

Матильда на время уехала в Финляндию, но к середине месяца вернулась. 22 февраля балерина давала обед с шикарной сервировкой на 24 персоны. Она еще не знала, что это будет последний прием в ее особняке.

26 февраля ей позвонил генерал Галле и велел спасаться.

«Когда я взглянула вокруг себя на все, что было у меня драгоценного в доме, то не знала, что взять, куда

везти и на чем, когда кругом уже бушует море. На следующий день, в понедельник 27 февраля, с каждым часом становилось все тревожнее и тревожнее. Все, что было более драгоценного, и что попадалось мне под руку, я уложила в саквояж, чтобы быть готовой на всякий случай», — вспоминала балерина.

27 февраля Кшесинская, в черном пальто, платке на голове, чемоданчиком с драгоценностями, покинула свой особняк, в котором счастливо прожила 11 лет.

Уже на следующий день в здание ворвались революционеры неизвестной масти во главе со студентом Агабабовым. Автомобили Кшесинской исчезли, а с ними антиквариат и прочие ценные вещи.

1 марта особняк самовольно заняли солдаты мастерских запасно-

го автобронедивизиона — они расположились на первом этаже. Параллельно здание приглянулось активистам Петроградского комитета большевиков, который 11 марта 1917 года перебрался в жилище Кшесинской. После того, как в здании обосновался и ЦК РСДРП (б), петроградские газеты нарекли особняк «главным штабом ленинцев».

Удивительные все-таки пируэты выписывает судьба!

Кшесинская решила бороться за свою собственность. Однако вы-

яснилось, что незваные гости вовсе не собираются покидать ее уютный особняк. Матильда Феликсовна имела обстоятельный разговор с главой Петрокомитета Львом Михайловым. Тот хоть и был вежлив с императорской любимицей, но все больше иронизировал, всячески давая ей понять, что у дома появились новые владельцы.

Аналогичным образом прошла беседа Кшесинской с представителем большевиков в Исполкоме Петровета Александром Шляпниковым.

*Сын —
Владимир
Андреевич
Романовский-
Красинский*

Справа:
*Матильда
с сыном*

Началось хождение балерины по кабинетам чиновников всех уровней и политических мастей: она побывала в военной комиссии Временного комитета Госдумы, обращалась к командующему Петроградским военным округом генералу Лавру Корнилову. Пыталась взывать к совести и членов Петросвета: для них Кшесинская в знак особого уважения

даже написала письмо с просьбой вернуть ей дом. «У меня ребенок, а мы остались без крова», — писала бывшая хозяйка особняка.

В ответ высший орган «революционной демократии» принял резолюцию, в которой признавал «захват кем бы то ни было частной собственности недопустимым» и предложил комитету броневому дивизиона «не-

медленно очистить занимаемое им в доме Кшесинской помещение, предоставив таковое владелице». Однако никакой силы этот документ не имел: из особняка на Кронверкском проспекте никто так и не съехал.

Малоэффективным оказалось и обращение к тогдашнему министру юстиции Керенскому. Александр Федорович был с дамой крайне любезен, обещал «оградить от всяких неприятностей» и даже дал номер своего домашнего телефона, но во время повторного визита вынужден был заявить Кшесинской, что освободить ее дом силой нельзя, «так

❖ **В** эмиграции Кшесинская при участии своего супруга написала мемуары, изданные в 1960 году в Париже на французском языке. А первое российское издание увидело свет лишь в 1992 году. С кончиной князя Андрея, по словам самой Кшесинской, «кончилась сказка, какой была моя жизнь». Один за другим уходили в небытие друзья и подруги, а она оставалась жить, погружаясь в милые сердцу воспоминания...

как это повлечет за собой кровопролитие около него, что еще более осложнит дело».

Тогда Матильда обратилась в суд. (В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга сохранилось «Личное дело Кшесинской М.»).

Надо сказать, что к этому моменту Кшесинскую газеты уже не высмеи-

вали, а представляли как одну из жертв произвола большевиков. Питерские телефонистки даже грозили объявить бойкот и не соединять с засевшими в особняке «ленинцами». Буржуазные феминистские организации, в свою очередь, устраивали манифестации, требуя возврата здания законной владелице. В ответ левые газеты публиковали резолюции

митингов рабочих, солдат и матросов, требовавшие признать многострадальный дом общественным достоянием. Гарнизон Петропавловской крепости заявил о готовности ответить орудийным огнем на любую попытку силой выселить большевистские организации.

Суд принял решение в пользу Кшесинской. Ответчики-революционеры его проигнорировали, пригрозив устроить «хорошенькое побоище» каждому, кто посмеет хотя бы заикнуться о выселении. «У революции свои законы».

Благополучная жизнь, однако, закончилась: в Петербурге становилось все менее и менее спокойно, так что Кшесинская больше сюда никогда не вернулась.

«Я, конечно, мечтала осенью вернуться из Кисловодска в Петербург, когда, как я надеялась, освободят мой дом», — наивно считала она.

Через Кисловодск добрались до Новороссийска. Беженцы ехали на поезде из двух вагонов, причем великая княгиня Мария Павловна ехала в вагоне 1-го класса со своими знакомыми и окружением, а Кшесинская с сыном — в вагоне 3-го класса.

19 февраля 1920 года отплыли на итальянском пароходе «Семирамида» в Константинополь, где получили французские визы. Прекрасная Венеция, затем — Париж. Судьба пощадила и двух самых близких ей людей: мужа и сына. Нельзя сказать, что в эмиграции они жили в роскоши, но, в отличие от многих русских,

не бедствовали. В доме Кшесинской, как и в прежние времена, собирался истинный бомонд.

Годы шли. Матильде Кшесинской уже исполнилось 49 лет. В 1926 году великий князь Кирилл Владимирович присвоил ей и ее потомству титул и фамилию князей Красинских. Матильда Феликсовна была счастлива: она получила титул и фамилию княгини Красинской, и спустя десятилетия все же вошла в дом семьи Романовых. Пусть и с помощью другого мужчины.

В годы Второй мировой войны, когда немцы оккупировали Францию, сын Матильды был арестован гестапо. По легенде, балерина, чтобы добиться освобождения, добилась личной аудиенции у шефа гестапо Мюллера. Сама Кшесинская этого никогда не подтверждала. Владимир провел в концлагере 144 дня, в отличие от многих других эмигрантов, сотрудничать с немцами отказался, но все-таки был выпущен на свободу.

Во Франции он занимался торговлей вином. После освобождения из гестапо оказался в Англии, а в Париж вернулся в августе 1944 года в качестве офицера связи между британской армией и де Голлем, состоя в свите Черчилля. Умер холостым и бездетным, через несколько лет после матери, скончавшейся в 1971 году.

А сама Кшесинская в эмиграции при участии своего супруга написала мемуары, первоначально издан-

ные в 1960 году в Париже на французском языке. Первое российское издание на русском языке вышло лишь в 1992 году.

В 1956 году умер муж Матильды Феликсовны. Она писала: «С кончиной Андрея кончилась сказка, какой была моя жизнь». Один за другим уходили в небытие ее друзья и подруги, а она оставалась жить, погружаясь в милые сердцу воспоминания.

Иван Бунин писал, что настоящая женщина может быть сколь угодно некрасивой, но она обязательно должна обладать легким дыханием: то есть принимать жизнь такой, какая она есть, и радоваться каждому дню... Матильда Феликсовна имен-

но такой и оставалась до последнего вздоха.

Скончалась она 5 декабря 1971 года, не дожив несколько месяцев до своего столетия. Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем в одной могиле с мужем. На памятнике выгравирована эпитафия:

«Светлейшая княгиня Мария Феликсовна Романовская-Красинская, заслуженная артистка императорских театров Кшесинская».

«Не надейтесь на князи, на сыны человеческие, в них же несть спасения».

Псалтирь, псалом 145. □

Пошла бабушка в аптеку

Пошла бабушка в аптеку.

А в аптеке лекарства нет.

То есть, конечно, есть, но за деньги. А бабушке бесплатно от государства положено. Во-первых, как пенсионерке, во-вторых, как хроническому гипертонику.

Бабушка прикинула — если она за деньги лекарства купит, то на утку ей точно не хватит. А ей так утку хочется — с яблоками, с брусникой и кусочками мандаринов. Она такую у Петровны на юбилее пробовала — восторг, а не утка. Петровне она тогда не сказала «восторг», наоборот, критику навела — жирно, кисло, недосолено, ну и вообще, кто ж фрукты в мясо сует.

Но втайне с тех пор бабушка только и мечтала — купить огромную утку, яблоки, бруснику, мандарины и... Посолить, разумеется, от души, а не как у Петровны. И пусть потом гипертонический криз накроет, пусть даже это будет последняя утка в ее жизни, но душу она отведет.

Пересчитала бабушка еще раз свои деньги и решила монетку кинуть: «орел» — значит, утка, «решка» — лекарства.

Кидать монетку в аптеке было неудобно, поэтому бабушка вышла на крыльцо.

А на крыльце дедушка плачет.

— Ну, и чего ты нюни распустил? — спросила его бабушка. — Подумаешь, лекарства не дали!

— У меня диабет, — всхлипнул дедушка. — Мне без лекарства — кирдык.

— Тебе и с лекарством кирдык. Какая разница — неделей раньше, неделей позже...

Дедушка перестал плакать, зло посмотрел на бабушку и с вызовом произнес:

— А вот не надо меня раньше времени хоронить. Кроме сахара у меня все параметры на самом высоком уровне.

— У тебя и сахар на самом высоком уровне, — усмехнулась бабушка. — Ты мне лучше скажи, где утку хорошую купить можно.

— Утку? — переспросил дедушка. — У меня после бабки осталась, могу подарить...

— Тьфу на тебя! — возмутилась бабушка. — Я настоящую утку имею в виду. Съедобную.

— Да где ж ты сейчас настоящую съедобную утку найдешь! — хохотнул дедушка. — В магазинах такую не купишь...

Бабушка развернулась и пошла, стараясь не упасть на крутых ступеньках.

— А зачем тебе утка? Она — жуть дорогая, — догнал ее дедушка.

— Плевать! Один раз живем, — ответила бабушка.

Дедушка сильно задумался. Так и шел за бабушкой, задумавшись, даже под ноги не смотрел.

Они дошли до остановки. А тут автобус — видимо, бабушкин, потому что она первой к автобусу бросилась, даже рукой какого-то мужика оттолкнула.

Дедушке не нужно было в автобус, но он тоже заскочил. Зачем — неизвестно. Работая локтями и корпусом, пробился к бабушке и шепнул ей на ухо:

— А я знаю, где хорошую утку взять.

— И где? — отозвалась бабушка. — На рынке дорогие, в супермаркетах — дрянь импортная.

— А у меня ружье есть.

— Че, правда? — Бабушка глянула на него уже с интересом.

Дедушка кивнул и перекрестился.

— Е-мое, чего же ты раньше молчал-то? Я бы лекарства купила.

— Да ты погоди-то радоваться, я сто лет не стрелял, может, не попаду еще...

— Я попаду, — прервала его бабушка. — Я завсегда попадаю, когда хочу.

— Василич, — протянул руку дедушка.

— Николаевна, — подала ему руку бабушка.

Дедушка подумал и поцеловал руку, потому что жать маленькую ладошку было как-то не по-мужски.

— Красиво летят! — сказал дедушка, глядя на уток в небе.

Бабушка вскинула ружье и прицелилась.

— Погоди, Николаевна, — остановил ее дедушка. — Глянь, какая гармония...

— Гармония будет, когда я ее яблоками нафарширую, — отрезала бабушка и снова прицелилась.

Дедушка вздохнул и отвернулся.

Утки летели, выстрела не было.

Он обернулся — бабушка стояла, опершись на ружье, как на костыль, и о чем-то думала.

— Ты чего, Николаевна? — обеспокоился дедушка.

— Да вот думаю... Летишь вот так по своим делам, вдруг — бах! Кто-то, видите ли, пожрать захотел...

— В мире все так устроено, — вздохнул дедушка. — Все жрут кого-то.

— Не все. Бывают и хорошие люди. Я, например.

— Дай сюда! — Он забрал ружье у бабушки и прицелился.

Утки были уже далеко, но попасть еще можно было.

Бабушка отвернулась.

Утки летели, выстрела не было.

Утки исчезли за горизонтом, ружье так и не выстрелило.

Бабушка обернулась.

Дедушка сидел на земле и плакал. Ружье валялось под соседней осиной.

— Ты чего? — спросила бабушка и села на землю рядом с дедушкой.

— А... Не знаю... — утер он слезы. — Нахлынуло что-то. Представил себе — летишь вот, планы строишь...

— Вдруг — бах! — подхватила бабушка. — Кто-то пожрать захотел.

— Да ладно, если б пожрать, а то так, просто удаль свою показать.

— Ну, знаешь, Василич, сам меня сюда затащил, я в супермаркет идти хотела.

Бабушка встала, отряхнулась и быстро пошла вперед, не оглядываясь.

— Николаевна! Там болото! — крикнул дедушка, но бабушка его не услышала.

— Ну, и дура же ты старая! — Дедушка подполз к болоту с осиновым дрыном в руке и крикнул: — Держись! Держись, говорю!

Бабушка вынырнула из цепкой трясины и ухватилась за дрын.

— Крепче держись! — крикнул дедушка, медленно отползая назад.

Бабушка подумала, что это очень странная смерть — утонуть в трясине. Да еще с незнакомым дедушкой.

— Слышь, тебя как зовут? — из последних сил прошептала она.

— Не скажу, — из последних сил прошептал дедушка.

— Что, так и утонем, не познакомившись?

— Я тебя вытяну, — пообещал дедушка и с такой силой дернул дрын, что трясина не смогла удержать бабушку.

— Еще на последний автобус успеем, — тихо проговорила она.

— Только если бегом, — кивнул дедушка и помог бабушке подняться.

— Ну, че стоишь?! Побежали!

Бабушка огляделась, прикинула, в какой стороне остановка, и припустила так, что у дедушки почти не осталось шансов догнать ее.

— Стой! — закричал он. — Подожди, я ружье заберу!

— Если не успеем, на такси все деньги спустить придется! — крикнула в ответ бабушка.

Дедушка посмотрел на ружье, махнул на него рукой и побежал догонять бабушку.

В автобусе они были одни.

Этот факт отчего-то заставил дедушку приобнять бабушку.

— Мы так и не познакомились, — шепнул он ей на ушко. — Тебя как зовут?

— Не скажу, — кокетливо улыбнулась бабушка.

— Скажешь, куда ты денешься, старая, — игриво толкнул он ее в бок.

Бабушка положила ему на плечо голову.

— В баню бы тебя, а то простынешь. Мокрая, вон, вся. — Дедушка крепче обнял бабушку.

— Не простыну, — сказала она. — Я крепкая.

Автобус тихонечко остановился, словно водитель боялся спугнуть бабочку, севшую на капот.

Дедушка вышел первым и подал бабушке руку.

— К тебе пойдём или ко мне? — деловито спросила она.

— Что, так сразу? — смутился дедушка.

— А чего тянуть? В наши-то годы...

Дедушка увидел, как водитель автобуса ему подмигнул, и решительно произнес:

— Сначала в ресторан, а потом ко мне!

— Пыль хочешь в глаза пустить? — строго спросила бабушка.

— Все лучше, чем когда песок сыплется. Пойдем, утку с яблоками тебе закажу.

Автобус выпустил черное облако и уехал.

— А деньги-то у тебя есть, гусар? — спросила бабушка.

— Да навалом у меня денег. Знаешь, сколько я накопил?

— Знаю, — засмеялась бабушка. — Сама почти всю пенсию на карточку складывала. Мало ли что.

— Вот и я — мало ли...

— Только мне, это, переодеться надо, а то я как кикимора болотная. Я быстро, ты подождешь?

— Подожду, — приосанился дедушка. — Иди, наводи свой марафет.

Бабушка легкой походкой направилась к дому.

Дедушка сел на скамейку.

Потом лег.

Звезды на небе отчетливо просигналили — сахар упал, надо принимать лекарство...

Но лекарства не было, а бабушка все не шла — наверное, примеряла платье.

— Так и не познакомились, — выдохнул дедушка и тут увидел, как бабушка бежит к нему — молодая, легкая, в белом платье и босоножках.

Дедушка подумал, что нельзя умирать.

Нельзя обмануть бабушку.

— У него сахар упал! — услышал он ее крик и сирену «скорой»...

— Вот тебе, дедушка, и утка с яблоками, — сказала бабушка.

В реанимации не было мужских и женских палат, поэтому они оказались на соседних койках.

— Не понял... — простонал дедушка.

— Чего непонятного. У меня инсульт, у тебя диабетическая кома. И одна «утка» на двоих, будь она неладна.

— А я говорил! — засмеялся дедушка. — Сразу предупреждал, какая нам утка нужна!

— Дай мне слово, что, когда мы поженимся, деньги тратить будем, а не на «мало ли что» откладывать.

— А мы поженимся? — испугался дедушка.

— А ты думал, поматросил и бросил? Я уже с батюшкой договорилась. Прямо сюда придет.

— Отпевать? — еще больше испугался дедушка.

— Венчать, старый ты дуралей!

— Тебя как зовут-то, Николаевна? — простонал дедушка.

Бабушка промолчала.

— Хорош выпендриваться, — рассердился дедушка. — Под венец тащишь, а имя так и не назвала.

— Забыла я. — Бабушка отвернулась к стенке. — Память после инсульта отшибло.

— Ох, елки... Вот интрига-то...

— Ничего, в паспорте потом посмотрим, — успокоила дедушку бабушка. — Слышь, старый, «утку» придвинь ко мне, а то медсестер этих не дозовешься... И выйди, выйди отсюда!

Дедушка встал и вышел, хоть голова и кружилась.

Захотелось удрать — как в школе с контрольной.

Только сил не было.

И окно заперто.

И дверь на замке.

«Придется жениться», — подумал дедушка.

И громко сказал:

— Во, попал! □

Юрий Осипов

Художественный талант **Юрия Олеши** принадлежит к числу самых исключительных не только после революционной советской, но и мировой литературы XX века. Оригинальной, ни на кого непохожей была и человеческая личность этого большого прозаика, написавшего за жизнь в количественном измерении совсем не-

На кончике солнечного луча

много. Судьба его является одной из наиболее драматичных писательских судеб нашей эпохи.

Автор непревзойденной детской книги «Три толстяка» и уникального романа «Зависть» о месте интеллигенции в процессе построения социалистического общества, а также импрессианистического, донныне поражающего поэтическими метафорами сборника рассказов «Вишневая косточка» и посмер-

тно изданного дневника литературных откровений «Ни дня без строчки» умер от разрыва сердца, не дожив до 62 лет. У него была душа мудреца и ребенка, переполненная любовью к миру и к одной-единственной женщине.

Он мечтал не о славе, а о путешествиях. Однако так никогда и не смог побывать за пределами СССР. Потомственный дворянин из старинного польского рода, Олеша презирал деньги и вечно в них нуждался, окончив свои дни в полной нищете. Редкие гонорары никогда не задерживались в его карманах, он раздавал их направо и налево. Получив в 1956 году приличный аванс за том «Избранное», Юрий Карлович шел с женой по улице и бросал деньги людям в открытые форточки первых этажей... Позвонил другу, знаменитому футболисту Николаю Старостину (Олеша был страстным футбольным болельщиком) и предложил тому взять у него в долг любую сумму. Старостин отказался. А буквально на следующий день все же поехал в кафе гостиницы «Националь», где обыкновенно обретался Юрий Карлович, и попросил в долг. Олеша, замаявшись, достал последнюю купюру — остальные уже успел раздать. Старостин не хотел брать последние оставшиеся деньги. «Если не возьмете, я ее сейчас же порву», — сказал писатель.

В молодости он был франт, на фотографии тех лет мы видим его в белой шляпе, хорошем пальто. И некрасивое лицо притягивает взгляд отрешенностью внутренней жизни и поэтической одухотворенностью. С годами лицо писателя окаменело в брезгливой суровости, огрубело и стало напоминать лицо портового докера или бродяги. Так же, как у изломанного тяжелой скитальческой жизнью другого прекрасного романтика и неистребимого лирика — Александра Грина, придумавшего свой «блистающий мир», мир Фантазии. К старости Олеша умышленно надел на себя маску нищего, гордящегося своим изгойством, и во всем старался соответствовать этому облику. Смолоду был бездомным, всегда жил у кого-то, лишившись квартиры в писательском доме, снимал с женой временное жилье, даже умер в коммуналке.

Жена писателя, Ольга Густавовна Суок, чью фамилию он сделал именем девочки-героини «Трех толстяков», всю жизнь любила мужа самозабвенно, и сама была для него всем.

Врожденное остроумие не изменяло Олеше даже в самые трудные минуты. Говорят, как-то раз он поинтересовался в Союзе писателей, сколько стоят казенные похороны члена Союза. Ему ответили: все, мол, зависит от разряда — классик, хороший писатель или просто рядовой. Юрий Карлович попросил похоронить его по третьему разряду, а разницу между третьим и первым выплатить при жизни. Цену себе он знал.

Юрий Олеша родился 3 марта в Елисаветграде (ныне — Кировоград, Украина). Отец его, Карл Антонович, разорившийся шляхтич, вынужденно служил акцизным чиновником, однако не утратил прежних лихих замашек, страсти к игре и кутежам, проиграв в карты родовое имение. Мать, Олимпия Владиславовна, была ревностной католичкой. Вообще-то исконно православный род отца писателя ведет начало от боярина Олеша Петровича, получившего в 1508 году от князя Федора Ярославич-Пинского село Бережное в Белоруссии. Впоследствии этот род полонизировался. Родным языком будущего писателя в годы раннего детства оставался польский. Атмосфера в доме часто накалялась. Олеша вспоминал, как слышал однажды ссору родителей с упоминанием каких-то остатков денег (они потом тоже были проиграны) и угрозы стрелять из револьвера... При всем том, супруги нежно любили и друг друга, и своих детей.

В 1902 году семья переехала в Одессу. Юрий учился в знаменитой Ришельевской гимназии, играл в футбол за ее команду и в гимназические годы начал сочинять стихи. В 1915 году его стихотворение «Кларимонда» было опубликовано в газете «Южный вестник». Всю жизнь он продолжал называть себя одесситом и гордился этим званием, образовав вместе с группой одареннейших писателей-земляков литературное направление, получившее название «Юго-Запад».

По окончании гимназии в 1917 году Олеша поступил в Одесский университет, где в течение двух лет изучал юриспруденцию. А в двадцатидвухлетнем возрасте создал совместно с молодыми литераторами В. Катаевым, И. Ильфом и Э. Багрицким объединение «Коллектив поэтов».

Дальнейший жизненный путь был окончательно определен. Правда, революция и гражданская война внесли в него свои коррективы. В 19-м Юрий пережил смерть горячо любимой сестры Ванды, а в 21-м уехал из голодной Одессы в Харьков по приглашению влиятельного руководителя РАТУ (Радиотелеграфное агентство Украины) и видного поэта В. Нарбута.

Там он успешно трудился журналистом и печатал стихи в периодике. В 22-м родители Олеша получили возможность эмигрировать в Польшу. Юрий очень переживал их отъезд, писал в дневнике, что, проводив родителей, долго плакал. И все-таки твердо решил остаться, избрав судьбу советского писателя. Вскоре он переехал в Москву, ставшую колыбелью его литературного творчества.

Начинать пришлось с поденной работы популярным фельетонистом под псевдонимом «Зубило» в культовой газете железнодорожников «Гудок», прославленной именами таких ее сотрудников, как М. Булгаков, В. Катаев, К. Паустовский, И. Ильф и Е. Петров. Стихотворные фельетоны Олеша появлялись на страницах газеты чуть ли не каждый день.

Он много ездил по стране, встречался с интересными людьми, набирался драгоценных жизненных впечатлений. Можно сказать, фельетонист «Зубило» сильно помог становлению писателя Олеси. Ему также повезло поселиться в знаменитом «писательском доме» в Камергерском переулке, где «буквально играло, веселилось моцартианское начало». Тогда же, ночуя в редакции на листах газетной бумаги, он начал «Трех толстяков».

которой он и посвятил «Трех толстяков».

Книга увидела свет в 1928 году с иллюстрациями М. Добужинского и сразу принесла автору всесоюзную известность. Потом она переводилась на разные языки, переиздавалась и переиздается до сих пор. В 1930 году Олеша сделал по заказу МХАТа ее инсценировку, которая с успехом продолжает идти во многих театрах мира. По «Трем толстякам» был поставлен балет на му-

В

рожденное остроумие не изменяло Олеше даже в самые трудные минуты. Как-то раз он поинтересовался в Союзе писателей, сколько стоят казенные похороны члена Союза. Ему ответили, что все зависит от разряда — классик, хороший писатель или просто рядовой. Юрий Карлович, выслушав это, попросил похоронить его по третьему разряду, а разницу между первым и третьим выплатить при жизни. Цену себе он знал...

Надо сказать, что первое свое прозаическое произведение, роман-сказку, Юрий Карлович написал за восемь месяцев. Вдохновляла его 13-летняя соседская девочка Валя Грюнзайд. Он увидел ее на балконе, читающей Андерсена, сразу влюбился без памяти и решил про себя: «Когда вырастет, прочтет мою книгу и станет моей женой». Увы, замуж выросшая Валя вышла не за него, а за соавтора Ильи Ильфа Евгения Петрова. А женой Олеси стала младшая из сестер Суок, Ольга,

зыку В. Оранского и снят А. Баталовым художественный фильм, в котором он сыграл без дублера роль канатоходца Тибула.

Творческий подъем Юрия Олеси, увенчавшийся созданием бессмертного романа-сказки, приводит его в те же годы к написанию остро сатирического, абсолютно новаторского по форме и содержанию романа «Зависть», который был опубликован в 1927 году в журнале «Красная новь». Пронизывающие

«Трех толстяков» революционная романтика и надежды на новое общество сменяются здесь глубоким разочарованием в плодах революции и пессимизмом по поводу бесчеловечности «капитанов промышленности», с энтузиазмом строящих социализм. Они воплощены в собирательном образе «колбасника» Андрея Бабичева, у которого вынужден находиться в приживалах главный герой романа, оказавшийся лишним интеллигент Николай Кавалеров.

Портрет, тщательно собираемый из мельчайших «витражных стеклышек» ненавидящим Бабичева Кавалеровым, страшен. Это портрет бездушной биологической машины, портрет человека-фабрики, человека-плана. Для автора романа, как и для его главного героя, весь ужас состоит в том, что «объявлена война» прежнему милому укладу людского быта, теплу человеческих взаимоотношений, самой частной жизни. Правда, и Кавалерову нечего проти-

вопоставить «бабичевым», он банкрот, ничтожный отброс новой жизни. Он трусит и раболепствует перед ее хозяевами в лице того же Бабичева. Он не способен даже привлечь внимание любимой девушки, которая про шумит мимо него, как «ветвь, полная цветов и листьев».

Этот совсем небольшой по объему трагический роман, посвященный крушению надежд, вместил в себя очень многое.

Аналогичное крушение надежд испытал к середине тридцатых годов и сам автор романа. Вписаться в однообразную шеренгу сталинских «инженеров человеческих душ» Олеша не мог и не хотел. И — надолго замолчал. В 30-е годы из-под его пера не вышло ни одного крупного произведения. Невостребованность в тоталитарном государстве рефлексирующих, терзаемых муками совести, мечтающих об ускользающем идеале героев Олеша со всей отчетливостью проявилась на Первом съезде Союза советских писателей в августе 1934 года, где Юрию Карловичу пришлось произнести покаянную речь, в которой он уподобил себя Николаю Кавалерову.

«Да, Кавалеров смотрел на мир моими глазами: краски, цвета, образы и мозаичные включения Кавалерова принадлежат мне. И это были наиболее яркие краски, которые я видел. Многие из них пришли из детства или вылетели из самого заветного уголка, из ящика неповторимых наблюдений. Как художник проявил я в Кавалерове наиболее чистую силу...

И тут сказали, что Кавалеров — пошляк и ничтожество. Зная, что многое есть в Кавалерове моего личного, я принял на себя это обвинение в пошлости, и оно меня потрясло».

В письме к жене Юрий Карлович так объяснял свой творческий кризис: *«Просто та эстетика, которая является существом моего искусства, сейчас не нужна, даже враждебна — не против страны, а против банды установивших другую, подлую, антихудожественную эстетику».*

Тем не менее, в тридцатые Олеша по заказу МХАТа работал над пьесой о нищем, об отчаянии и нищете человека, у которого отнято все, кроме презрительной клички «писатель». Пьеса «Смерть Занда» не получилась, осталась в эскизах. По сохранившимся черновикам М. Левитин поставил в 1986 году в московском театре «Эрмитаж» спектакль «Нищий, или Смерть Занда», который до сих пор не сходит со сцены. Зато получилась инсценировка «Зависти». Автор дал ей название «Заговор чувств». Он написал ее специально по просьбе Театра Вахтангова, где этот спектакль с огромным успехом шел многие годы и вызвал восторженный отзыв наркома просвещения А. Луначарского, в частности утверждавшего: *«"Заговор чувств" есть новая большая победа Театра Вахтангова и вместе с тем новая большая победа на всем нашем театральном фронте».*

Увы, в отношении творчества Олеша вскоре окончательно возобладала иная точка зрения. Пьесе «Список

благоденств» под давлением цензуры ему пришлось переписать. Но все равно критическое отношение к советской действительности в ней осталось. Эту пьесу поставил у себя в театре великий Мейерхольд. Спектакль шел три сезона подряд и давал полные сборы, но затем был снят по требованию цензуры. Да и как могло быть иначе, если даже в переделанной пьесе содержался «список преступлений» советской власти и выразилось отношение автора к расстрелам, к фактическому запрету на частную жизнь и на право высказывать свое мнение, к бессмысленности творчества в стране с сознательно разрушенным гражданским обществом. В дневнике той поры Юрий Олеша записал: *«Все опровергнуто и все стало несерьезно после того, как ценой нашей молодости,*

жизни — установлена единственная истина: революция».

В 1931 году был издан сборник рассказов разных лет «Вишневая косточка». Вот несколько строк из рассказа, давшего название сборнику: *«...Я ушел дачи с вишневой косточкой во рту. Я путешествую по невидимой стране... Две сестры идут по бокам и ведут путника за руки. Одну сестру зовут Внимание, другую — Воображение... Трамвайные часы висят над перекрестком. Они напоминают бочонок, не правда ли? Два циферблата, два днища. О, пустая бочка времени!..»*

Он, как никто, умел сопрягать незримые смыслы, поэтизировать обыденный мир, запечатлевать своих героев, по его собственному выражению, «на кончике солнечного луча».

Киноповесть «Строгий юноша» была опубликована в 1934 году. Позднее известный кинорежиссер Александр Роом снял по ней одноименный фильм — повесть о музыке, женской красоте и о том, что музыка ценнее любого богатства, а женская красота важнее самой гениальной музыки. Разумеется, фильм положили на полку почти на сорок лет.

С 1936 по 1956 год Олешу фактически перестали печатать. Имя его появлялось в периодике только под статьями, рецензиями, заметками, очерковыми зарисовками, изредка — под небольшими новеллами. Он написал еще интересные воспоминания о писателях-современниках (Маяковском, А.Толстом, Ильфе

*С женой
Ольгой Суок*

и Петрове), а также литературные портреты русских и зарубежных классиков, чье творчество особенно ценил (Стендаля, Чехова, Марка Твена и других).

Не писал Олеша ничего «советского», не восхвалял социализм, не отыскивал, как сказочник Евгений Шварц, с помощью эзопова языка возможностей обойти цензуру. И «в стол», подобно многим талантливым и честным собратьям по перу, художественной прозы тоже не сочинял — не в силах был, зная, что это не прочтут. Зато все годы отлучения от литературы он вел дневниковые записи, заготовки к будущему роману, из которых после его смерти Владимир Шкловский собрал книгу «Ни дня без строчки».

В период сталинских репрессий, когда были физически уничтожены

И. Бабель, В. Мейерхольд, Д. Святотопolk-Мирский, В. Стенич и многие другие выдающиеся деятели литературы и искусства, с которыми Олеша дружил, сам он лишь чудом избежал ареста. Чтобы как-то существовать с семьей, работал сценаристом. Однако кроме упоминавшегося выше «Строгого юноши», по его сценариям были сняты только два фильма: «Болотные солдаты» и «Ошибка инженера Кочина». А ведь Олеша написал с десяток сценариев. Литературная поденщина приносила скромные заработки, но не моральное удовлетворение.

По заказу Вахтанговского театра он инсценировал роман Достоевского «Идиот». Разбирая после смерти бумаги писателя, Шкловский нашел в них завязки более трехсот пьес. О том, что дар художника не

был им утрачен, свидетельствуют записные книжки Олеши, его послевоенные мемуарные публикации о встречах с Пастернаком, Утесовым, Зощенко, о смерти Бунина, о гастрольях «Комеди Франсез» в Москве, о собственной ушедшей молодости и о многом другом...

Во время войны Юрий Карлович с женой был эвакуирован в Ташкент. После возвращения из эвакуа-

свой постоянный столик у широкого окна в пол на Манежную площадь. Знакомые завсегда и этого модного, говоря нынешним языком, «тусовочного» места почтительно приближались к нему с приветствиями и угощением. В течение вечера компания за столиком Олеши не раз сменялась. Порой он приходил сюда в сопровождении кого-то из друзей, а иногда — совершенно

О

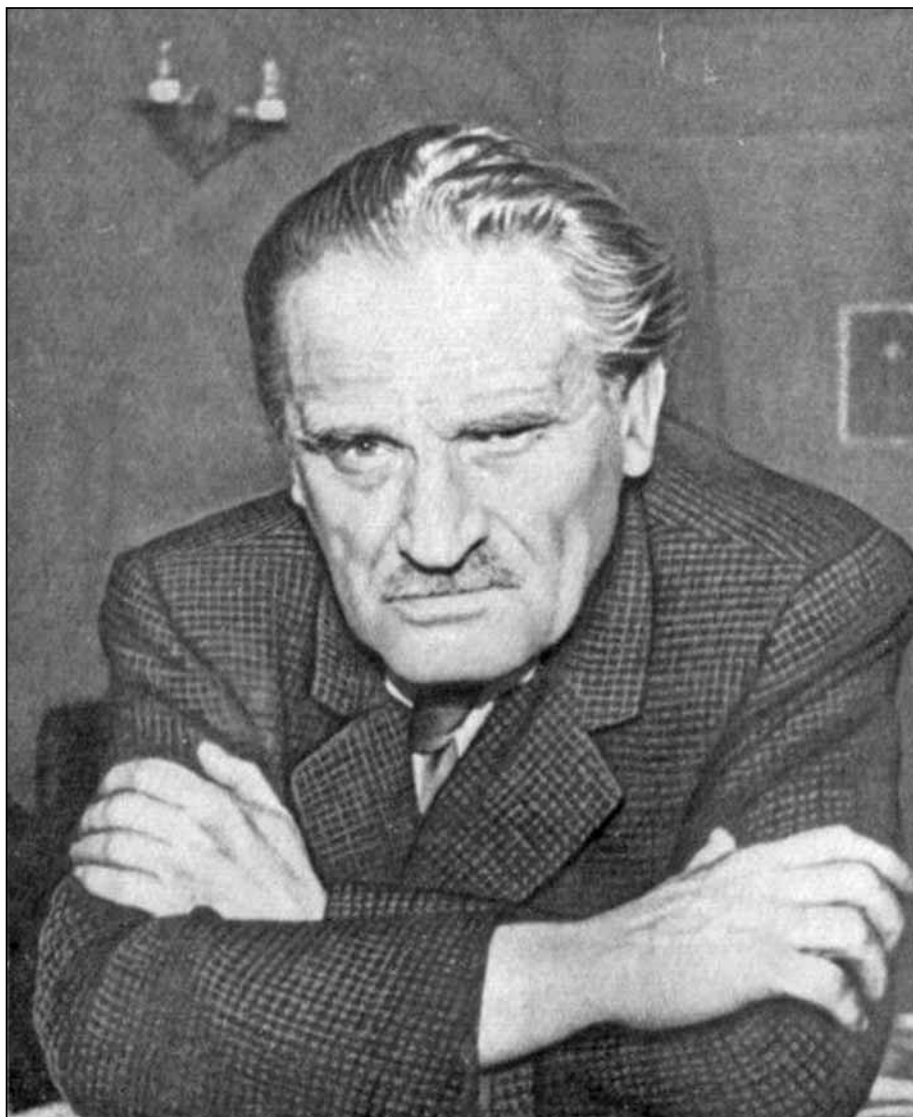
льга Густавовна, его Суок, самозабвенно берегла мужа до последних минут его жизни. Несмотря на постоянные бытовые тяготы, умудрялась создавать Юрию Карловичу спокойную обстановку для творчества. Как могла, удерживала его от сильных запоев, возила по врачам. И все же не уберегла его от внезапного сердечного приступа. Жил он трудно, а умер легко. И это, наверное, была прощальная награда судьбы человеку, ни в чем не поступившемуся честью и не изменившему своему призванию

ции он утратил право на прежнюю московскую квартиру и жил у Эммануила Казакевича. Его вынужденное творческое молчание продолжалось и стало причиной тяжкого душевного кризиса, вылившегося в хронический алкоголизм. Олешу часто видели в нижних залах ресторана Дома литераторов, просиживающим вечера с графинчиком водки. Удачливые советские писатели считали за честь угостить его.

То же самое происходило в кафе «Националя», где у Олеши был

странных личностей криминального вида.

Пристрастие к спиртному подорвало его от природы крепкое здоровье и преждевременно свело писателя в могилу. Последней радостью ему было увидеть после XX-го съезда том своих «Избранных произведений» и очередное переиздание «Трех толстяков». Это подхлестнуло Олешу продолжать многолетнюю работу над эссеистической книгой дневниковых записей. Первые выдержки из них были опубликова-

ны через год после смерти писателя, в 1961-м. Целиком же книга «Ни дня без строчки» вышла в 1965 году, а в 1999-м существенно дополнилась новыми дневниковыми записями и увидела свет под названием «Книга прощания».

Книга эта глубоко своеобразна и необычна. Она является подвигом художника, десятилетиями творившего, будучи окруженным невыносимой для творца глухой завесой молчания, и при том сумевшим сберечь свой волшебный дар. В ней прихот-

ливо перемешаны, сплавлены во едино автобиографические сюжеты, размышления об искусстве, природе творчества, о «времени и о себе».

Книга «Ни дня без строчки» (или «Книга прощания») живет и переливается всеми цветами радуги, насыщена запахами и звуками бытия. В ней бьется пытливая, образная мысль, побуждая нас глубже заглянуть в самих себя, по-новому увидеть окружающий мир. Это — мастер-класс работы со словом настоящего большого писателя.

...Он писал четким округлым почерком, подолгу зависая пером над бумагой. Правил написанное тоже очень аккуратно, разборчиво. До конца сохранил детскую способность удивляться и радоваться прожитому дню. *«В конце концов неважно, чего я достиг в жизни, — говорил он, — важно, что я каждую минуту жил».* С близкими ему людьми он отбрасывал личину угрюмости, бывал открыт и ласков, отпускал свои фирменные острооты. Не поддавался унынию. Ни о чем не жалел. И уж тем более — о том, что когда-то давным-давно не уехал с родителями в эмиграцию, где его судьба могла бы сложиться более удачно. С Россией, Москвой чувствовал нерасторжимую связь. Любил в одиночестве, не играя на тотализаторе, смотреть рысистые испытания с центральной трибуны Московского ипподрома. Не пропускал главные футбольные матчи, азартно болея за «свою» команду. Любил осенью бродить по опавшей листве парковых дорожек.

«Я очень часто ухожу очень далеко, один. И, тем не менее, связь моя с некоей станцией не нарушается. Значит, я сам в себе живу?.. Неужели я ношу в себе весь заряд жизни?.. очевидно, солнце, которое все время держит меня на проводе, на шнуре, — и движет мною, и является моей вечно заряжающей станцией... Ничего не было в моей человеческой жизни, что обходилось бы без участия солнца, как фактического, так и скрытого, как реального, так и мета-

форического. Что бы я ни делал, куда бы я ни шел, во сне ли, бодрствуя, в темноте, юным, старым, — я всегда был на кончике луча». Это последние строчки, написанные Олешей.

Ольга Густавовна, его Суок, самоабвенно берегла мужа до последних минут жизни. Невзирая на постоянные бытовые тяготы, умудрялась создавать Юрию Карловичу спокойную обстановку для творчества. Вкусно готовила. Ездил с ним на футбол на стадион «Динамо». В холода укутывала ему горло старым шарфом. Как могла, удерживала от сильных запоев, не препятствуя, однако, неизбежным вечерним вылазкам в Дом литераторов и «Метрополь». Терпеливо ждала его оттуда ночью. Возила по врачам. И все же не уберегла от внезапного сердечного приступа. 10 мая 1960 года сердце не выдержало. Он жил трудно, а ушел легко. И это была прощальная награда жизни человеку, ни в чем не поступившемуся честью, не изменившему своему призванию.

Хоронили бездомного, полузапретного писателя все-таки по высшему разряду. На Новодевичьем кладбище. Но без громких почестей и казенных речей. Зато друзья и почитатели несли цветы и говорили о нем взволнованно, с восхищением, отдавая дань этому неподражаемому таланту. Каких-нибудь несколько лет не дожил Юрий Олеша до хрущевской «оттепели» и славного поколения «шестидесятников», поднявших на щит его имя. С тех пор оно — там. □

Ирина Опимах

САМАЯ ПОЗОРНАЯ

ВЫСТАВКА

В истории
мировой культуры

Эта выставка была организована в Германии министром пропаганды Йозефом Геббельсом и президентом Государственной палаты изобразительных искусств Адольфом Циглером.

Она сломала судьбы многих замечательных художников, а сколько выдающихся полотен было просто уничтожено...

Надпись на плакате над «Жизнью Христа»:
«Психопаты-пачкуны и предприимчивые евреи представили нарисованный призрак и фрагменты памфлета как проявление немецкой религиозности и хорошо на этом заработали»

Поначалу Адольф Гитлер не соби-
 рался стать политическим деяте-
 лем — его влекла карьера художни-
 ка, но он два раза провалился на эк-
 заменах в Венскую художественную
 академию. А вот когда стал во главе
 Германии, его интерес к искусству
 возродился с новой силой. Он яро
 ненавидел коммунистов и евреев,
 а также современных художников,
 всех этих модернистов, кубистов,
 футуристов, сюрреалистов и других
 «истов». Это вредное искусство нуж-
 но было нещадно уничтожать. И в
 Германии начались гонения против
 директоров музеев, осмелившихся
 в прошлом приобретать полотна

неудобных живописцев. (В начале
 XX века Германия была раем для
 художников-авангардистов. Немец-
 кие коллекционеры, директора му-
 зеев охотно платили за их работы
 немалые деньги.) Первым покарали
 Густава Хартлауба, директора галереи
 в Мангайме — он любил Шагала.
 Однажды на центральной площади
 города в витрине одного из магази-
 нов мангаймцы увидели шагаловское
 полотно «Понюшка табака», а под
 ним надпись: «Налогоплательщик!
 Вот куда уплывают твои денежки!»

За увольнением Хартлауба по-
 следовали увольнения других ди-
 ректоров галерей, любителей аван-

*Эрих
Хекель*

гарда. Увольняли и художников-авангардистов, преподававших в художественных школах страны. Президент Палаты изобразительных искусств Адольф Циглер был назначен главой специальной комиссии, целью которой стало изъятие из германских музеев и галерей всех еще оставшихся там произведений ненавистных модернистов. В короткий срок — всего за десять дней! — команда Циглера посетила 28 городов и отобрала в 36 музеях около 700 картин и скульптур. Среди них были работы Нольде, Шагала, Архипенко, Бекмана, Кирхнера, Энсора, Матисса, Пикассо, ван Го-

га... Жертвами «очистительной» миссии циглеровских экспертов стали Отдел новой живописи берлинской Национальной галереи, Государственная Баварская картинная галерея в Мюнхене, Художественный музей в Дюссельдорфе, Фолькванг-музей в Эссене, Кунстхалле в Мангейме и многие другие галереи.

И вот, наконец, как апофеоз этих деяний, 19 июля 1937 года в Мюнхене открылась выставка, которая так и называлась — «Дегенеративное искусство». И место для выставки выбрали весьма соответствующее — плохо освещенные, душные, с низкими потолками залы в Инсти-

Отто Дикс

туте археологии. А чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений, насколько она ужасна, у входа висел плакат, который предупреждал: «Беременным и несовершеннолетним вход запрещен». Для всех остальных вход был свободный, иллюстрированный каталог стоил 50 пфеннигов. Что же увидели посетители этой выставки?

В центре экспозиции была представлена большая работа Эмиля Нольде, знаменитый полиптих «Жизнь Христа». Поясняющая надпись под картиной гласила: «Психопаты-пачкуны и предприимчивые евреи представили нарисованный призрак и фрагменты памфлета как проявление немецкой религиозности и хорошо на этом заработали».

Работы художников-«дегенератов» были представлены по тематическому признаку: в первом зале — религиозные сюжеты, во втором — картины еврейских художников,

в третьем — картины, оскорблявшие народ Германии. Устроители выставки провозглашали, что все эти картины глубоко чужды истинным немцам, поскольку в них — издевательство над христианскими святынями, пропаганда марксизма, морального разложения, утрата национальных ценностей, болезненное сознание и утверждение человеческого идеала в виде идиотов, уродов и кретинов. А ведь на выставке были показаны полотна выдающихся художников XX века — Нольде и Клее, Гросса и Дикса, Шагала и Кирхнера, Явленского и Кандинского... Рядом с подписями под картинами были указаны суммы, за которые их приобретали музеи. Большею частью их покупали в 1920-е годы, в период гиперинфляции, и деньги эти в конце 1930-х казались заоблачными... Для пущего эффекта рядом с картинами настоящих художников устроители-кураторы

выставки развесили творения обитателей сумасшедших домов и фотографии уродов.

А днем раньше, в доме напротив, в светлых залах Дома немецкого искусства, открылась совсем другая выставка, и называлась она «Большая германская художественная выставка», посещение которой, несомненно, было полезно всем немцам всех возрастов, включая и беременных немок, поскольку вселяло в души оптимизм и веру в прекрасное будущее и их детей, и их великой страны. Тут можно было увидеть произведения около 700 «правильных» германских скульпторов и художников, чьи сердца бились в унисон с идеями великого Третьего

рейха, например Арно Брекера и Адольфа Висселя.

Надо сказать, что выставка «ужасного» «дегенеративного искусства» имела огромный успех — только в Мюнхене ее увидели более двух миллионов человек, в три раза больше, чем Большую германскую художественную выставку. До апреля 1941 года она объехала еще 12 городов — побывала в Берлине, Лейпциге, Дюссельдорфе, Гамбурге, Франкфурте, Зальцбурге и Вене. Всем гражданам Великой Германии нужно было знать, что такое «дегенеративное искусство» и художники-«дегенераты».

Гитлеровские борцы с «элементами культурного разложения» вполне преуспели. Многим «элементам»,

*Гитлер и Геринг выбирают экспонаты для выставки
«Дегенеративного искусства»*

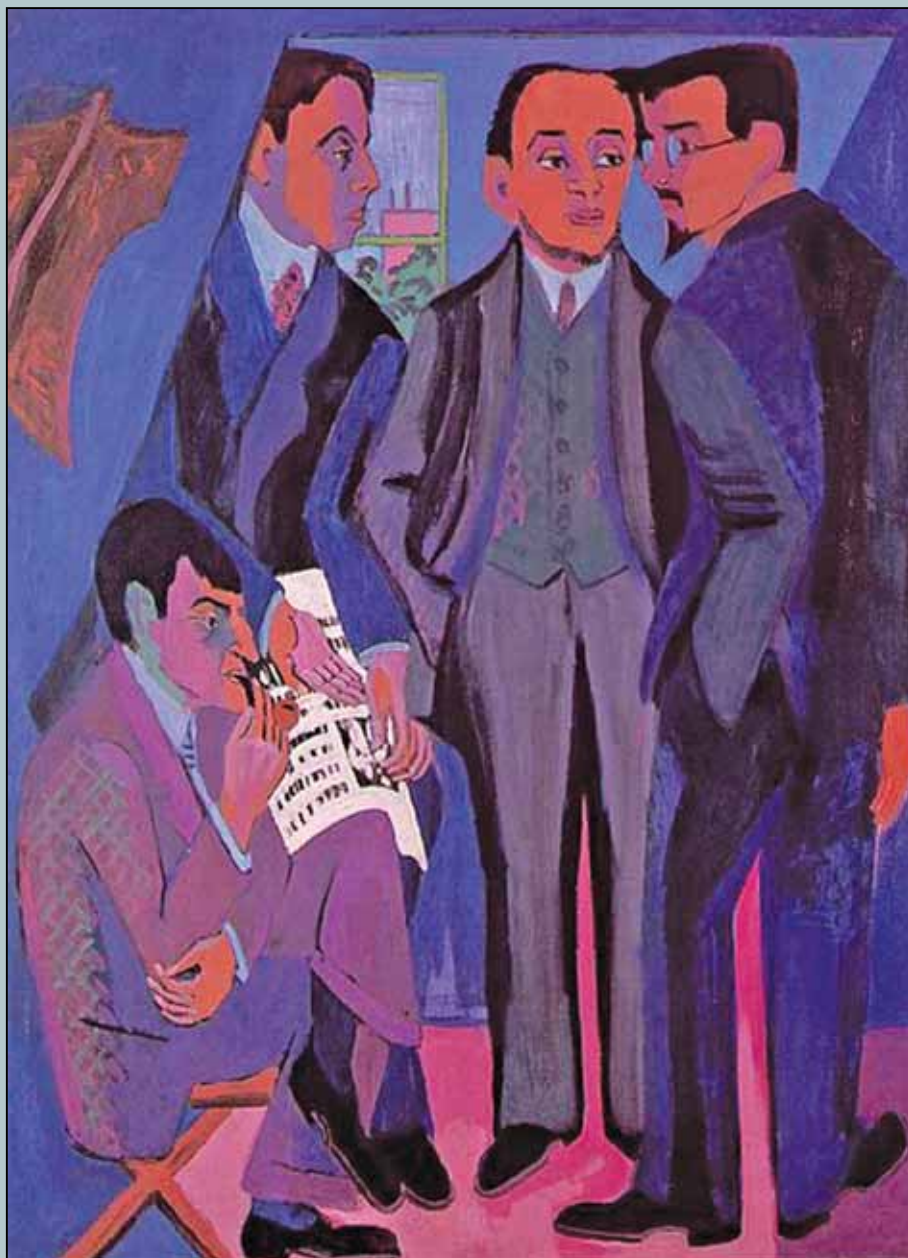

получившим клеймо «враг рейха», пришлось просто спасти свою жизнь, бежать из страны. Так, Макс Бекман уехал в Голландию, в Амстердам. Макс Эрнст эмигрировал в США — ему помогла известная американская меценатка Пэгги Гугенхайм. Эрнст Людвиг Кирхнер эмигрировал в Швейцарию и там покончил с собой в 1938 году. Пауль Клее тоже бежал в Швейцарию и умер в 1940 году, так и не сумев получить гражданство. Художники, оставшиеся в Германии, в определенной степени убили в себе свой талант. Отто Дикс переехал в деревню и стал писать осторожные пейзажи, дабы не возмущать власти. Эмилю Нольде было запрещено покупать краски и кисти, однако жить без искусства он не мог, а потому тайком продолжал работать — акварелью

(поскольку запах масляных красок мог его выдать, ведь к нему периодически с проверкой наведывались гестаповцы), и зарывал свои акварели в землю. Многие художники погибли в концлагерях...

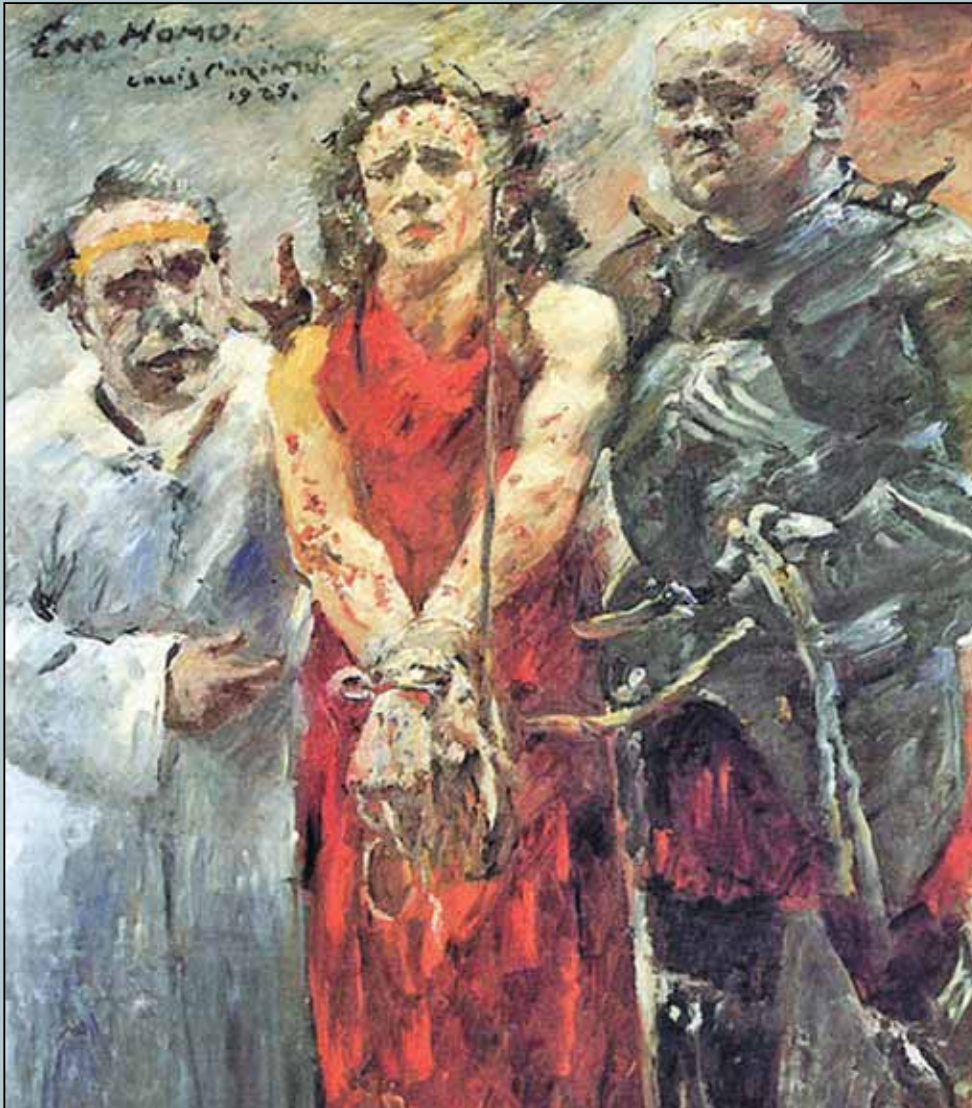
Немцы — люди практичные, а потому было решено сразу не уничтожать «дегенеративные» картины, а сначала попытаться их продать. И вот в Люцерне, в Швейцарии были организованы три аукциона — в июне и августе 1939 года и в июне 1941-го. Однако коммерческого успеха не получилось — все понимали, что мир вот-вот захлестнет страшная война, она уже, по сути, началась, и покупателей с деньгами нашлось немного. Доход от всех трех аукционов составил 681 тысячу рейхсмарок. При этом Геринг, большой ценитель живописи, взял себе

*Эрнст
Людвиг
Кирхнер*

в коллекцию 14 полотен, среди них было четыре картины ван Гога, четыре Мунка, по одному Гогена, Сезанна и Синьяка. Какие-то картины неофициально были проданы коллекционерам-иностранцам — в среднем полотна шли по 20 долларов, какие-то осели у дилеров, занимавшихся продажами, или у случайных людей. Но оставалось еще много полотен, с которыми нужно

было что-то решать, причем окончательно. Фашисты знали, что такое окончательное решение вопроса — картины художников-«дегенератов» было решено сжечь. Это страшное аутодафе состоялось 20 марта 1939 года в Берлине во дворе Главной пожарной охраны на Кепенингштрассе. «Очистительному» огню было предано 1004 картины, 3825 акварелей, рисунков и графических

*Ловис
Коринт*

листов — среди них работы Нольде, Дикса, Кельвиц и других выдающихся мастеров XX века...

Кстати, подобное позорное действо произошло и в Париже, городе, ставшем в XX веке столицей мирового искусства. 27 июля 1942 года на террасе сада Тюильри у галереи Же-де-Пом, где складировались реквизированные у коллекционеров-евреев картины, при попустительстве французских профашистских властей было сожжено более 600 работ великих художников XX века —

среди них были испанцы Пикассо и Дали, немцы Клее и Эрнст, француз Леже, каталонец Миро.

Многие историки искусства были уверены, что уже вряд ли мир увидит вновь шедевры «дегенеративного искусства», так или иначе уничтоженные нацистами, однако совсем недавно обнаружили потрясающие вещи...

В начале ноября 2013 года в Мюнхене, в обычном многоквартирном доме, были найдены почти полторы тысячи произведений искусства

музейного уровня, среди них работы Матисса, Пикассо, Отто Дикса, Марка Шагала и многих других замечательных художников. Все произведения — в очень хорошем состоянии, их хранили по всем правилам. Владелец этого «клада» — весьма почтенного возраста господин по имени Корнелиус Гурлитт. Картины, которые считались безвозвратно утраченными в годы борьбы с «дегенеративным искусством», хранились в этой квартире более полувека. Сегодня их предварительно оценивают в полтора миллиарда долларов. Достались они Гурлитту от отца, Хильдебранда Гурлитта. Кем же был владелец этих сокровищ?

Имя Хильдебранда Гурлитта в Германии знали многие: он был известным искусствоведом и одним из

крупнейших арт-дилеров того времени. Происходил он из известной в Германии семьи. Так, дед его, Элоиз Гурлитт, прославился как хороший пейзажист-романтик, отец был крупным архитектором, историком искусства. А сам Хиндельбранд был знатоком, исследователем и страстным поклонником экспрессионизма и модернизма. Он дружил с Оскаром Кокошкой и Максом Бекманом. В 1930-м году Гурлитт потерял работу директора музея в Цвиккау из-за своих левых убеждений. Однако в мире искусства он был известен как специалист, и стал одним из четырех арт-дилеров, через которых шли продажи «дегенеративного искусства», конфискованного из немецких музеев, то есть добывал деньги для Третьего рейха. В 1940 году за

4000 швейцарских франков он сам выкупил 200 таких работ, а в 1941 году — еще 115 картин.

Кстати, известно, что Хильдебранд Гурлитт поддерживал опальных художников, с которыми дружил в молодости. Так, в 1943 году он купил у Макса Бекмана, жившего тогда в Голландии и очень нуждавшегося, несколько работ за очень немалые деньги.

После войны Гурлитта не подвергли остракизму: в 1947 году он стал директором галереи в Дюссельдорфе, и знакомые художники не отказывали ему в просьбе дать работы на выставки. К нему многие относились с уважением и симпатией, и даже Томас Манн подавал ему руку при встречах.

В 1956 году Хильдебранд Гурлитт погиб в автокатастрофе. Ему был всего 61 год. Он очень любил бы-

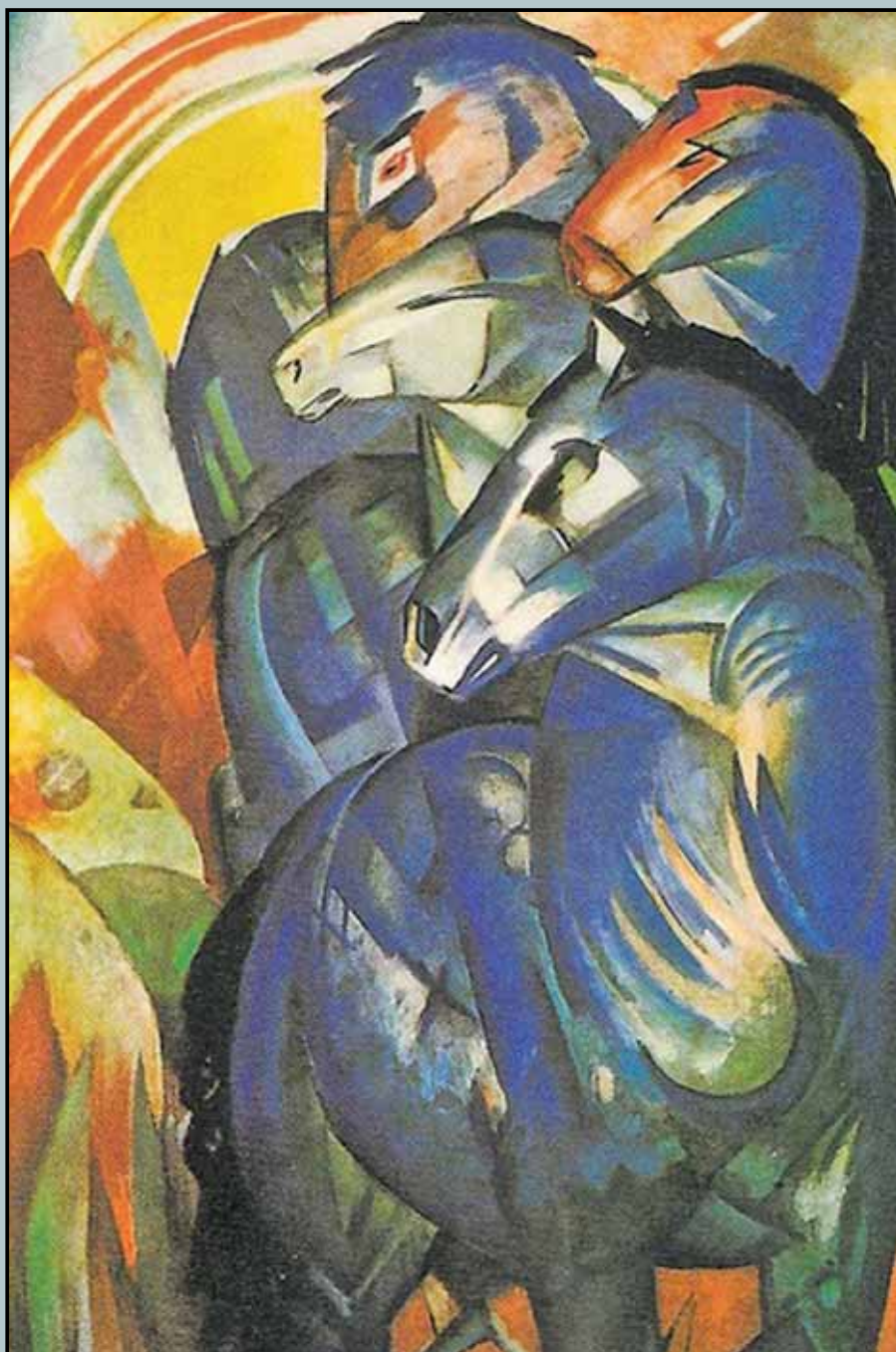
струю езду, а зрение было не очень хорошим...

Спустя десять лет после его смерти к его жене пришли люди, занимавшиеся судьбой нескольких дрезденских коллекций. Они попросили фрау Гурлитт открыть архив мужа — возможно, там могли быть какие-то полезные сведения. Вдова сказала, что все погибло в Дрездене во время бомбардировки. С тех пор эта версия была принята всеми специалистами. Так, полторы тысячи картин, да не просто картин, а полотен музейного уровня, оказались вне поля зрения профессионалов. А через год она умерла, и владельцем сокровищ Гурлитта стал его сын Корнелиус. Все эти годы он понемногу продавал небольшие картины и на эти деньги жил. И вот только недавно мир узнал, что какие-то из шедевров

Очередь на выставку

*Франц
Марк*

чудом спасенного «дегенеративного искусства» уцелели.

Постепенно мы обязательно узнаем эти спасенные благодаря арт-дилеру Хильдебранду Гурлиту картины. Искусствоведы нам их покажут, расскажут их историю, расскажут об их создателях и бывших собственниках, сгинувших в

концлагерях или, к счастью, уцелевших.

Виолончелистка Анита Ласкер, попавшая в Освенцим и выжившая только благодаря тому, что доктор Менгеле любил слушать «Грезы» Шумана, говорила: «Фашисты убили многое, но они не смогли убить музыку». Не смогли они убить и живопись... □

A close-up portrait of a young woman with light-colored eyes and dark hair, looking directly at the camera. She is wearing a blue and white striped shirt and a red patterned shawl. Her hand is resting against a brick wall on the right side of the frame. The background is a soft, out-of-focus yellow.

Анна

«Постоянный творческий процесс необходим мне как воздух»

Нажапатова

Анна Нахапетова — достойный представитель творческой династии, дочь режиссеров и актеров Веры Глаголевой и Родиона Нахапетова. Говорят, «талантливый человек талантлив во всем». Это можно сказать и про Анну. Ведь она в течение двадцати лет была артисткой балета Большого театра России, а потом решила посвятить себя актерскому искусству. Впервые Анна снялась в кино еще в детстве, сыграв в мелодраме Наума Бирмана «Воскресный папа» роль девочки Нины. Зрители, наверное, помнят ее по фильмам «Одна война», «Тайна Лебединого озера», «С ног на голову», «Новогодний романс» и по сериалам «Личная жизнь доктора Селивановой», «Закон и порядок: Преступный умысел-2», «Фантазии белых ночей». Сегодня Анна Нахапетова служит в Театре Романа Виктюка и задействована уже в трех спектаклях.

— В театре Романа Виктюка прошла премьера спектакля «Крылья из пепла», по произведению одного из лучших драматургов XVI века Джона Форда. Вы играете в постановке одну из главных ролей, расскажите, пожалуйста, об этом событии.

— Для меня этот сезон особенный! Я завершила свою балетную карьеру, получила звание ветерана труда, ушла из Большого театра, в котором прослужила 20 лет, и теперь официально являюсь артисткой Театра Романа Виктюка, по приглашению самого мастера, чему бесконечно рада! И, конечно, премьеру нового спектакля, где я играю главную героиню Анабеллу, считаю абсолютным подарком судьбы!

Только любовь, и ничего кроме любви — вот лейтмотив всего творчества Романа Григорьевича.

«Крылья из пепла» — не исключение. История запретной любви Анабеллы и Джованни, история о двух мучениках, которые постигли откровения неба. Это первая в России сценическая версия пьесы Джона Форда. Джон Форд — один из крупнейших драматургов шекспировской плеяды, и работать нам с таким материалом было очень интересно. На репетициях Роман Григорьевич вкладывает в своих артистов мощнейший энергетический посыл, заряжает своей энергией и все пространство. Актер же полностью в этом во всем растворяется. Магия, мистика,

колдовство, если хотите. Эстетика Виктюка простая и невероятно сложная одновременно. Существование в особой стихии, когда язык пластики порой в своей выразительности превосходит сам текст. А му-

зыка... какая у Виктюка всегда музыка в спектаклях, как эстетски подобрана! Я уверена, все в этом мире предопределено, все взлеты и падения расписаны заранее, и все, что происходило в моей жизни до Романа Григорьевича, я считаю подготовительным периодом, чтобы войти в новую жизнь, в его спектакли. Первым моим спектаклем в театре Романа Виктюка стал в 2016 году «Нездешний сад. Рудольф Нурев» — о великом танцовщике, хореографе Рудольфе Нурееве, где я играю Марго Фонтейн — знаменитую английскую балерину — приму Королевского балета, партнера и близкого друга Рудольфа Нуреева. Марго — сорок два года, Рудольфу — двадцать три. Впервые они вышли на сцену вместе в «Жизели», в 1962 году, на благотворительном вечере, устроенном Марго Фонтейн в пользу Королевской академии танца, и публика вызывала их более тридцати раз, сорок пять минут длились несмолкающие овации...

— Знаю, что Жаклин Кеннеди, когда они танцевали в Нью-Йорке, писала: «Это было одно из сильнейших художественных впечатлений моей жизни...» Великие танцовщики! Я слышала, что вы, будучи маленькой девочкой, выходили на одну сцену с Нуреевым, это правда?

— Правда. В 1989 году в нашей стране произошло невероятное со-

бытие — гениальный Рудольф Нурев приехал танцевать в «Сильфиде» на сцене Кировского театра, в партии Джеймса. Он приехал проститься с Ленинградом, так как был смертельно болен, и это был его последний спектакль... Ему было всего пятьдесят два года... Казалось, что публика со всех уголков страны собралась на этот спектакль!

Первые четыре года я училась в Вагановском хореографическом училище, и была занята в спектакле «Сильфида», я танцевала с сокурсницами во втором акте, мне было

тогда лет десять, и в силу возраста я не понимала масштаба этой личности, хорошо помню, как родители приехали из Москвы, как все хотели попасть на спектакль, какой был ажиотаж!

Все хотели увидеть легендарного Нуреева, он танцевал с балериной — Жанной Аюповой, выбрал ее на партию Сильфиды из всех балерин Кировского театра. Очень хотелось бы найти видеозапись этого спектакля.

— Анна, кто в детстве повлиял на выбор вашей профессии?

— Мой папа очень любит балет, родные мне рассказывали, что когда меня, только что родившегося младенца, распеленали, то увидели большой подъем моей крошечной ножки, и папа тут же сказал: «Ну, все! Будет балериной!» Вся семья дружно вела меня к цели, бабушка даже поехала со мной в Санкт-Петербург. Мы с ней жили в съемной коммунальной квартире, потому что я училась первые четыре года в Вагановском хореографическом училище, так как не поступила в московское академическое хореографическое училище, хоть и закончила подготовительное отделение при нем. У меня все было поставлено на то, чтобы стать балериной. Балет, и больше ничего! Я считаю, что это неправильно. Ребенок все-таки должен разносторонне развиваться. Но было другое время, не было такого количества разных кружков, как сейчас. Моя дочь занимается всем, что ей нравится. Она поет в школьном хоре, занимается верховой ездой, карате, английским языком и в Первой детской киношколе.

Я занималась балетом с утра до вечера шесть раз в неделю, помимо учебы мы еще брали дополнительные уроки балета, а чтобы форма ног была идеальной, мне делала специальный массаж высококлассная массажистка. Меня водили постоянно на балетные спектакли, в общем, я была погружена только

в этот мир и ничего другого не видела. Потом, четыре года спустя, меня перевели в Москву, где я успешно окончила училище по классу Софьи Головкиной и сразу была принята в труппу Большого театра.

Двадцать лет я танцевала на сцене Большого театра, весь классический репертуар, кордебалетный, исполняла сольные характерные и демихарактерные танцы. В про-

цессе работы мне были интересны роли, где бушует страсть! Двадцать лет пролетели как один миг, это были годы счастья.

Когда артист балета выходит на пенсию, а это еще самый расцвет жизни, то все воспринимается очень болезненно. Самое страшное, что ты теряешь вкус сцены... Ты остаешься на улице, как брошенный ребенок, потому что балетные артисты погружены в работу всецело и другой жизни не знают, да и не приспособлены к ней совершенно! Надо уметь вовремя остановиться, а сделать это трудно, почти невыносимо. Многие очень тяжело переживают уход со сцены.

Мне повезло, что я пришла в Театр Романа Виктюка. Я играю в трех спектаклях и счастлива. Мне необходим как воздух постоянный творческий процесс.

— Анна, вы продолжаете сниматься в кино?

— Насыщенная работа в театре не давала права на «случайные роли в кино». Сначала был балет, а балетные артисты каждый день обязательно идут на класс, и в театре всегда репетиции, полная загруженность. В этом сезоне постановка нового спектакля у Виктюка, что тоже не давало возможности совмещать кино и театр. Поэтому на съемочной площадке меня можно увидеть не часто.

Среди фильмов, в которых снималась, мне хочется выделить кар-

тину «Одна война». Я благодарна маме, режиссеру картины, Вере Глаголевой, что она дала мне роль в этом кино.

— На фестивале «Амурская осень» вы получили награду за лучшую женскую роль, за фильм «Одна война»...

— И очень горжусь этим. Фильм снят в жанре военной драмы, дейст-

вие происходит в 1945 году, на острове, который находится на Ладожском озере. Пять молодых женщин с маленькими детьми, рожденными от немецких военных, живут под охраной демобилизованного сержанта, они сосланы на остров с оккупированных фашистами территорий...

Картина очень сильная, пронзительная до боли... Одна моя подруга была под таким мощным впечатлением после просмотра, что сказала после этого фильма: «Анечка, ты можешь вообще больше ничего не делать. Сняться в таком кино — мечта любой актрисы».

— Вернемся к драматическому театру. Вы играете в спектакле Виктюка «Сергей и Айседора», прекрасный спектакль!

— Да! Прекрасный! Роман Григорьевич ввел меня на роль Галины Бениславской в этом сезоне. Роль замечательная, она хоть и небольшая, но в ней очень много драматизма. Я абсолютно искренне сказала Виктюку, что в его спектаклях готова просто даже где-то постоять, лишь бы быть в самом с ним пространстве. Виктюк — Гений, Космос, Личность, Великий Мистик и Мистификатор, он необыкновенно эрудированный человек, не существует темы, которую он знал бы хуже кого-то. Например, в балете лучше меня разбирается, все знает, все нюансы! Его артисты не просто любят, они его боготворят! И я теперь одна из них!

Вообще артисты нашего театра — это совершенно особенные люди. Для них нет ничего невозможного, поверьте — они могут все. Как они самоотверженно репетируют, первое время на меня это производило колоссальное впечатление, и с каждой репетицией все больше и больше хотелось им соответствовать.

— Есть ли места, куда возвращаетесь с удовольствием?

— Санкт-Петербург и Флоренция... Особенная энергетика, неповторимый дух...

Я не большой любитель ходить пешком, но в этих двух прекрасных городах могу все обойти с радостью.

— Что хотели бы пожелать себе и близким?

— Пусть все будут здоровы! Это самое главное!

Беседовала **Елена Воробьева**

P.S. (от редакции): В августе месяце, когда этот материал уже готовился, неожиданно для многих из нас, ушла из жизни прекрасная женщина, замечательная актриса и режиссер Вера Глаголева. Светлая ей память! Но остались три «звездочки», три ее любимые дочки, уже вполне состоявшиеся личности — Анна, Мария и Анастасия. Мы хотим пожелать им дальнейших успехов и в жизни, и в творчестве! □

Андрей Быстров

ВСЕЕМОГО РОЖДЕСТВА, мистер Грейтс!

1

**Ночь перед Рождеством
Бостон
Ближайшее будущее**

— Ух, ты! — сказала Никки.

Глаза ее сияли. Под рождественской елкой переливалась всеми цветами радуги такая красивая коробка, какой они еще никогда не видели.

— Гм-м, — согласился Роки.

Ему было всего десять лет, а ей целых двенадцать, и он привык реагировать скромно, чтобы лишний раз не получать от сестры нагоняй. Иногда довольно болезненный!

— Что это? — шепнул он.

— Понятно что... Подарок!

— Но ведь, Никки...

— Что такое?

— Если мы откроем коробку сейчас, мама и папа ужасно расстроятся, когда вернуться... Они ведь хотели сделать нам сюрприз на Рождество.

— Ну да, — сказала Никки с подчеркнутым равнодушием. — Точно. Пошли-ка лучше спать.

— Нет, подожди... — Роки не мог оторвать взгляда от радужного сияния коробки. — Если мы только посмотрим...

Сестра бросила на него быстрый взгляд и протянула:

— Ну, не знаю. Наверное, это...

Не дослушав, Роки подбежал к коробке, схватил ее и принялся вертеть в руках:

— Никки, смотри...

— Что там? — подошла она к нему.

Роки показал ей коробку. По верхней крышке змеились причудливые зеленые буквы.

ПОКУШЕНИЕ НА УИЛЛА ГРЕЙТСА

ВИЗИТ В РОССИЮ СТАНЕТ РОКОВЫМ?

ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ ВАС!

В ПОДЛИННОМ ЦВЕТЕ И ВЕРИКТИВНОМ ОБЪЕМЕ

АБСОЛЮТНО РЕАЛИСТИЧНО

А чуть ниже, помельче:

Realistics , Inc.

— Что это, — пробормотала Никки, — игра?

— Конечно! — воскликнул Роки.

— Покушение на Грейтса? Ну и ну... Килл Уилл... Но ведь он в самом деле приезжает! И как раз, чтобы встречать у нас Рождество. Это большой бизнес и большая политика, брат, — важно добавила она.

— Ну и что? Это же игра.

— А что это за вериктивный объем?

— Откуда я знаю! Что-то новенькое придумали.

И прежде чем она успела сказать еще что-нибудь, он сорвал целлофановую обертку. Когда он открыл крышку, оба уставились на содержимое в крайнем изумлении. Там не было ничего, кроме прозрачной толстой пластины, занимавшей всю коробку.

— Я думаю... — растерянно начал Роки.

— Я рада, что ты и думать умеешь! — рассерженно заявила его сестра. — Подумай лучше, как это снова упаковать, как было...

— Подожди... Здесь еще вот что есть...

Роки достал из коробки небольшую книжечку, вроде брошюры. Никки взяла ее из рук брата и перелистала. Текст был написан теми же безумными, бегущими зелеными буквами.

— Так, так, — по-взрослому буркнула она.

— Что? — Роки подпрыгнул, но сестра быстро захлопнула книжку.

— Никки! — взвыл он.

— А вот что... Кто меня вчера в «Героев» обыграл?

— Ну, знаешь...

— Кому я должна три шоколадки?

— Никки!!!

— Отменяется?

— Да!!!

Иногда любопытство перевешивает чувство справедливости...

— Тогда смотри, — притворно вздохнула Никки и развернула книжку перед глазами брата...

Разобраться в инструкции к игре оказалось нетрудно. Вскоре в толще пластины показались улицы, залитые огнями праздничной иллюминации, на них впечатляющий кортеж... Никки и ее брат были очарованы совершенной иллюзией реальности происходящего. Все крохотные машины, мотоциклы, люди выглядели настоящими, только уменьшенными во много раз. Можно было и приблизить изображение. Это не походило ни на одну компьютерную игру!

Они поделили между собой стороны. Роки играл за могущественных заговорщиков, жаждущих уничтожить магната, Никки за охрану, противостоящую им. После обстрела на перекрестке кортеж Грейтса свернул на улицу академика Ранкела, больше некуда было. Роки поднял в воздух замаскированные беспилотные вертолеты-дроны и перекрыл единственный выезд. Он потерял две машины под яростным огнем охранников, но после расстрелял кортеж управляемыми ракетами. Никки не выглядела счастливой, она не любила проигрывать.

— Еще раз? — предложила она. — Тебе просто повезло...

Прежде чем Роки успел ответить, внизу послышался звук открывающейся двери.

— Идут, — прошептала Никки.

— Папа и мама?

— Нет, Кен и Барби! Складывай это, скорее!

К тому времени, как папа и мама поднялись на второй этаж, брат и сестра уже успели вернуть игру в коробку (конечно, целлофановую упаковку

нельзя было восстановить, но, может, не заметят) и притвориться мирно спящими в детской.

В спальне родителей ожил телевизор. Детская была достаточно далеко, но Никки и Роки услышали взволнованный голос диктора.

— ...Чудовищная трагедия. Казалось бы, охрана сумеет предотвратить преступление. Они отразили первую атаку, но как только кортеж Уилла Грейтса свернул на улицу академика Ранкела, нападавшие подняли из укрытий дроны. По первым сведениям, получаемым нами с места нападения...

Никки в ужасе сжала руку брата, подбежала к двери, приоткрыла ее. Коробки уже не было в комнате с рождественской елкой.

2

Рождество Кливленд Отдаленное будущее

— Ну, папа! — протянул Морри.

— Будь мужчиной, — сказал отец.

— Почему они прислали игру без упаковки, да еще в таком виде... Как будто кто-то уже играл!

— Морри, перестань! Ты же знаешь, что со слайд-линиями такое бывает. Случайно забросили куда-то... Но ведь вовремя разобрались и переслали!

— Ты же сам работаешь в «Реалистикс». А еще главный инженер!

— Я не работаю в службе доставки, Морри. Перестань ныть, поиграешь лучше завтра с друзьями! Посмотри, это одна из наших новинок!

Морри открыл коробку и уставился в толщу прозрачной пластины. От его мрачного настроения не осталось и следа.

— О... Здорово, правда. Как же вы такого добиваетесь? Они совсем как настоящие!

— Ну, это просто, — сказал папа. — Это же не картинки, как в теракомпе. Добиться такого качества в каком угодно компьютере было бы очень сложно и очень дорого. Мы сканируем реальное прошлое, одну из его возможных ветвей. А потом внедряем туда игровые моменты. Вот и все.

— Реальное прошлое? — Морри зажмурился на секунду. — И когда я играю, я его изменяю? Но ведь тогда должно измениться и настоящее?

Папа вздохнул.

— И это после твоей четверки по темпоралистике, Морри? Разве ты не знаешь, что изменение многих альтернативных линий прошлого никакого влияния на настоящее оказать не может?

— О, да... Но, папа... Эти люди, из ДРУГОГО прошлого... Они ведь живые? И этот... Уилл Грейтс, которого надо убить в игре — тоже?

Папа пожал плечами.

— Что, если и так? Это же ПРОШЛОЕ, Морри. Все эти люди умерли так давно! Что нам до них? Они уже умерли. Играй спокойно.

3

Ночь перед Рождеством Санкт-Петербург Ближайшее будущее

Немыслимыми, бегущими зелеными буквами на коробке было написано:

**СТРАТЕГИЧЕСКИЙ КОМПЬЮТЕР ОШИБАЕТСЯ
ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
ЯДЕРНЫЕ УДАРЫ В ПОДЛИННОМ ЦВЕТЕ И ВЕРИКТИВНОМ ОБЪЕМЕ
Realistics, Inc.**

Девятилетний Стас улыбнулся младшей сестре:

— Поиграем?

— Конечно, — сказала она, открывая коробку... □

Евгения Гордиенко

Елена Образцова

В 1974 году в барселонском театре «Лисео» прошло своеобразное соревнование. Четыре режиссера ставили свои версии «Кармен» с разными исполнительницами заглавной партии. Победа досталась постановке Франко Дзефирелли, где партию Кармен пела звезда русской оперной сцены, меццо-сопрано Елена Образцова.

*«Для меня
жизнь —
это пение»*

Она родилась за два года до войны, в 1939, в Ленинграде. Еще не научившись внятно говорить, малышка уже знала два важнейших слова, которые произносила как «аого!» и «анитки!» — тревога и зенитки. Вместе с мамой прячась в бомбоубежи-

ща, маленькая Лена много голосила, так что люди, находившиеся там, говорили: «О! Опять эту крикуху принесли». Знали бы они, как потом прославится этот голос...

Из блокадного города семье удалось выехать только в 1943 году —

в Вологодскую область. Выживали, как могли. Елена с двоюродной сестрой таскали жерди из чужих изгородей, чтобы топить печку, загоняли коров по домам — за это девочкам иногда перепадал «заработок» — то хлеб, то яйцо. А однажды Лене дали букет жасмина. Образцова вспоминала: «Я пришла домой счастливая, а мама сказала: «Дурочка ты, дурочка, лучше бы хлеба кусочек дали...» Но любовь к красоте, пусть и такой простой, как жасмин, проявлялась в будущей артистке уже тогда.

Семья Образцовых была музыкальной: у папы был отличный баритон, он играл на скрипке, но трудился конструктором на машиностроительном заводе. И для дочери он хотел более «приземленной» профессии — например, инженера. А Лена обожала слушать по радио вальсы Штрауса и подпевать им.

Вернувшись с войны, отец привез с собой много пластинок итальянских певцов. И дочь поняла: только петь ей хочется больше всего в жизни!

В 1954 году отца по службе перевели в Таганрог, и семья последовала за ним. Там Образцова стала заниматься пением в музыкальной школе имени Чайковского. Она делала успехи, и ее даже приглашали поступать в Ростовское музыкальное училище, но отец по-прежнему был против этого.

По возвращении семьи в Ленинград Елена, следуя родительской

воле, поступила на подготовительное отделение радиотехнического института, однако, по своему собственному желанию, отправилась на прослушивание в Ленинградскую консерваторию. Она прошла огромный конкурс — из ста человек были приняты всего трое. По ее собственным воспоминаниям, она ехала тогда в трамвае и улыбалась во весь рот. «Люди, наверное, думали, что я — идиотка, а я просто была такая счастливая!»

Потом, правда, оказалось, что кроме профильного предмета надо сдавать еще историю и литературу. К этим дисциплинам новоиспеченная студентка готова не была, но ее приняли, с условием сдать общеобразовательные предметы во время учебы. С чем она блестяще справилась.

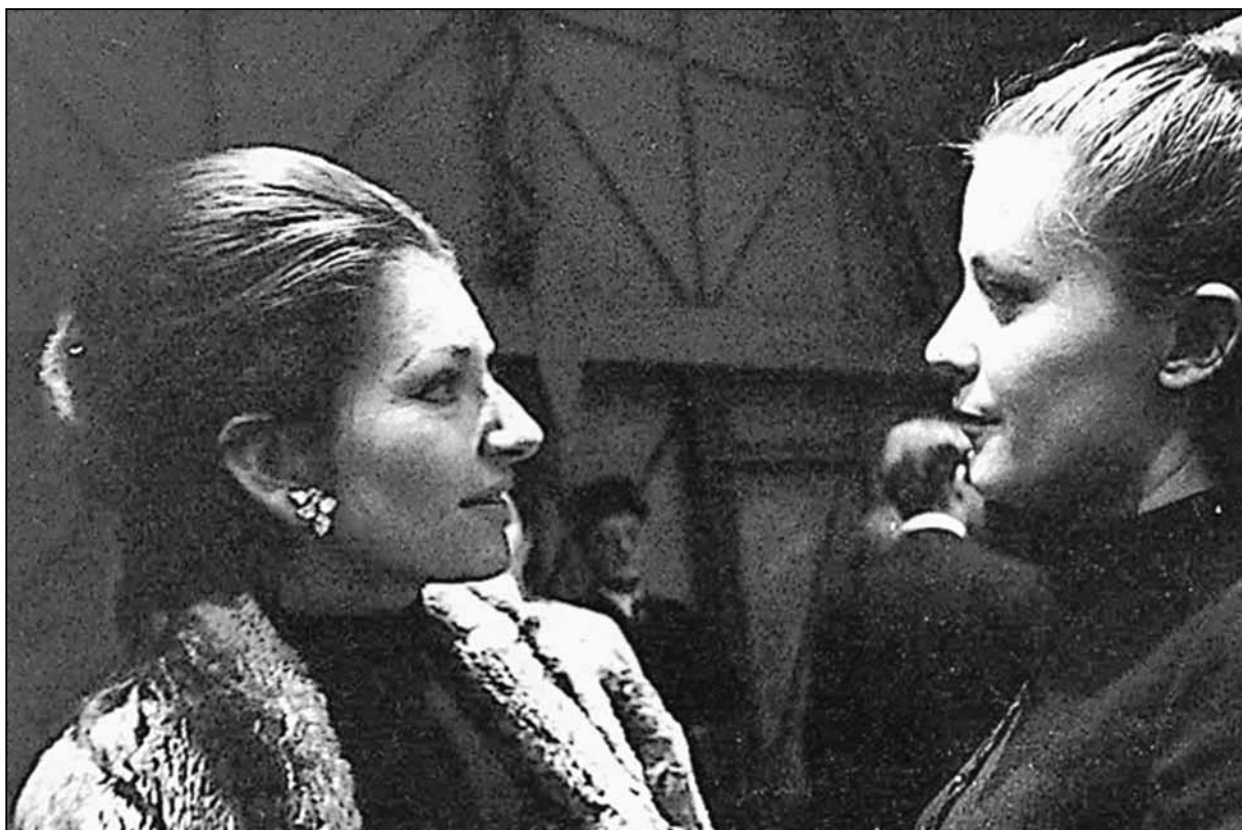
Отец после такой вольности не разговаривал с дочерью почти год. Потом все-таки оттаял, узнав, что дочь пригласили петь в Большой театр — это в его глазах уже «тянуло» на серьезную профессию.

Училась Елена с удовольствием, правда, заучивать что-либо ей совсем не нравилось. Однажды, рассердившись на преподавателя, который, по ее мнению, поставил незаслуженно низкую оценку, она решила больше ничего не учить наизусть. Зато отлично освоила написание шпаргалок.

Она вспоминала: «Чтобы «выкручиваться» на экзаменах, мы с Ирой

Богачевой писали шпаргалки, потом приклеивали их пластырем на ноги. В длинных платьях шли вместе сдавать экзамены. Шептали друг другу: «Первый — левая — четвертая — выше», что означало: шпаргалка с ответом на первый вопрос приклеена на левой ноге четвертой выше колена».

ла листочки с текстом. И когда надо было петь, подходила к месту со шпаргалкой, смотрела в нее и пела. Однажды в «Метрополитен-опера» я исполняла партию Далилы на французском языке. Все слова выучить не успела. Тогда я переписала их на листок бумаги и наклеила его на стоявшую на сцене большую

В юности Елене посчастливилось познакомиться с Марией Калас

Этот «опыт» пригодился Образцовой и на мировой сцене. За рубежом нужно было петь на разных языках, а учить она по-прежнему не любила, да и не успевала. И, по ее собственным словам, «...для каждой мизансцены находила местечко среди декораций, куда приклеива-

серебряную чашу. Исполняя арию, я вращала эту вазу и считывала свой импровизированный подстрочник. Затем следовала партия Фьоренцы Коссотто — знаменитой итальянской меццо-сопрано. И, говорят, она была в восторге, когда увидела этот сосуд с наклейками...»

Шпаргалки шпаргалками, но в пении Елена Образцова точно не давала себе спуска и тренировалась по много часов в день, чтобы добиться идеального звучания голоса. После третьего курса, поступив на службу в Большой театр, она перешла на заочное обучение, а на своем выпускном экзамене в 1964 году получила невиданную оценку «пять с плюсом».

К тому же времени относится и первая заграничная поездка певицы. Наряду с несравненными вокальными данными она обладала артистическим талантом и яркой внешностью, что позволяло ставить ее в один ряд с «Анной Маньяни в кино и Марией Каллас на оперной сцене» (это сравнение принадлежит Франко Дзефирелли).

Невероятно активная, Образцова успевала одновременно с карьерой строить и личную жизнь. Первым мужем певицы был физик Вячеслав Макаров. В этом браке в 1966 году родилась дочь — тоже Елена. Супруги прожили вместе семнадцать лет и расстались довольно спокойно. Вторым супругом Образцовой стал дирижер Большого театра Альгис Жюрайтис. Она вспоминала об этом впоследствии: «Мы с Альгисом сначала были просто коллегами по работе, симпатизировали друг другу. А потом — буквально в одночасье — пришла любовь. Помню,

*Елена
Образцова
в роли
Кармен*

Справа:
Елена
с мужем
Альгисом
Жюрайтисом

ехали с ним в одном купе. Не знаю, что произошло, — посмотрели друг на друга, какая-то неведомая сила сблизила нас, мы поцеловались. Вместе прожили почти 20 лет. Очень счастливо. Умнее, красивее, ласковее, нежнее человека, чем был Альгис, я не знаю».

Когда Жюрайтис умер от онкологического заболевания (это случилось в 1998 году), певица сказала своим родным: «Я осталась

одна и не знаю, как жить дальше». На несколько лет она полностью посвятила себя работе: ездила по миру, преподавала, давала концерты. Но это, по ее собственным словам, вдруг превратилось из творчества, из радости просто в работу. Первый год вообще было настоящее насилие над собой. Но Елена Васильевна знала — если она остановится в этом своем беге, будет еще хуже.

Она уже была признанной звездой мировой оперной сцены. Хотя сама слова «примадонна» терпеть не могла. «Мой папа как-то сказал: «Никогда не будь примадонной, они все дуры». На протяжении многих лет работая с примадоннами, я поняла, что он прав. Если человек состоялся как актер, личность,

ему не надо из себя ничего изображать». Сама Образцова много лет на вопросы о том, что прописано в ее райдере (списке требований), отвечала: «Я прошу, чтобы в гримерной стояла бутылочка минеральной воды...»

При этом Елена Васильевна никогда не стеснялась того, что при-

бегала к услугам пластической хирургии. Несмотря на солидный уже возраст, выглядела она прекрасно и считала, что ничего постыдного в таком уходе за собой нет.

Она дружила со многими — в частности, с Монсеррат Кабалье. Эта великая (во всех смыслах) опер-

ской вечерни», что пришла в ее гримерку после спектакля и встала перед ней на колени, сказав, что никогда не думала, что можно так петь. Кабалье была счастлива, засмуцалась. Но когда Образцова захотела подарить приме свою норковую горжетку, засмеялась: «Что ты,

ная дива однажды даже встала перед Образцовой на колени. Произошло это так.

В Барселоне проходил фестиваль, куда пригласили по пять лучших исполнителей Кармен и Хозе. Выступала, разумеется, и Кабалье. Елена Васильевна была так потрясена ее исполнением «Сицилий-

Елена, эта твоя горжетка мне только на шляпку». А на следующий день уже Елена Васильевна пела Кармен. И теперь уже Монсеррат Кабалье пришла за кулисы и встала перед ней на колени. Образцова тогда сказала: «Теперь надо искать домкрат». Кабалье, конечно, тоже расхохоталась.

У Кабалье, кстати, училась и дочь Образцовой, которая тоже стала оперной певицей. Сама Елена Васильевна считала, что голос у дочери «невеликий», но впоследствии радовалась, что ошиблась.

Многим зрителям казалось, что жизнь оперной примы была абсолютно безоблачной. Конечно, это

не так. Случались и черные полосы. Мало кто знает, что пять лет Образцова была практически слепа. В Японии, где она много преподавала, ей подарили велосипед. Будучи натурой активной, она тут же села на него и поехала. Но оказалось, что тормоз располагался не на педалях, как она привыкла, а был ручным.

Со всего маху певица упала и ударилась так сильно, что отслоилась сетчатка глаза. В те годы еще был жив муж, который помогал ей. Она сама вспоминала: «В тот период я переживала состояние страшной ущербности. Очень сложно было общаться с партнерами на сцене. Дирижеров я не видела. Плюс ко всему, 5 лет я не занималась музыкой, пела только старые партии. Ничего не могла учить — нот не видела, у меня все сливалось. Писала огромными буквами. Когда буквы дошли до двух сантиметров, моя подруга в Испании сказала: «Больше не могу видеть твои мучения! Мы идем к врачу». Она меня повела к Баракеру — это самый великий на свете врач-офтальмолог. Он мне сделал один глаз в понедельник, а другой — в субботу. Уже через неделю я все видела».

Но на этом трудности не оставили певицу. На протяжении короткого времени произошло столько несчастий, что ей стало казаться, будто она в чем-то провинилась перед Богом, в которого верила всю жизнь.

Началось все с того, что в квартире Образцовой влезли воры. Для нее, очень ценившей свой дом, это оказалось сильным ударом. Затем обокрали дачу, угнали машину, прямо во время спектакля в Мариинском театре она сломала руку. Затем заболел Жюрайтис, ему сделали операцию, а потом он умер...

Все это, конечно, не могло не подкосить Елену Васильевну. Однако прошло несколько лет, и она выбралась из этой ямы отчаяния — благодаря пению, преподаванию, семье и друзьям.

Когда ее спрашивали, каково ей петь возрастные партии — например, старой Графини в «Пиковой даме», — она отвечала: «Знаете, что такое старость? Усталость и слабость, ничего более! Если бы у меня не хватило силы духа и желания ежедневно совершенствовать себя и радоваться жизни, я давным-давно превратилась бы в старушку, обсуждающую свои болезни и негодное правительство. Вот этого как раз и не надо допускать, тогда ты будешь до последнего дня молодой, нужной и любимой».

Для нее пение всегда было не просто профессией, оно было смыслом жизни. Она говорила: «Я — раб своего искусства. Никогда не оформляла отпуск, мне казалось, что, если остановлюсь, придет конец моей энергии. Для меня жизнь — это пение, и я прошу Господа только об одном: чтобы он сначала дал мне умереть, а потом я бы перестала петь. Только так, а не наоборот».

Но и вне сцены она радовалась жизни: внукам, друзьям, собакам, цветам, которые разводила в саду...

Случилось почти так, как она просила. До последних дней певица общалась с друзьями, даже пела для них. Она оставалась элегантной

и по-прежнему верила в любовь, в людей и в чудеса.

Елены Образцовой не стало в начале 2015 года в Лейпциге, где она

лечилась от лейкемии. Прощание с ней проходило в Большом театре, где много лет звучал ее великий голос. □

ВСЕ ВКЛЮЧЕНО

Фиолетовая дорожка подиума подсвечивалась софитами. От них белое платье Ландыша казалось то розовым, то голубым, то фантастически муаровым. А сама она — небесно-обворожительным ангелом.

Селена, ее мать и одновременно арт-директор, контролировала каждый шаг девочки, шептала из-за кулис:

— Раз два, три, четыре пять... пятнадцать. Быстро развернись. Умница! Обратно! Взгляд — ФИКСИРУЙ! Да не туда! На японца! Ах, ладно! Ко мне пошла! Ко мне!

Сегодня Ландыш делала движения как-то неохотно. Ночной перелет, безбожная диета, отсутствие общения. Все это, и не только... — подспудно выражалось не бунтом, а совершенной апатией ко всему.

Людская безликая масса давно не интересовала. Может, чуть-чуть раздражали редкие споры мамы и бабушки по телефону. Подиум в Париже отличался от подиума в Мадриде или Риме зачастую только подсветкой.

— Вами заинтересовались два банкира из Золотой ложи, — вкрадчиво начал продюсер, подсунув под локоть Селены визитку.

— Верген! Девочка устала. Хотите пересмотреть условия контракта?

— Боже упаси!

Из года в год, из города в город, срывая дочь с учебы, Селена «разрабатывала проект» под кодовым названием «Ландыш».

— Давайте мы ее спросим? — пошел в атаку Верген. — Дополнительные сто тысяч, Ландыш! Сто тысяч евро! Но — ничего вне контракта! Два

раза — ужин в изысканном обществе, один раз — ипподром, и улыбаться в камеру! Чтоб я так жил!

Лана, воткнув острые локти в белый кожаный диван, обернулась на продюсера. Вот сейчас, в эту минуту, она была сказочно хороша! Огромные глубокие синие глаза. Идеальный овал лица, не знакомый с морщинами и пластикой. По-детски припухшие алые губы. Точеные ноздри. Прямые длинные, не тронутые краской русые волосы. Тончайшая талия. Округлый изгиб бедер. И не особенно длинные, но редкой красоты потрясающие ножки в джинсах от «Армани».

— Королевский отель, Ландыш, отель-«люкс». Все включено!..

— Что «включено», Верген? — резко повернула голову Лана, хлестнув синим взором по ненавистному похотливому взгляду «хозяина».

— Не дерзи! — оборвала ее Селена. — Мы согласны, Верген, но знаешь сам, любое нарушение контракта может обернуться тебе международным скандалом!

Утренний ланч ничем не отличался от тысячи таких же.

Чтобы не смущать модель стандартным шведским столом пятизвездочной гостиницы, им накрывали завтраки в номере. Лана ждала их с нетерпением. Только утром ей было позволено с кофе две ложечки сахара! Не особенно вкусным показался сегодня салат с какой-то незнакомой картонной зеленью, пресным зеленым перцем, скупо приправленным оливковым маслом. Она потянулась за солью.

— Нам нельзя, — по-доброму напомнила Селена, — мы и так перебрали в весе. Мы же не хотим стать жирными коровами и потерять единственный источник нашего благосостояния!

Дочь покорно вернула руку на свое место.

— Вот и умница! — похвалила ее мать. — Сейчас у тебя бассейн. А мне нужно еще кое-куда смотаться. Через час вернусь!

Дверь плавно щелкнула. Девушку тут же охватило любопытство — и куда это, собственно, каждый день ходит мама? Уж не к Вергену ли? Да нет! Тот стопудово спит в такую рань! Так куда?

Ландыш осторожно приоткрыла дверь и в конце коридора увидела подол материнской юбки, скрывшейся за поворотом.

— Ага! — обрадовалась она неожиданному приключению и поспешила следом.

Селена, не подозревающая о «хвосте», после завтрака с дочерью отправилась на второй завтрак. Нормальный.

Шведский стол поразил Лану обилием того, что ей уже лет пять нельзя было есть: салаты с майонезом и без, нарезанные фрукты, кисели, вина, пирожные, жареные и пареные вторые блюда под крышками, и пре-

словутая жареная картошечка со сливочным маслом, и свинина, и гусь, и барашек...

Глаза ее загорелись голодным огнем, желудок пронзило спазмом вечного голода элитарной модели.

Тем временем Селена ловко и привычно цепляла специальными вилками на свою тарелку деликатесы.

«Я попробую только вот эту темпуру из лягушачьих лапок», — решила Лана, когда мать, устроившись у окна, стала бойко уплетать второй завтрак.

Но за темпурой на тарелке Ланы оказалась мерлуза, за нею две крохотных фрикадельки, соус «Пикан», три разных пирожных...

Ах! Как хотелось попробовать все! Но, воровски проглотив содержимое тарелки, она буквально бегом вернулась в номер.

Глазенки ее блестели от удовольствия и даже слегка слезились. Она легла на спинку, поглаживая переполненный и немного раздувшийся живот, даже расстегнула застёжку на джинсах.

Вскоре в номер вошла Селена и, как ни в чем не бывало, спросила:

— Что делаешь?

— Отдыхаю после завтрака, — икнула дочь, — может, закажем фреш? Что-то так пить хочется!

Селена тревожно посмотрела на нее, потом заглянула в бар. Коньяк не тронут!

— Дыхни! Ты пила?

— Я не пила! — выкрикнула Лана. Но глаза продолжали лихорадочно блестеть.

Селена обошла номер, но, ничего подозрительного не обнаружив, расслабилась:

— Фреш получишь после обеда. Надо решить, в чем идти на ипподром!

— Пусть Верген решает! — парировала дочь. — Думаю, он даст мне то платье в голубых маках из новой коллекции...

Эпизод со шведским столом стал первым, но не единственным в бунте Ландыша. Она нашла происшествие занятным и продолжила безумства дальше. На показах модель, наконец, ожила, появился дерзновенный взор повзрослевшей женщины, что не укрылось от зорких взглядов репортеров. А однажды она так ухмыльнулась при развороте, что публика ахнула и взорвалась овациями.

Коллекция новой одежды «Золотая осень» была продана в тот же день. И в Ниццу труппа выехала практически на «остатках».

Белое платье, то самое, которым открывал любой показ Верген, обычно чуть свободное, впервые не застегнулось на Лане.

— Что это?! Что это такое?! — взвизгнул продюсер. — Что это, я тебя спрашиваю? — уставился он на Селену. — Когда она успела так окороветь?

— Побойся Бога, Верген, — начала свою любимую песню мать, — девочка с диеты не слазит!

— Я тоже сказки сочинять умею! Если в России за месяц ты ее не вгонишь в прежние рамки, о контракте с Канадой можешь забыть!

То, что на подиуме считалось перевесом, в нормах России считалось дистрофией. 48 килограммов при росте метр семьдесят шесть!

Селена, как затравленный зверек бегала от врача к врачу, не находя понимания. Наконец знакомые посоветовали ей необыкновенного доктора-экстрасенса и его закрытую клинику, где лечился ВЕСЬ Кремль!

В клинике доктора Солнцева Лану встретили любезные медсестры. После массажа со специальными бальзамами ее поместили в соляную ванну.

— Это преступление, — строго сказал доктор Солнцев Селене. — Ей нельзя худеть. Девочка истощена. Она с трудом сейчас набирает женские формы. При ее конституции она должна весить минимум 53 килограмма! Вы понимаете? Ее сбои с месячными циклами могут обернуться в конечном итоге бесплодием!

Селена на горячее восклицание доктора спокойно и беспощадно ответила:

— Пятьдесят тысяч евро за один показ. Где в России она сможет столько заработать, если будет весить 53? Нам надо 46, доктор! Вы можете это сделать?

— Я могу. Но вы, как мать...

— Я, как мать, заплачу вам вдвое от назначенной суммы...

— Пожалуй, вы правы, — неожиданно сдался Солнцев. — Хорошо. Но учитите, мадам, за все в жизни мы платим вдвое больше, чем рассчитываем.

Клиника привела Лану в норму очень быстро.

Ночная Москва приглашала на показы чуть ли не ежедневно.

Восторженный Верген исцеловал ручки Селены:

— Ты смогла! Ты умница! Я знал, что ты сможешь!

Лана с безразличием наблюдала эту картинку. Ее больше не возмущало, не удивляло и даже не забавляло, что ее собственного мнения давно никто не спрашивает. Огорчало лишь то, что мать неожиданно сама решила сесть на диету и прекратила утренние вылазки. Диета действовала на нее как-то сильно агрессивно. Селена нервничала и «заводилась с полуоборота».

Это случилось за два дня до запланированного полета в Канаду. Черт дернул их выехать на Ленинградку! Пробка за пробкой выводили из себя Вергена. Он вызванивал через каждые пять минут. Мать вела машину сама.

Опаздывали уже на полтора часа! Селена напряженно впивалась в дорогу глазами, сузив их до японских стандартов. Пошла на обгон, зацепилась за чей-то бампер, вылетела на встречную полосу и... боковое столкновение...

Очнулась Лана в больнице.

По капельнице в руку сочился раствор. Страдающие синие глаза неухоженной пожилой женщины в дикой деревенской вязаной кофте безотрывно и сонно смотрели куда-то в стену.

— Кто ты? — спросила Лана.

— От-те, здрасьте! Дожила! — возмутилась незнакомка. — Бабушка я твоя, Ланочка, Нина Сергеевна.

— А мама где?

— Нет больше мамы. Только я и ты теперь...

Лана не успела среагировать на эти слова, как в палату ворвался с кипю бумаг Верген:

— Соболезную, милая. Соболезную! Ты прости, скоро вылет, а у меня еще конь не валялся. Подпиши здесь. И здесь...

— Что это? — спросила Ландыш, отодвигаясь подальше от бабушки.

— Расторжение контракта из-за инвалидности клиента.

— Что?!

— Ну, ты же не сможешь ходить по подиуму без ноги?!

— Как без ноги? — Девушка резко отдернула покрывало. Дернулась и перекосилась от боли.

Правая нога была вся в синяках, зато левая находилась в гипсе.

— Типун тебе на язык, Анчутка! Нога-то цела! Просто открытый перелом!

— Это не нога! — безжалостно отрубил Верген. — Это уже не нога, если вы вообще хоть каплю смыслите в шоу-бизе! Ланочка! Ну, подписывай же, Зайка! Я опаздываю...

Лана усмехнулась и подписала бумаги.

От ее едкой усмешки и презрения Вергена передернуло, как от тока. Он все еще не переставал находиться под мощным воздействием Селены, несмотря на ее гибель. Долго болтаясь в коридоре перед палатой, он моделировал разговор с Ландышем и заранее запланировал, если та начнет упираться и откажется подписывать, он предложит ей...

— Ну, хорошо, хорошо, — произнес Верген, осознавая, что жизнь затягивает его в дикие и немислимые условности. — Если ты настаиваешь, на твой счет мы перечислим единоразовую пенсию в 200 тысяч.

— Я не настаиваю, — пригвоздила его к стулу девушка.

— Ну... — заерзал он на стуле, — все равно перечислим. Рад был работать вместе. — Он открыл спиной дверь и быстро удалился.

— О Господи! Довели ребенка! — воскликнула Нина Сергеевна. — Одни косточки! Как в Освенциме!

— Ба! Перестань! — Лана закрыла глаза и тихо спросила: — Что с мамой?

— Леночка отошла на тот свет мгновенно, — ответила бабушка Нина и, вздохнув, добавила: — Уже похоронили.

В больнице Лана катастрофически продолжала терять в весе. То, что приносили на завтрак, обед и ужин, ей было ранее противопоказано, и теперь, по инерции, она просто не могла положить это в рот.

В модельный бизнес Лана Озерова попала в 4 года благодаря разводу родителей. Воссиявшая от гордости, брошенная красавцем танцором Елена каждым действием, каждым шагом доказывала вновь и вновь, как он не прав, что оставил их с дочкой. То, что в дочурке она нащупала золотую жилу, было и верой, и правдой, и надеждой всей жизни. Ландыш трудом и потом превратилась в высокооплачиваемый и высоко котируемый бренд.

Вопросы школьные, начиная с пятого класса, решались быстро и буквально покупались в одной из московских школ. Вместо общеобразовательных предметов Селена не жалела денег на хореографию, гимнастику, риторику, плавание, иностранные языки, литературу.

Девушка в совершенстве знала, как и когда повернуть голову, как походкой заставить заморожено смотреть на нее, как «работать на камеру», чтобы подчеркнуть неотразимость своего совершенства.

И вот одиннадцать лет титанических усилий усовершенствования тела привели к негодности этого тела из-за несчастного случая...

Гипс сняли через две недели. Когда Лана увидела высушенную, искривленную голубоватую ножку с белесой кожей, она упала в обморок.

Сорок килограммов Ланы Озеровой — все, что от нее осталось после катастрофы, бабушка вывозила «умирать» в Рязань простым автобусом.

— Вот, дочка, наш домик! — сказала она.

— А туалет где? — скромно спросила Лана.

— Где? Где? Вон, на дворе! — ответила бабушка. — Сейчас баньку затоплю, отпаривать тебя буду.

— Не хочу баньку!

— А чего хочешь?

— Ничего не хочу!

Нина Сергеевна вздохнула и отправилась к соседке за молоком.

Деревню Дубки Рязанской области с утра пораньше вдоль и поперек отхлестывал дождь, но неожиданно остепенился и начал мелким бисером

сыпать-рассыпать. А когда совсем прекратился, Лана выскочила во двор и тут же столкнулась взглядом с каким-то веселым незнакомцем, немного глуповатым на вид.

— Хм. А ты кто? — уставилась она на него.

— Я фершала привела. Ботаника! Тебя, дохлятину, лечить будет! — раздался с крыльца голос бабушки.

— От смерти еще никто никого не вылечил, — грустно улыбнувшись, заметила Лана и павою, «как учили», прошла мимо парня по тропке, точно по подиуму, не задев ни одной капли росы с травы.

— Теть Нин, лучше печь затопить. Во всех Дубках опять электричество навернулось!

— Без тебя знаю, умник! — ответила Нина Сергеевна и зашуршала в кухоньке: — Ну, где там твое молоко?

— Не молоко, а сливки! — нравоучительно произнес паренек. — А ты, значит, Лана?

— Лана.

— А я — Андрей.

— Андрей! Не стой у дверей! — ворчливо передразнила бабушка.

— Ну, иди сюда! — позвал Андрей Лану. — Я еще кое-что принес! — Он поставил на белую скатерть сначала банку сливок, следом завернутый в рушник горячий желтый калач: — Ешь!

— Хватит ей аппетит портить! Сначала бульон, — прокричала бабушка, орудуя у печи.

— Кусай, давай, пока он теплый, и пока бабка не видит! Кусай! Я че, зря его от дождя берег?

— Я не хочу, — отказалась Лана.

— А ты понюхай! Вот так. — Андрей втянул в себя запах только что испеченного сдобного хлеба. — Матушка пекла. Сладкий. С маком! С изюмом! Для тебя, балда! Травы там... Чудо!

— Лана понюхала калач:

— Действительно, чудо!

— Кусай, — заговорщицки зашептал паренек, — а я на «шухере» постою!

И Лана куснула. Горячий белый сметанный калач с хрустящей корочкой оказался настолько мягок, что как-то сам собою растаял у нее во рту, и захотелось кусать еще и еще.

— Вкусно? — довольно воскликнул Андрей.

— Вкусно!

— А теперь запивай! Прямо из банки! Это все тебе. Деревенские! Пей-пей!

Сливки с калачом оказались вкуснее самого изысканного французского круасана, слаще брюссельского бриоша.

После сытного завтрака Лана долго спала, наглотавшись свежего озона деревни. И снова вышла во двор только следующим утром.

— Капли! — восторженно нагнулась она к люпиновым листьям.

Сосед, поджидавший ее, тут же отреагировал и крикнул через забор:

— Это роса! Выпей! Она целебная!

— Да ладно!

— Пей-пей! В Рязани все целебное. В Рязани даже грибы с глазами! Хромай ко мне! Я те свой садик покажу!

— Я еще наш как следует не рассмотрела!

— Ха! Ваш! — хвастливо усмехнулся сосед. — За мой сад даже в газете «Рязанщина» пропечатали!

Лана снова деликатно заулыбалась, вспомнив несколько полок в московской квартире, набитых вырезками с ее изображением из элитных глянцевого журналов:

— Ну, если в газете, это серьезно, показывай свой садик!

Андрея не зря дразнили «ботаником». Сплетенный из ивовых прутьев забор обвивал лимонник и культурный северный виноград. Беседку до самого верха оплетали розы. В саду тоже огромное количество розовых кустов — белых, чайных, желтых, алых, бархатно-бордовых. От калитки лучами расходились тропинки, сопровождаемые гвардейцами люпинов во все стороны сада. На клумбах с ранней весны до поздней осени что-нибудь непременно цвело: по весне — крокусы и гиацинты, затем ирисы, флоксы, примулы, ромашки, настурции, осенью — поздние хризантемы. На небольшом пруду Андрей развел розовые лилии. Ну и, конечно, как и у всех, — яблони и сливы, черешня и вишня, только обрезанные и ухоженные, в белых гольфах побелки.

Лана не удержалась, достала свой мобильный телефон и стала все фотографировать.

— Погоди! А то кадры закончатся. Главное — теплица! — остановил ее Андрей.

Под облезлыми старыми окнами, сколоченными парнишкой в виде длинной пирамидки, выпятился на дорожку настоящий арбуз сорта «Огонек».

— Арбуз! — удивилась Лана.

— Этот еще маленький. Вот там гляди, побольше!

— Это виноград, что ли?

— Что ли! — хвастливо кивнул паренек.

— Андрей! Ты что гостью голодом моришь? Быстро в дом завтракать! — позвала их мать с крыльца.

— Это я-то морю? Та ты че, ма?

И молодежь резво побежала к избе.

— Я на ферму. Завтрак на плите, голубка, — сказала тетя Клава и с нежным сочувствием тронула Лану за плечико: — Эк тебя в Европах-то уморили...

— Ланка! Налетай! — засуетился Андрей, лишь только мать оставила их одних. — Это картовица! Все с огорода! Как там у вас в Москвах говорят — типа, «все экологически чистое»! Здесь даже грязь экологически чистая...

— С глазами?

— Точно! Хватаешь на лету!

— Что? И эти глазастые с огорода? — разглядела она на тарелке грибы.

— Не, эти с подвала. Я экспериментирую с разными видами плесени.

Шампиньоны — самый лучший абсорбент!

— Круто! Никогда не пробовала.

— Да ладно? Что же ты ела?

— Ну, там... авокадо, морепродукты, салаты всякие...

— Бедняга!

— Да что вы все заладили — бедняга, да бедняга!

— А ты на себя посмотри! Ешь, давай! И чтобы я видел!

— Не буду, — обиделась Лана.

— Я те не буду! Быстро рот открой и скажи: «А-а-а»!

— А! А-а-ам!

— Вот и умница! Теперь сливками, сливками запивай. Ишь, че удумала, есть она не будет! Баба Нина ее всю жизнь ждет, на дорогу смотрит, когда уж внученька приедет. А внученька решила сдохнуть от голода всем на-зло. Хитрая какая! А кто за землей ухаживать будет? А кто на белый свет детей будет рожать?

— Ну, ты и загнул! Каких еще детей?

— Обыкновенных! Рязанских! Московских! Красивая, а не понимаешь, что красота твоя именно за этим и дается. Землю украшать... Вот я людям жизнь чем украшаю?

— Чем?

— А тем! По всей деревне Дубки чуть ли не насильно в каждый двор розы высаживаю из своего питомника. Обрезку делаю, когда могу. Сорты элитные прививаю всем. Как едем в Рязань продавать — наш ряд самый лучший!

— Ну и что?

— Как что? Как что? Из Дубков пойдут сорта дальше и дальше, и тогда вся земля станет как рай! Поела?

— Поела.

— Спасибо?

— Спасибо!

— А теперь чуть-чуть надо поработать. Как «синеглазка» растет, показать?

— Покажи!

— Пошли на волю!

Андрей взял тяпку, на всякий случай дал и Лане тяпочку поменьше.

— Цветочки какие желтенькие!

— Ну да. Это картошка. Сорт «синеглазка».

— Да ну? А это что? Красивое какое!

— Полынь! Ее надо удалить. Все, что лопухое, — картошка, все, что разное и топорщится — сорняки! Смогешь?

— Легко! Только не понимаю, зачем сорняки удалять. Они такие красивые!

— Ну, ты дикая какая! Сорняки питательные вещества воруют у культурных растений. Свет, опять же, загораживают. Поняла?

— Поняла.

— Окучивай!

Лана ухватила обеими руками маленький бурьян. Тот легко позволил себя вытащить. Почва дымилась. Парная и влажная после дождей земля источала благословенный запах. Она погрузила пальцы в рыхлую почву и блаженно закрыла глаза.

— Тебе плохо? — встрепенулся Андрей.

— Хорошо!!

Покончив с окучиванием картошки, Андрей привел Лану на задний двор.

— Это мой питомник! Все осенние я высаживаю здесь и здесь. Если хочешь, несколько штук прямо сейчас на клумбу перенесем.

— Перед домом?

— Ну да!

С клумбой они возились недолго, меньше часа. Вместе очистили землю от сорной травы.

— Бери из тележки. Вот так! Вот сюда! Полей! Молодец! — учил Андрей.

— Бабушка! — Лана забежала к себе в дом. — Выдели мне, пожалуйста, кусочек земли, я что-то посадить хочу!

— Ну, ботаник! — незлобно проворчала бабушка, подавая Лане лопату, и повела ее на место рухнувшей яблони.

«Дохлатина» оказалась достаточно целеустремленной. Энергии от завтрака хватило на клумбочку размером метр на метр, где прямо руками без перчаток были высажены астры.

Но уже на следующий день снова пошли «хороводы». У бабы Нины росла очень крупная малина, на которую сосед давно положил глаз. Быстро был произведен обмен на куст гибрида крыжовника и смородины.

Скоро личная грядочка Ланы выросла до трех метров.

— Ба? А что это у тебя сорняки горох задавили? — поинтересовалась Лана.

— Дак, это, тебя дожидаются, чтобы ты с ими разобралась! — хитро крякнула бабка.

Через месяц Андрей с Ланой хвастались, у кого огород чище «выбрит».

А еще Лана покрасила белилами, что у бабушки в сенцах обнаружила, кирпичи вдоль палисадника, на манер европейских. Впервые в жизни она занималась тем, что ей нравилось, и наедалась досыта.

Однажды блюмкнула «эсэмэска» — пришло извещение о пополнении банковского счета. Сдержал слово Верген. Наверное, уже вернулся из Канады.

За лето, проведенное в Дубках, жизнь девушки круто изменилась. Она понимала, что надо возвращаться в Москву. Но здесь, в рязанской деревне, где зажила ее нога, а, может быть, душа, было вольно и весело. Веселыми казались пискучие комары, и грибы и все было здесь «с глазами»! И у Ланы тоже глаза открылись, какие-то внутренние глаза. Распускались белые астры, посаженные ее рукой. Тянулись к солнцу, стряхивая утренние росы, кукуруза, горох, топинамбур и облепиха. Наливались небесным соком дождей кабачки и тыквы, дразнили крутыми боками свекла, морковь и репа. Буйствовала зелень лука и укропа, точно проросла прямо из души. А сама Лана выросла по самые уши в землю.

Как есть борщ без чеснока и сметаны, она теперь вообще не представляла, впрочем, как и жила раньше без этого борща, не представляла тоже!

С другой стороны, подходило начало учебного года. Что было у Ланы в запасе в ее пятнадцать лет?

Опыт модели международного класса — раз.

Купленный для нее матерью, но без знаний, аттестат о 9-летнем образовании — два.

Квартира в центре Москвы — три.

Старенький протекающий дом в рязанской деревне Дубки — четыре.

Несколько банковских счетов с невысказанно огромными суммами, которые мать оставляла ей на предъявителя, — пять. Селена до конца своих дней не тратила деньги дочери на себя, даже питалась, только когда было «все включено». И средства выгодно вкладывала в ценные бумаги в Швейцарии, Франции, Бельгии. Теперь все это удачно сколоченное, невысказанно громадное состояние работало «на Лану».

Что делать ей? Как жить дальше?

Вот нога, которая зажила, и нет проблем вернуться.

Вот красота. Да кому она нужна, в самом деле, если не рожать детей, рязанских и московских, как сказал Андрей.

Вот Москва. Серая. Каменная. Пустая. Безжалостная и бездушная. Раздавившая ее мать. Перемоловшая ее кости и чуть не уморившая с голоду своим богатством.

Вот зеленая, живая рязанская деревня. Добрая. Но нищая. Без будущего. Без перспектив. А, может, Лана и есть ее перспектива?

Что делать? С чего начать?..

— Чего ты хочешь от жизни, Андрей? — во время очередной встречи спросила у него Лана.

— Ну, окончить школу. Потом — в армию.

— А потом?

— Мечтаю поступить на биологический факультет, но это нереально, ни мать, ни я не потянем. Обучение дорогое...

— А если все-таки поступишь на свой биофак. Что потом, после его окончания?

— Чего пристала: потом-потом? Ну... так далеко я еще не думал, женьюсь, наверное, детишки пойдут...

— Жена, дети — это понятно! Ты сам кем хочешь быть? Зачем живешь? Зачем пришел в этот мир?

— Чтобы деревня твоя была в розах! — вдруг ответил Андрей. — И чтобы вся область. И Рязань вся, и вся Москва!

— А потом?

— А потом, чтобы и вся страна! Питомник я заведу или сад под огромным-огромным куполом.

— А потом?

— Ну а потом, если жизни хватит, чтобы вся планета была в розах!

— Прикольно! — улыбнулась Лана. — Мне нравится твоя мечта. На биофак — это интересно!

— Хочешь, расскажу, как будет на самом деле? — неожиданно Андрей дернулся. На скулах желваки заиграли. Он вспыхнул и заговорил на повышенных тонах: — Мать совсем плоха. Рука болит. Грыжа на позвоночнике. Год — два еще отработает в таком режиме и сляжет. Отец из тюрьмы придет. Хозяйство последнее пропьет. Я из армии вернусь и убью его. Пропаду. Все пропадают.

— Так не будет, — тихо и задумчиво промолвила Лана.

— Будет, будет! — кивнул Андрей.

— Нет, не будет! — повторила она. — Ты лучше вот что скажи. Если бы ты вернулся из дальних странствий, типа купец Садко, увидел, что дом твоей матери вот таким стал, — показала Лана на избу бабы Нины, — что бы ты, как хозяин, сделал?

— Дал бы бутылку дяде Паше, чтобы забор поправил.

— А новый забор сейчас сколько стоит?

— Кучу денег!

— А если бы потом деньги в этой куче еще остались?

— Ты какая-то странная сегодня, — призадумался паренек, но мечтать было так сладко, что он снова поддался на провокацию: — Ну ладно, хочешь мечтать, давай помечтаем. Если все по уму, так я бы выгреб, на хрен, ее барахло вонючее из дома, да отремонтировал внутри. Мебель бы новую купил, перины там, обновки в виде платьев и шубок. Она хоть и бабка, но ведь как-никак женщина!

— А потом?

— Ясное дело, — вошел в раж парнишка. — Достроил бы второй этаж, подвал бы вывел новый, провел все коммуникации: Интернет, водоотвод, канализацию, газ, отдельный привод электрический, чтобы не через деревню, а отдельно. Покрыл бы крышу не какой-то там металлочерепицей, а настоящей, как в Дании делают. Вечной! Колодец, само собой, чтоб бабка за водой не через всю деревню шастала, а два шага — и поливай себе огород через привод автоматический... Солнечные батареи бы поставил. Да! Теплицу бы сделал. Блеск! И озеро...

— Озеро?

— Ну да. Озеро! И карасей туда запустил бы. И лилии розовые.

— А предел мечтаний?

— Чьих? Маминых? Ну, может, она еще коровку хочет, поросеночка? Так ей бы не мешало скотный дворик рядышком выстроить... Ладно, Лан, помечтали, и...

— Подожди! Я ведь все это не просто так, я серьезно. Я включилась, понимаешь? Все до этого было выключено. Совсем.

— Вообще, если честно, ничего не понимаю, — покачал головой Андрей.

— Мне необходимо прямо сейчас четко распорядиться по уму и по совести. Ты мою жизнь изменил, я совсем другой стала, и ты для меня — как любимый брат, поэтому позволь мне и твою жизнь наладить. Это очень просто.

— И че ты хочешь сделать?

— Че-че? Ниче! Надо говорить «что», между прочим.

— Вот ты еще учить меня будешь! Дохлятина! Откормил на свою голову.

— Не ворчи. Вот, лучше посмотри. — Лана включила коммуникатор, вошла в Интернет.

— Это твой мобильник? Сила!

— Да брось ты! Скоро новые купим, помощнее.

Она быстро нашла нужный вуз, биологический факультет и дополнительные курсы для вступительных экзаменов. Манипулируя кнопками, произвела оплату на свое имя, быстро спросила у Андрея:

— Отчество? Город и место рождения?

Тот ответил. Ввела оплату и за него.

— Ты офигела? Это ж какие деньжища!

— Не мешай, я только начала, — не обращая внимания на его подпрыгивания, продолжала Лана. — Как ты думаешь, Сочи им подойдет, или отправим в Крым?

— Кого?

— Турция? Греция? Египет? Это не дорого, Андрей. Грубо говоря, даром!

— Чего даром? Кого отправим?

— Твою мать и мою бабулищу мы сейчас отправляем отдыхать, на моря, естественно! Паспорт тащи! Полетят «Аэрофлотом» из Москвы. Обрато через... За месяц, говоришь, хатки отремонтировать успеют?

— Ты с ума сошла! А деньги?

— Это не деньги, — улыбнулась она. — Твоя мечта мне понравилась, и она должна стать реальностью прямо сейчас!

— Бегу за паспортом! — сорвался Андрей, все еще думая, что это просто шутка, и крикнул: — Сочи! Мать всегда мечтала попасть в сочинский ботанический!

— Сочи, так Сочи. Бронируем гостиницу. Так. Экскурсии...

Бабушкин паспорт найти не составило труда. Оплата прошла мгновенно. Андрей возбужденно пялился в прямоугольник монитора, а Лана продолжала дальше:

— Стройматериалы? Бригады есть надежные?

— Только Рязань!

— Ага! Вот телефон. Набираю. Добрый день, вас беспокоит деревня Дубки. А нам как приятно! У нас заказ, большой и срочный. Два дома. За неделю. Под ключ. Сколько? Это несерьезно. Вот. Другое дело. Так. Два дома. Пруд общий. Общий колодец. Две теплицы. Пластик. Евро. Да, пристройки для скота. Бани две... Общий счет. Предоплата? Нет, господа! Я не хочу сказать, что я вам не доверяю. Но я вам не доверяю. Только 50 процентов. Да. По этому телефону можете меня беспокоить. Средства на стройматериалы поступят через минуту. Первую бригаду с грузом ждем сегодня...

Пока две деревенские доярки отдыхали в санатории города Сочи, их дома привели в полный порядок. Обставили. Оборудовали. Заменяли... Подняли землю черноземом. Завезли животных. Заказали огромную библиотеку. Старые вещи раздали соседям.

И Лана, и Андрей, ведя одновременно несколько дел, горячо увлеклись делом своего маленького братства. Осторожно и робко к ним подключилась подружка Андрея Маша. И тут же забрала себе роль стряпухи. Она же все вымывала и выдраивала, а уже через неделю даже покрикивала на рабочих. Она же подсказывала, что лучше впрок заказать для скота.

С утра и до вечера колготилась у ворот вся деревня, мало ли что достанется «с барского плеча».

Новости распространились и на округу. Чудеса-то какие! Ни с того ни с сего, преобразались убогие домишки на окраине Дубков.

— Ой, Нина, глянь-ка, шо с моим домом!

— А с моим-то, Господи! — ахнули вернувшиеся с отдыха хозяйки.

Эти «охи» и «ахи» продолжались весь день...

Фирму по разведению роз Лана назвала «Селеной». Машка стала в ней управляющим директором. Надо ведь было кому-то вести дела, пока Лана и Андрей учились.

Питомник быстро вставал на ноги. Пошли хорошие продажи.

Через пару лет, уже учась на биофаке, Лана решила навестить своих подруг-моделей.

— Ты необыкновенно расцвела, — встретил ее Верген. — Принца своего встретила?

— Да какой там принц? Я идею тебе новую привезла на миллион евро! Гляди!

Лана развернула на столе эскизы, где в платьях-сетках крепились сотни живых цветов. Потрясающие модели были сколлажированы из фотографий в фотошопе. Тюльпаны, гиацинты, флоксы, розы...

— Теперь гляди, как это смотрится вживую. — И она набросила на себя палантин из свежих благоухающих пионов.

Верген от неожиданности отступил на шаг, прищурился и ляпнул не в тему:

— Я понимаю, что «сенбернар не бывает бывшим», а в чем секрет? Почему они свежие?

— Эх, Верген! Это же старый трюк. Здесь на сетках крепятся крохотные пузырьки с раствором. Платье работает более 8 часов! Проверяла! Если добавить удобрение — сутки! Теперь посчитай, сколько миллионеров захотят украсить такими платьями и нашими моделями в таких платьях свои вечеринки? И прикинь свою и мою, как автора проекта, выгоду.

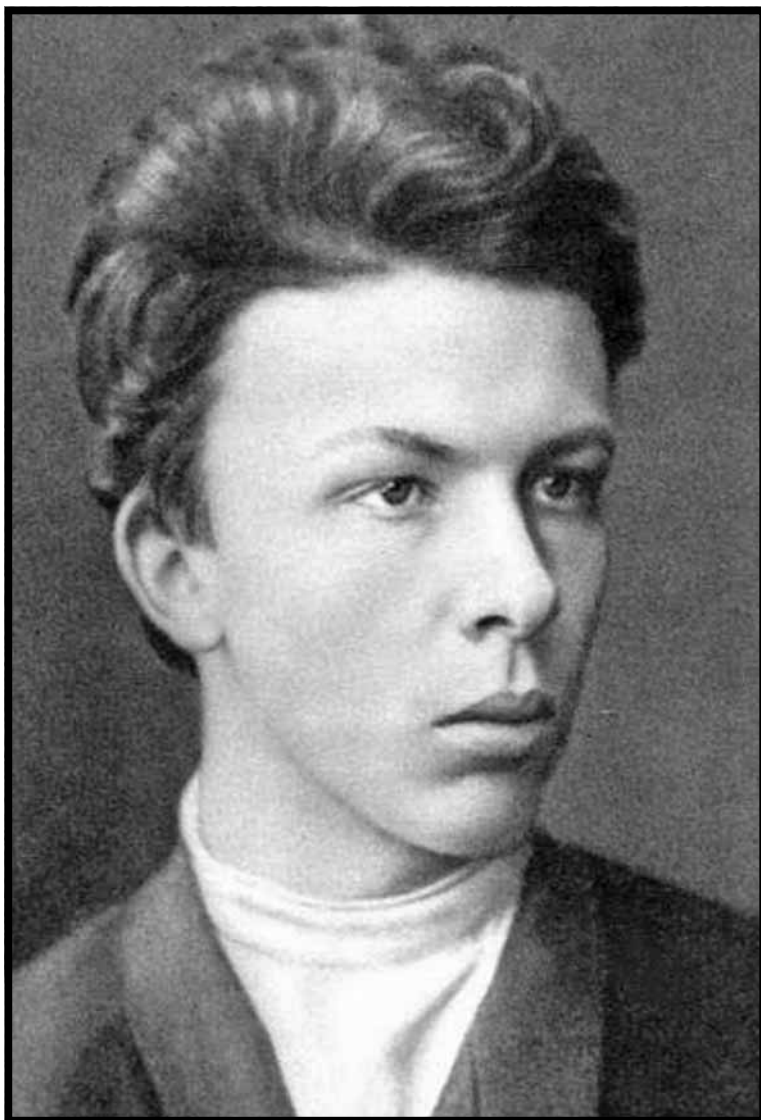
— А цветы?

— Разве не помнишь, я говорила тебе о своем питомнике роз «Селена»? Мы производим ведь не только розы. Мы производим все! Если проект прокатит — подключим дочерние фирмы.

— Вау! Ландыш! — хлопнул себя по коленкам Верген. — Хватка в тебе от матери! Царствие ей небесное! Красота от отца. А полет? Откуда творческий полет?

— Я просто заземлилась, Верген! Пришла моя очередь включать звезды. □

СВОЙ ПУТЬ

В мире есть особое, немногочисленное племя людей, которые за свои идеалы и убеждения, за свою честь и достоинство готовы отдать не только все земные блага, но и пожертвовать своей жизнью. Таким был Александр Ильич Ульянов, старший брат Владимира Ильича Ленина, вождя мирового пролетариата, которого мы знаем с детства. Однако современное поколение вряд ли что-нибудь знает об Александре. А ведь не исключено, что именно он, сам того не желая, подтолкнул Владимира на путь профессионального революционера и борца против царского самодержавия. Ценой своей жизни.

Глава семьи, Илья Николаевич Ульянов, окончив в 1854 году с отличием физико-математический факультет Казанского университета, начал трудовую путь старшим учителем ма-

тематики в пензенском дворянском институте и заведовал институтской метеорологической станцией.

В 1863 год он вступил в брак с Марией Александровной Бланк и в том

же году перевелся старшим учителем математики и физики в Нижегородскую мужскую гимназию. В 1869 году Илья Николаевич получил должность инспектора народных училищ Симбирской губернии, а через несколько лет стал там же директором и удостоился чина действительного статского советника.

В семье Ульяновых было три сестры и три брата. Александр, или как его ласково звали в семье — Саша, был на четыре года старше Владимира. Оба окончили гимназию с золотой медалью. Уже тогда Александр был серьезно увлечен необычными экспериментами в области зоологии: препарировал лягушек, изучал различных червей и насекомых, что у Владимира вызывало неприязнь и насмешки. Это, конечно, не главная причина непростых отношений между братьями. Особой дружбы между ними никогда не было. Александр однажды сказал: «Володя очень способный, но мы с ним разные». А младший брат полагал, что Саша «абсолютно не создан для революционного дела», поскольку увлечен наукой. Действительно, Александр, при его очевидных способностях, влюбленности в науку и трудолюбию, мог бы стать крупным ученым. Родители были уверены, что его будущее будет непременно связано с наукой.

В семидесятые годы девятнадцатого столетия сотни молодых людей, в основном из интеллигентской сре-

ды, двинулись «в народ», выступали против самодержавного строя и считали террор своим основным методом борьбы. Илья Николаевич старался, по возможности, уберечь своих детей от революционных взглядов и внушал им, что «в человечестве главное зло — невежество, и против этого зла есть только одно лекарство — наука».

Осенью 1883 года Александр поступил в Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Он был одним из лучших студентов университета, любимцем профессора химии Дмитрия Ивановича Менделеева, усиленно работал над магистерской диссертацией.

В это время в России появились две книги молодого социал-демократа Г.В. Плеханова «Наши разногласия» и «Социализм и политическая борьба», которые произвели громадное впечатление на студентов. Собираясь в группы, их читали, перечитывали, спорили. Но Александр к этим дискуссиям оставался равнодушным и относился к ним даже отрицательно. «Болтают много, а учатся мало, — размышлял Александр. — В революционные кружки не вступаю, потому что <...> смешно, более того, безнравственно профану в медицине лечить больных, еще более смешно и безнравственно лечить социальные беды, не понимая их причин. <...> Больно уж сложны социальные явления».

*Семья
Ульяновых*

так отзывался о своем товарище: «Он был редкий человек. Равно уважал и собственное достоинство, и достоинство других. Это была натура нравственно деликатная. Он избегал всяких резкостей, да и был к ним не способен. Никогда я не видел его беззаботно веселым, вечно он был задумчив и грустен. Он любил театр, понимал поэзию. Особенно любил музыку и, когда слушал ее, становился еще грустнее и задумчивее».

Товарищи внушали Александру, что его отказ участвовать в революционной борьбе, ожидая, когда соци-

альные вопросы будут решены «научно», является примирением с действительностью. В конце концов Александр и сам пришел к выводу, что научного обоснования социальной переделки общества придется ждать еще долго, и вступил в их кружок, тем более что не хотел, чтобы его заподозрили в трусости. Сестра Анна замечала, что с братом произошли большие перемены: «Он из спокойного юноши вдруг превратился в настоящего неврастеника, бегущего из угла в угол. Образцовый студент, до этого интересовавшийся

*Александр
Ульянов*

Справа:
Александр III

лишь наукой, он забросил учебу и стал готовить покушение на царя».

Тайная террористическая организация быстро разрасталась и в ноябре 1886 года насчитывала приблизительно 30 членов. Вербовкой новых членов занимался Шевырев. В качестве метальщиков бомб в организацию вступили студенты Андреюшкин, Осипанов и Генералов. Ближайшей целью ставилось убий-

ство царя Александра III. Специальные наблюдатели прослеживали маршруты передвижения царя по столице. В январе 1887 года заговорщики принялись за изготовление бомбы. Александр несколько недель изучал секреты получения взрывчатых веществ и в результате сумел изготовить динамит, да в таком количестве, что его хватило на подготовку трех бомб. Лукашевич мастерил

для них оболочки, которые имели вид солидных книг.

Готовясь к убийству царя, заговорщики постоянно думали о том, как донести до общественности цель их отчаянного замысла, что он есть лишь начало задуманного плана по преобразованию России в другую, справедливую страну. Они образовали свою фракцию и пытались выработать ее политическую программу. Наконец, незадолго до назначенного дня покушения, руководители организации собрались на квартире Александра, и здесь, как рассказывал Лукашевич, «после продолжительных дебатов, Ульянов взялся сформулировать наши положения и составить текст программы нашей фракции. Он вышел в другую комнату и довольно быстро справился со своей задачей. Затем прочитал нам написанное, мы все одобрили и решили напечатать эту программу». За ее основу была взята идея о том, что главной революционной силой является рабочий класс, а интеллигенции отводилась роль передового отряда, воспитателя и организатора рабочих. Предусматривалась национализация земли, фабрик, полная свобода совести, слова, печати, организаций. Когда эта отпечатанная программа попала в руки царя, он сделал такую пометку на полях: «Эта записка даже не умалишенного, а идЕота. Чистейшая комуННа».

Операция по покушению на царя была намечена на первое марта,

годовщину убийства Александра II. Совершенно неожиданно и по непонятным причинам, за две недели до назначенного срока Говорухин бежал за границу, оставив «отвлекающую» записку, в которой сообщил, что покончил жизнь самоубийством. (Впоследствии выяснилось, что деньги на поездку ему дал Александр, заложивший в ломбард свою золотую медаль!) Затем еще один революционер, Шевырев, также покинул «поле боя». Он был болен чахоткой в последней стадии, его нервы были крайне расшатаны, и, опасаясь, что с ним может произойти случайный срыв и он станет вино-

вником провала заговора, Шевырев решил уехать в Крым, несмотря на уговоры Александра.

Руководить операцией остались Лукашевич и Ульянов. Однако руководить им так и не пришлось. Операцию погубил бомбометатель Андреюшкин. Вопреки элементарным правилам конспирации, он отправил в Харьков письмо товарищу-студенту, в котором «эзоповским» языком сообщал, что намечается «большое дело». Письмо попало в руки жандар-

Мать — Мария Ульянова

мов и вызвало у них оправданные подозрения.

Первого марта Александр III должен был ехать на панихиду в Исаакиевский или Казанский собор. Начиная с 26 февраля, метальщики и наблюдатели дежурили на прилегающих улицах. Однако за ними уже тайно велась слежка, и они были схвачены на Невском проспекте еще до проезда царя. Всего арестовали 31 человека, в том числе Анну Улья-

нову, не имевшую к заговору прямого отношения.

Об аресте своих детей Марии Александровне рассказала ее племянница. Бросив все дела, мать спешно выехала в Петербург. Узнав о существовании дела, она пришла в ужас, понимая, что сыну грозит смертная казнь, и в отчаянии, надеясь на милость царя, подала ему прошение. «Горе и отчаяние матери дают мне смелость прибегнуть к Вашему Величеству, как единственной защите и помощи. Милости, Государь, прошу, пощады и милости для детей моих. <...> Слов нет, чтобы описать весь ужас моего положения. Я видела дочь, говорила с нею.<...> Директор департамента полиции объявил мне, что дочь моя не скомпрометирована, но для более полного следствия не может быть освобождена и отдана мне на поруки. О сыне я ничего не знаю. Мне отказали в свидании с ним и объяснили, что я должна считать его совершенно погибшим для себя. О, Государь! Если бы я хоть на один миг могла представить своего сына злодеем, у меня хватило бы мужества отречься от него, и благоговейное уважение к Вашему Величеству не позволило бы мне просить за него. Но все, что я знаю о сыне, не дает мне возможности представить его таким. Он был увлечен наукой до такой степени, что ради кабинетных занятий пренебрегал всякими развлечениями. В университете он был на лучшем счету. Золотая медаль открывала ему дорогу на про-

фессорскую кафедру, и нынешний учебный год он усиленно работал в зоологическом кабинете университета, подготавливая магистерскую диссертацию. Зная это, могу ли я представить сына моего злодеем? О, Государь! Я умоляю пощадить детей моих! Если у сына моего случайно отуманился рассудок, если в его душу закрались преступные замыслы, Государь, я исправлю его: я вновь воскрешу в душе его те лучшие человеческие чувства и побуждения, которыми он так недавно еще жил. Милости, Государь, прошу милости!»

ном, чтобы она убедилась, что это за личность, ее милейший сынок, и дать ей почитать показания сына, чтобы она видела, каких он убеждений».

По царскому указанию, вопреки существовавшим правилам, Марии Александровне, еще до окончания следствия, дали возможность повидаться с Александром в Петропавловской крепости. Анна так описывает эту печальную встречу: «Когда мать пришла к нему на первое свидание, он плакал и обнимал ее колени, просил простить его за причиненное ей горе. Он говорил, что у него есть

Мать умоляла Александра подать прошение о помиловании, но он наотрез отказался. Осужденных вывели на эшафот, и вскоре смертная казнь свершилась... Александру Ульянову был на тот момент 21 год...

Мария Александровна могла искренне заблуждаться. Она не знала, что арестованный 1-го марта Александр уже на первом допросе не скрывал своей принадлежности к фракции террористов, которая задумала убить царя. Все главные участники заговора, кроме Шевырева, также открыто признались в этом и объяснили, по каким причинам стали террористами. Александр III, прочтя прошение матери, написал следующую резолюцию: «Мне кажется желательным дать ей свидание с сы-

долг не только перед семьей, но и перед Отечеством, и всячески старался примирить мать с ожидавшей его участью. Он напомнил ей о том, что следующие за ним брат (Владимир) и сестра (Ольга) кончают в этом году учение с золотыми медалями и будут утешением ее».

Суд начался 15-го и закончился 19-го апреля. К делу были привлечены 15 человек. Все подсудимые имели защитников, кроме Александра, он от защитника отказался. Главным руководителем заговора был

признан Шевырев, остальные — сообщниками и пособниками. Все были присуждены к смертной казни через повешение, но восьми осужденным Александр III заменил казнь каторгой сроком от 10 до 20 лет, а Лукашевичу, подавшему царю прошение о помиловании, — на бессрочную каторгу. Суд был открытым, Мария Александровна на нем присутствовала. Она вспоминала: «Как хорошо говорил Саша. Но мне было так безумно тяжело его слушать, что я не могла досидеть до конца». Лукашевич, избежавший виселицы, писал впоследствии: «Когда я увиделся в первом заседании суда с Ульяновым, он, пожимая мне руку, сказал: если вам что-нибудь будет нужно, говорите на меня. Я прочел в его глазах бесповоротную решимость умереть». Мария Александровна на последнем свидании с сыном пыталась убедить его подать прошение о помиловании, но Александр отказался: «Не могу сделать этого после всего того, что признал на суде. Ведь это будет неискренно». Прокурор Князев, присутствовавший при этом свидании, описал эту трагическую встречу много лет спустя: «Не померкла в глазах моих тяжелая картина этого свидания подавленной несчастьем любящей матери и приговоренного к смерти сына, своим мужеством и трогательной нежностью старавшегося успокоить мать. Она умоляла его подать прошение о помиловании, выражая надежду и почти уверенность, что такая прось-

ба будет уважена, а Ульянов привел, помнится, в ответ такой довод: «Представь себе, мама, двое стоят друг против друга на поединке. Один уже выстрелил в своего противника, а другой — нет, и тот, кто уже выстрелил, обращается к противнику с просьбой не пользоваться оружием. Нет, я не могу так поступить».

После приговора осужденные к смертной казни из Петропавловской крепости были переведены в Шлиссельбургскую тюрьму. 8 мая в половине четвертого утра им сообщили о предстоящем исполнении приговора. Перед рассветом к воздвигнутым накануне во дворе тюрьмы виселицам вывели Генералова, Андреюшкина и Осипанова. Они простились друг с другом, поцеловали крест у присутствовавшего при казни священника и взошли на эшафот...

Затем из камер вывели Ульянова и Шевырева. Ульянов приложился к кресту, а Шевырев оттолкнул священника. Все было кончено. Александру Ульянову был 21 год.

Смерть Александра потрясла семью Ульяновых. Владимир, как мог, успокаивал мать. Возможно, именно в эти трагические дни он принял решение продолжить дело брата и произнес знаменитую фразу: «Мы пойдем другим путем!» Впрочем, сестра Анна вспоминала, что Владимир выразился несколько по-другому, а именно: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти». Трудно предположить, что в свои

Покушение на Алек- сандра III

семнадцать лет Владимир уже знал этот «другой путь». Тем не менее, через несколько лет он стал профессиональным революционером, сумел, что называется, «под корень», покончить с самодержавием.

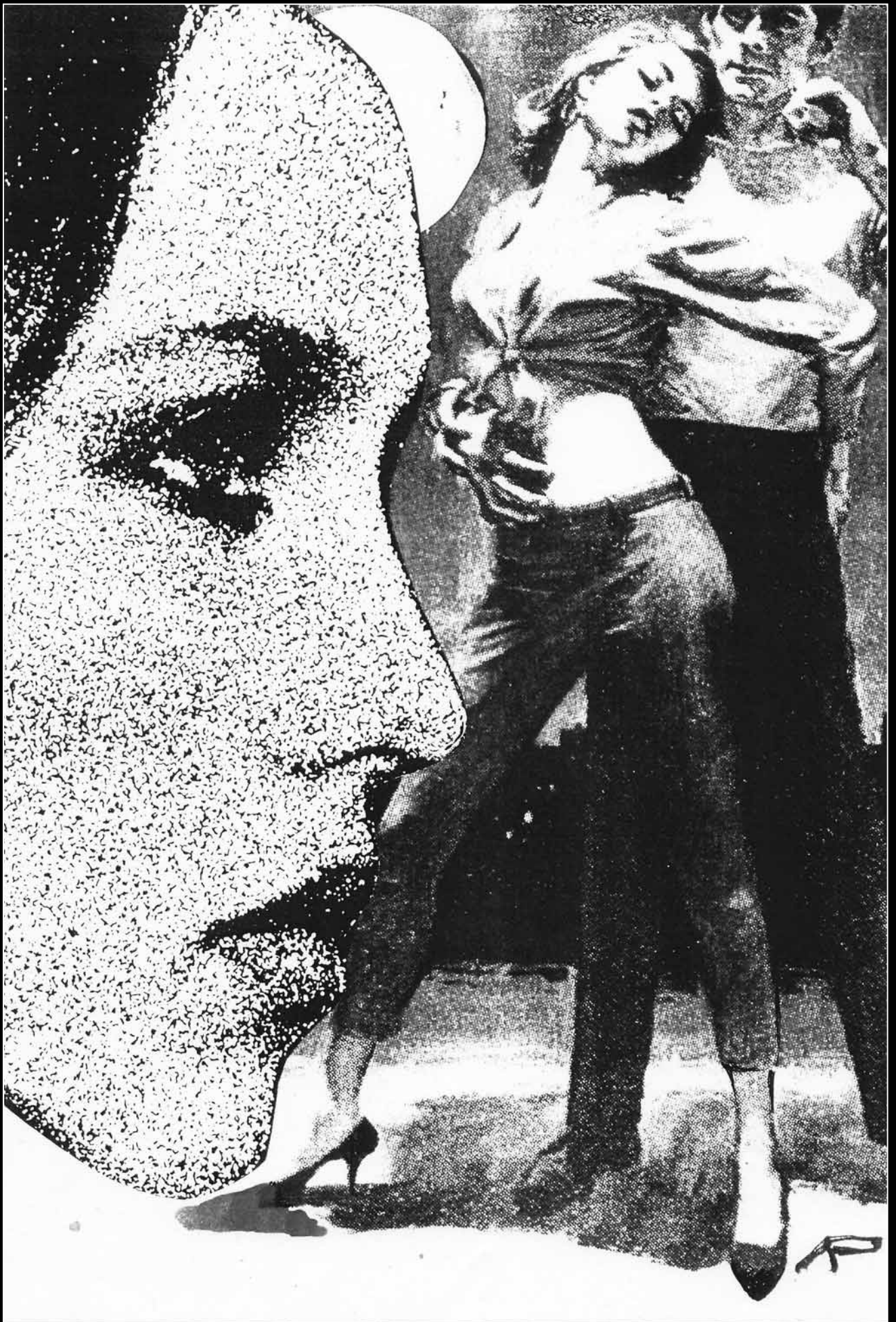
После его смерти товарищи по партии продолжили начертанный им путь. На этом пути было немало достижений: индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства, победа в Великой Отечественной войне, быстрое послевоенное восстановление.

Но было и другое: то есть, тот же террор. Как писал Ленин: «Война не на жизнь, а на смерть богатым и прихлебателям, буржуазным интеллигентам... с ними надо расправляться при малейшем нарушении. В одном месте посадят в тюрьму. В другом — поставят чистить сортиры. В третьем — снабдят, по отбытии

карцера, «желтым билетом». В четвертом — расстреляют на месте. Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт...» Вот и последовало это «разнообразие»: уничтожение духовенства, «философские корабли», на которых отправляли в вынужденную эмиграцию выдающихся деятелей отечественной философии, науки и культуры, преследование инакомыслящих, раскулачивание, тюрьмы и расстрелы ни в чем не повинных людей, культ личности, расстрелы «врагов народа» без суда и следствия, репрессии, переселение целых народов...

В конце этого пути, длиною в 70 лет, бессменные обитатели Кремля окончательно заблудились. Пришедшие им на смену новые лидеры пытались исправить положение путем «перестройки», но, увы, не получилось.

Теперь опять ищем другой путь. □

ВСЕ РАДИ ТЕБЯ — «ВИКА»!

В маленькой деревушке, что под Калугой, Таню и Диму все знали как жениха и невесту.

Дома их стояли рядом, дружили они, как говорится, с пеленок.

— Тили-тили тесто, вон идет невеста! — кричали вслед школьнице Тане сопливые, босоногие мальчишки.

— Димка-жених, куда с утра пораньше собрался, где Таньку свою забыл? — Ехидные соседки, коротавшие дни у сельмага, давно все про них решили.

— Идет парочка, гусь да гагарочка! — беззлобно хихикал столетний дед, сидящий на завалинке.

Таня и Дима не обижались, вежливо здоровались с односельчанами, взявшись за руки, шли на озеро купаться или, подальше от людской молвы, в лес целоваться.

Окончив местную школу, оба подались в город, мечтали на врачей выучиться. Только вот Танюше не повезло, химию завалила, а Дима поступил.

Она плакала и чемоданчик паковала.

— Я один здесь без тебя не останусь, вместе домой поедем, — сказал Дима.

Окончание. Начало в №10, 2017 г.

Но тут подвернулся счастливый случай. Тех, кто срезался или баллов не добрал, без всяких вступительных экзаменов зачисляли в медучилище.

Студенческие годы пронеслись быстро и весело. Правда, Танюша всего два года проучилась, медсестрам больше и не нужно, а Дима долгих семь лет над учебниками по ночам корпел. Зато когда красный диплом получал, сам ректор института ему руку пожал. Так при всех и сказал: « Вы, Алексеев, хирург от Бога! У вас большое будущее!»

Дали им комнату в коммунальной квартире. Дима стал работать в областной больнице: людей шить-латать, да от безносой старухи с косой спасать. Таня мечтала на операциях ему ассистировать, да только не всех к такому важному делу допускали, квалификация специальная требовалась.

Как-то проснулась она утром, завтрак стала Диме готовить, и вдруг лучик солнца ей прямо в глаза со всей силой ударил. Таня от неожиданности любимую чашку мужа уронила и на мелкие кусочки расколотила. Тогда еще подумала, на счастье, наверное!

А через неделю Диму в военкомат вызвали. В институте военная кафедра была, летом будущие доктора на военных сборах месяц проводили, поэтому армия никаких особых претензий к молодым специалистам не имела. Но в военкомате как талантливому хирургу Алексееву уважительно предложили выгодную работу по контракту.

С лета 1994 года в Чечне шли активные боевые действия между верными Дудаеву правительственными войсками и силами оппозиционного Временного совета. Диме, как старшему лейтенанту запаса, замечательно подходила должность ведущего хирурга полевого госпиталя в пригороде мятежной столицы. Федеральные войска и оппозиционеры по-прежнему безуспешно штурмовали Грозный. Бравые военные перспективы обрисовали самые радужные: срочное повышение в звании, всевозможная поддержка на гражданской службе, и, конечно же, немаловажный материальный фактор.

— Танюша, все будет хорошо! Вот отпашу свое, денег заработаю, через пять месяцев вернусь! Квартиру купим, ты в институт поступишь, наследника родим, заживем как короли!

Дима был преисполнен энтузиазма, а Тане все это не нравилось, ох, как не нравилось.

Она паковала мужу чемоданы и изо всех сил старалась не плакать. Ведь и она могла бы тоже поехать, на операциях помогать или еще чего делать, на войне медсестрам всегда работа найдется. Но муж был категорически против. Она настаивала, доказывала, сердилась, даже обижалась.

— Думаешь, я не справлюсь?

— Ты — самая великая медсестра в мире, гений перевязки и инъекций, ты — талант! А я лишь жалкий костоправ... — примирительно обнимал жену Дима.

— Нет, скажи правду, почему ты меня с собой брать не хочешь?

— Потому что там война, полевой госпиталь, опасно. И еще потому, что я тебя очень люблю!

— Зачем ты подписался на этот контракт! Не нужно мне никакой квартиры, откажись! — чуть не плакала Таня.

Но отступить и отказываться было поздно. Все документы подписаны, билеты и подорожные военкомат выдал, отъезд уже завтра.

Дима уехал рано утром. Попросил, чтобы Таня на вокзал не ходила, там погрузка оборудования, шум, вопли, нервы и прочее. Она стояла у открытого окна и смотрела вслед высокому, статному мужчине, своему уходящему счастью, любви и смыслу жизни.

Письма сначала приходили часто, иногда муж звонил. Глуховатая Степановна, соседка по коммунальной квартире, любила лично отвечать на телефонные звонки.

— Алле, алле, кто говорит, слушаю? Димочка, ты? Когда вернешься? Алле, не слышу!

Таня неслась по коридору, сшибая и сметая все на своем пути.

Последний раз муж позвонил перед самым Новым Годом.

— Димочка, у тебя ведь уже контракт закончился! Когда домой приедешь?— кричала Таня, пытаясь заглушить хриплые телефонные помехи.

— Скоро, Танюша, скоро! Я очень тебя люблю! — Голос у него был какой-то посеревший, постаревший.

Больше ни писем, ни звонков от мужа не было.

Таня кинулась в военкомат, на все ее вопросы, где находится хирург Алексеев, ей упорно отвечали одно: «Это не наше ведомство. Врачами занимается Минздрав!»

— Он военный врач! У вас он подписывал контракт на командировку в Чечню!

Военком и прочие товарищи в погонах от нее шарахались, спешили по своим делам, заниматься решением проблемы о пропавшем докторе явно никто не собирался. Таня упрямо сидела у кабинетов, как на боевом посту или в засаде, хватала за руки проходящих мимо начальников, требовала точного и ясного ответа, но сил переломить бюрократический аппарат и ход государственной машины ей явно не хватало.

— Опять вы здесь?— осторожно открыв дверь, опасливо выглянул из кабинета рано польсевший капитан и при этом болезненно скривился.

— А я никуда не уходила и не уйду, пока вы мне не ответите, что случилось с моим мужем! — отчаянно выкрикнула Таня, и головы всех сидящих в коридоре дружно повернулись в их сторону.

— Да не орите вы!

— Буду орать! А вы будете его искать! Не может такого быть, чтобы человек вот так бесследно исчез!

— Почему же, с молодыми мужчинами часто такое случается. Познакомился, увлекся, новая семья, новая жизнь, — скабрёзно оскалился капитан.

— Я вас сейчас ударю! — дрожащим голосом выпалила Таня, и офицер предусмотрительно сделал шаг в сторону, на безопасное расстояние. — Если на мои запросы не отвечают, министерство ваше молчит, я сама в Чечню поеду и буду его искать! Я уже и отпуск оформила!

Она развернулась и побежала по коридору. Все было именно так, и взятый за свой счет бессрочный отпуск, и крупная сумма денег, полученная после продажи почти всего имущества, даже билеты на поезд удалось достать!

Поздним вечером Таня возвращалась домой, было последнее перед отпуском дежурство. Девчонки из отделения накрыли стол с нехитрым перестроечным угощением, выпили по пять граммов спирта и пожелали ей удачи. Вернуться домой не одной, а с мужем! Пусть хоть какой будет, главное, чтобы живой! Она шла медленно, думая о том, как завтра сядет на поезд, что будет делать, когда на месте окажется, к кому пойдет, с кем разговаривать придется. Для себя решила, если за выкуп пленного огромные деньги потребуют, свою почку продаст. Вдруг из-за угла вынырнула какая-то машина с погашенными фарами, медленно проехала почти рядом с ней и неожиданно крепко стукнула ее в бок. Таня упала, ударилась головой о дорожный бордюр и потеряла сознание...

Женщины сидели рядом на диване и молчали.

— Она не умерла? — спросила Ольга.

— Таня — да, а я родилась... — безучастно глядя в потолок, ответила Ванда.

— Значит, после этого ты такой стала?

Сильное сотрясение головного мозга, обширная гематома в височной области, две клинические смерти и состояние комы. Умные машины поддерживали ее сердце и прочие органы, пока она гуляла по далеким астральным просторам приграничной территории жизни и смерти. А ког-

да вернулась, вернее, пришла в себя через семь с половиной месяцев, мир вокруг себя не узнала. Все началось сразу же, как только она открыла глаза.

В палату вошел лечащий врач, и Таня от ужаса чуть не закричала. Перед ней стоял человеческий скелет, а внутри у него плавали вишневые косточки. (Потом оказалось, что в отделении нейротравмы на обед фруктовый компот давали.) Картинки с незнакомыми людьми и непонятными событиями все время мелькали перед глазами и со свистом проносились в голове, отдохнуть или расслабиться не было никакой возможности. Как-то она увидела большое коричневое пятно запекшейся крови у себя внутри, на виске. Стала поглаживать рукой и прогонять невидимую кляксу, и она постепенно рассосалась, растаяла. Но самое мучение началось, когда ее перевели в общую палату. Не желая того, Таня сразу же увидела, кто жилец на этом свете, а кому скоро «уходить». Над головой у молоденькой девушки мерцающий ободок света совсем померк, под темечком зловредно расположилась маленькая сероватая тень-пятнышко. Барышня все веселилась и радовалась, голова болит, но не сильно, зато сессию ей перенесли на осень, будет время хорошенько подготовиться.

— Тебе бы к онкологу надо, — посоветовала ей Таня.

— Зачем вы не в свое дело лезете, гадости такие говорите! — рассердилась девчонка и послала ее к черту.

Выписавшись из больницы, Таня отправилась домой, но выяснилось, что напрасно. Пока она там лежала, их коммуналку какой-то бизнесмен под офис купил. Соседей расселили, вещи ее неизвестно куда пропали. Пришлось ехать к родителям в деревню.

Мама и папа, конечно, обрадовались — еще одни рабочие руки в семье были очень кстати. Брат Толя сильно выпивал — совсем не помощник, жена его Райка опять беременная, племянник Алик совсем мал.

— Толик, бросай пить, хуже будет, — пыталась предостеречь брата Таня, а он, естественно, на ее слова не обращал никакого внимания.

Однажды Толик полез в погреб за холодненькой бражкой, да спьяну сильно навернулся, ногу сломал.

— Ведьма, ведьма проклятая накаркала! Погубила моего соколика! — на всю деревню голосила Райка.

Бабы ее жалели, понимали, у многих на Таньку зуб имелся. Кому-то она сказала походя: «Печь посмотри!» А потом пожар случился! Участковый пропавшую со двора у бабы Клары бочку огурцов соленых искал, а она возьми да скажи, сосед Витька, мол, взял. Надо же было чем-то мужикам закусывать, а ему теперь по закону за воровство срок тюремный полагается. Кто ж ее за язык тянул!

В окошко к Тане нетерпеливо забарабанил маленький кулачок племянника Алика:

— Тетя Таня, прячьтесь! Там мамка с бабами сговаривается, чтоб темную вам устроить!

Она не стала дожидаться, когда односельчане ее на вилы посадят или на костер поволокут. Собрать ей было особо нечего, так и ушла из родного дома, налегке.

Вернувшись в город, Таня бесцельно шла по так хорошо знакомой улице, только теперь все было по-другому, идти некуда, и никто ее не ждет. При села передохнуть на лавочку у первого попавшегося подъезда. По двору бегала женщина в тапках и домашнем халате и истоиво вопила: «Кис-кис-кис! Жозеточка, золотко мое, кис-кис-кис...»

Таня, сама не желая того, устало прикрыла глаза. И сразу же увидела, как надрывно мяукает полосатая бестия, вцепившись всеми четырьмя лапами в толстый ствол дерева.

— Вы кошку полосатую ищите? Я видела, она в соседнем дворе, с дерева слезть не может.

— Ой, пожалуйста, покажите, где? — запричитала женщина.

При помощи дворовых мальчишек, бесстрашно влезших на высоченную липу, мохнатая беглянка была спасена. Счастливая хозяйка не знала, как Таню и отблагодарить.

— Вы в этом доме живете? Заходите как-нибудь в гости!

— Я, вообще-то, нигде не живу, нет у меня дома, — Таня собралась уходить.

— Беженка из Чечни, с Кавказа? — переспросила сердобольная хозяйка кошки. — Ой, а я знаю, как вам помочь! У нас дворник, дед Яков, такой старик замечательный, правда, болеет сейчас, и ему помощник требуется.

В подвале пятиэтажного дома находилась дворницкая. Маленькое, душное помещение было уставлено метлами, лопатами и прочей утварью для поддержания уличной чистоты. На узком скрипучем диване лежал старик и надрывно кашлял. Лицо у него было темное, изрезанное глубокими морщинами, густые седые волосы спутаны, влажными от пота клочками прилипли ко лбу. Таня вошла, несмело поздоровалась:

— Мне сказали, вы болеете, и вам помощь нужна...

Дед приоткрыл мутные глаза, махнул рукой и зашелся в лающем кашле. Она села рядом, положила ему руку на грудь. Ее сразу обдало горячим жаром зашкаливающей за все допустимые нормы температуры.

— Давайте я вас посмотрю, я — медик по образованию.

Видимо, от ее руки шло какое-то спасительное тепло, дающее облегчение, старик задышал свободнее, даже присесть смог. Хитровато прищурился и внимательно посмотрел на нее:

— Медичка?

Таня утвердительно кивнула.

— А скажи-ка мне, чего вот тут ноет? Посмотри!

Она послушно провела рукой по его плечу — там явственно виделся пробитый железной пулей старый раневой канал, ниже спины, у поясницы еще один.

— Вы, дедушка, наверное, воевали, старые раны болят.

— То-то я вижу, погода меняется! Значит, медичка... Знавал я таких, как ты... Ох, тяжело вам живется!

...Жизнь у Якова с самого детства не задалась. Отца, как врага народа, еще в 37-м расстреляли, а их с матерью на Соловки отправили. Там он и вырос, семилетку окончил, потом, как вольный поселенец, вместе с заключенными на лесоповале работал. Другого выбора или дороги у юноши не было. Какая уж учеба, когда выезд дальше области и то запрещен. Хотя и там люди жили! Политические, что на поселении жить оставались, книжки интересные читать давали, уму-разуму учили. Потом началась война. Якову как раз восемнадцать исполнилось, он пошел в военкомат, потребовал, чтобы записали добровольцем. Определили его в штрафной батальон. Воевал он честно, без страха шел на минные поля, куда первыми в атаку штрафников посылали. Терять-то ему кроме своих цепей было нечего! Дважды был ранен, к награде представлен, в мотострелковый батальон за свои геройства переведен. После войны с него все «железные гири» за «вину» отца сняли и в Москву разрешили уехать. Но потянуло домой, на Белое море, на ставший таким родным Соловецкий архипелаг. Там он и встретил Ванду. Полька по матери, ссыльная по отцу, она в их деревеньке после войны обосновалась. Травы собирала, настои готовила, людей ими потчевала и лечила. Яков ее как увидел, сразу влюбился. А она ему честно сказала: «Трудно тебе со мной будет, я не такая, как все». Метель, буран она за несколько дней до этого предчувствовала, людские хворобы насквозь видела, обмануть ее было невозможно, все наперед знала.

Погибла она глупо. Пошла в соседний поселок, роды принимать, а на обратном пути решила дорогу срезать, по речке замерзшей пройти. Лед у берега и подломился, видимо, по весне подтаивать начал, и она утонула. Вся деревня горевала. Любили люди Ванду, уважали. Только Яков на похоронах не плакал, верил, не могла жена о такой своей кончине не знать,

видно, так ей свыше предначертано было. Уехал он далеко, как говорится, куда глаза глядят, чтобы о прошлом забыть и не вспоминать...

— Так что не пугайся, девонька, никто не знает, дар твой — проклятие или же, наоборот, подарок драгоценный. Привыкай с ним жить, — хрипло прошептал дед Яков.

Таня подметала во дворе осенние листья, когда выпал снег, широкой лопатой накидывала аккуратные сугробы. Посыпала желтеньким песочком скользкие дорожки, а когда пришла весна, железным ломиком безжалостно колола прозрачную, хрустальную мерзлоту. Дед Яков таял на глазах. Как-то ночью разбудил Татьяну, подозвал к себе:

— Зажился я на свете, уходить мне пора!

— Да что вы дедушка Яша, мы с вами летом еще по грибы пойдем, — успокаивала его Таня.

— Нет, не увижу я лета, — упрямо качал кудлатой головой старик. — Умирать не страшно, но уж больно противно. Помоги мне, дочка! А то, заждалась меня там Вандочка!

Таня ушам своим не поверила, когда услышала, чего от нее безумный старик требовал.

— Ты только не бойся, положи мне ладонь свою на сердце и скажи, чтобы не билось. Ты сможешь, я знаю! Ванда так однажды лося подстреленного от мук смертных избавила...

Под нательным крестиком на впалой груди слабо трепыхался моторчик жизни, сердце. Таня сжала зубы, проглотила слезы, крепко обняла старика. Мысленно сгребла в кулак затухающий костерок жизни и с силой стиснула его, раздавила, задушила...

«Скорая» констатировала смерть пациента в 3.30 ночи. Докторша посоветовала, куда обратиться, чтобы официально и по всем правилам оформить покойника.

А Таня впервые за долгое время смогла заплакать.

Ночью ей приснился сон. На берегу спокойной величественной реки стоял молодой дед Яков, Он бережно поддерживал под локоток симпатичную белокурую женщину. Увидев Таню, кивнул ей и ласково обратился к своей спутнице:

— Смотри, какую я нам дочку вырастил, в честь тебя назвал — Вандой!

— Хорошая девочка! — согласилась женщина и улыбнулась, сверкнув ямочками на щеках.

Так она стала Вандой!

Письмо домой Татьяна уже давно отправила, написала, что живет хорошо, работает. Ответа не было. Как-то поздним вечером к ней в дверь

дворницкой тихонечко поскреблись. На пороге стоял ободранный и мокрый племянник Алик.

— Тетя Таня, не прогоняйте меня! Можно я у вас поживу? Папка, как напьется, по двору с топором за всеми гоняется. Мамка орет все время, за волосы таскает, а бабушка один раз меня в подпол от них спрятала, да там и забыла. Я сам лазейку наверх прокопал, — рассказывал про свое невеселое житье-бытье Алик.

Ну, куда было девать несчастного! Ванда написала родителям, что племянник у нее, волноваться за ребенка не надо, но опять никто не ответил.

Как-то, подметая с утра дорожки у подъездов, она увидела, как здоровенный парень в ярко-малиновом пиджаке носится, словно ошпаренный, и кроет цветистым матом все население планеты, галактики и других еще не открытых миров.

— Козлы, скоты, гады поганые! Найду, убью, урою!

Оказалось, владелец иномарки, выйдя утром из дома, не обнаружил на стоянке своего драгоценного стального жеребца. Он подбежал к Ванде, грубо схватился за метлу:

— Слышь, ты, убогая, никого здесь не видела?

Пока Ванда пыталась высвободить из кургузой лапы свое орудие труда, информация пришла незамедлительно, и она, даже не успев подумать, резко выпалила:

— Джип твой угнали сегодня утром в 6.00. Пьяные подростки решили покататься, но уже об этом пожалели. Врезались в ларек, теперь один в больнице, второй в бегах. Иди в милицию, они хозяина машины ищут.

Лицо парня стало белым, потом бурым, и он тихо прошептал:

— За базар отвечаешь?

Ванда широко взмахнула метлой, обдав грубияна облаком пыли, и ничего не ответила.

Хозяин бордового пиджака на следующий день заявился к ней в каморку. Выложил на стол несколько стодолларовых купюр и извиняющимся тоном прокомментировал:

— Это, типа, в благодарность, тачку мою нашли! А ты это... типа, экстрасенс, что ли? Я тут к одной такой ходил, но она всякое фуфло несет и дерет втридорога.

Он достал из кармана несколько фотографий и разложил их на столе: — Во, глянь, че за кадры?

Ванде самой стало любопытно, она принялась внимательно изучать снимки. «Кадры» были как на подбор: вот этот мордатый — явно ворюга, каких мало, парень в очках то ли сидел, то ли скоро в тюрьму сядет, наверняка

допингами какими-то балуется, красотка в бикини вид имела довольный и радостный, но на самом деле была тесно связана с очкариком.

— Ну, че скажешь?

— Я так понимаю, этот толстый — твой партнер по бизнесу, не верь ему, обманет. Девушка — жена, нет, скорее подруга. Она принимает наркотики, а берет их у твоего друга. По-моему у них роман. Но ему сейчас не до любви, он заперт. Но я могу и ошибаться!

Визитер ушел, сраженный наповал полученной информацией. Партнера он действительно недавно поймал за руку и чуть не грохнул. «Телка» тоже его подставила, закрутила роман с близким дружбаном и подсела на «кокс». А того менты загребли, сейчас он в изоляторе под следствием «отдыхает»...

Дальше события развивались совсем просто и банально. Вскоре парень в бордовом пиджаке привел своего друга, тот, в свою очередь, подругу, подруга — маму, мама — тетю, тетя — дядю, и пошло-поехало.

Через какое-то время Ванда уже смогла официально приватизировать подвальчик. Расширила и облагородила помещение, оформила документы на частную трудовую деятельность. И самое главное, смирилась с собой сегодняшней. Как сказал покойный дед Яков, никто не знает, дар ли это или проклятие, но с ним все равно придется жить.

Ольга не дыша, слушала прикорнувшую рядом с ней на диване женщину.

— А муж, Дима твой, так и не нашелся? С такими способностями ты ведь могла все про него узнать!

Ванда вздохнула. Как было объяснить, что, сколько бы она ни старалась вызвать в памяти образ пропавшего мужа, ничего не получалось. Всякий раз натыкалась на глухую, темную стену, словно ее настойчиво предупреждали: «Не надо, не трогай! Прошлого для тебя нет, есть только настоящее!»

Она откинулась на подушки и, закрыв глаза, тихо произнесла:

— Я устала. Иди домой. О мести сестре забудь, на мою помощь не рассчитывай. Но убийцу найти помогу, по крайней мере, не у меня, так у тебя получится. Надо нам в том месте побывать, где это произошло...

Ольга с готовностью закивала и тихонько, чтобы не тревожить покой госпожи Ванды, выскользнула за дверь. В приемной ее караулил Алик, широко раскрыв глаза и запинаясь от смущения, он быстро затараторил:

— Извините, что с этим напитком так получилось! Я хотел, чтобы вы навсегда такой, как сейчас, остались!

Ольга плотнее прикрыла за собой дверь в комнату Ванды:

— Ты, кажется, мне помощь предлагал?

Алик бежал за ней к выходу, как послушная комнатная собачка:
— Я для вас, что хотите, сделаю! Клянусь демонами!

На первую прогулку с сыном Наташа собиралась, как на парад. Коляска оснащена всеми самыми современными средствами: мягкие рессоры, откидной верх, кружевной балдахин и звенящие при движении погремушки. Сам Костик наряжен во все лучшее, накормлен, умыт и напудрен детской присыпкой. Кузьма ехать ей одной не разрешил, долго ворчал:

— Я еще погляжу, с какими такими друзьями ты гулять собралась.

По дорожке центрального парка ей навстречу, широко раскинув руки, бежала солнечная Яна. Молодые мамы с визгом обнялись, расцеловались, закружились.

— Почему так долго не звонила?

— Да закрутилась, то да се! Как Костик?

— Ест за двоих!

— А моя Викуся не по дням, а по минутам растет!

Кузьма выразительно кашлянул.

— Ой, здрасте, а я вас знаю! — радостно воскликнула Яна. — Но из окна палаты, сверху, вы казались не таким огромным!

Толкая слегка припадающую на одно колесо коляску, к ним подошел парень, точная копия Яны, только ростом чуть выше и над верхней губой у него торчали неровными клочками рыженькие усики. На шее у парня болтались две «доисторические» фотокамеры.

— Не обращайтесь внимания, любезный сэръ! Привычкой подумать, перед тем как сказать, май систер никогда не страдала! — проговорил он.

— Забыла представить — Юрка, брат!

Кузьма рассмеялся, передал Наташе на руки малыша и со спокойной душой уехал.

Во время прогулки по парку Юрка зачарованно смотрел на новую подружку сестры.

— Вы на царевну-лебедь Врубеля похожи.

— Не надо меня так называть, — сразу помрачнела Наташа.

— Почему? Идеальный женский образ!

— Сказано тебе, не надо, значит, не надо, — крепко пихнула брата в бок Яна и весело добавила: — Так, программа у нас насыщенная! Двигаемся по самой длинной алее в сторону пруда, там кормим гусей-лебедей, потом дружно закусываем мороженым.

— А я все хроникально протоколирую. — Юрка уже снял одну из своих камер и привел в боевую готовность.

Ольга поставила машину так, чтоб было удобно наблюдать за прогуливающейся компанией. Сестрица и ее кудлатая подружка выгуливали своих «спиногрызов», безостановочно кудахтали и залиvisto смеялись. Вокруг них носился конопатый уродец и щелкал камерой.

— Не работают твои заклинания! Вон как хохочет, гадина! — процедила она, повернувшись к Алику.

Тот втянул голову в плечи, обиженно засопел и зашуршал листами своих магических конспектов.

— Тетя Оля, получится, клянусь, все получится! У меня последователи, ученики появились, мы вместе такое придумали! Ждите хороших новостей! Демоны с нами!

Наташа и Яна крошили булку и бросали кусочки уткам. Прожорливые птицы жизнерадостно пихали друг друга, довольно махали крыльями и трясли треугольными хвостиками.

— Смотри, как толпятся! Кушать всем хочется, — задумчиво проговорила Яна.

Юрка, крутившийся рядом, не отлепляя глаз от объектива, прокричал:

— Обалденный ракурс! А давайте я с вами фотосессию сделаю, выставку организуем. Называться будет «Городские мадонны»!

— Художник, что поделаешь, — философски пожала плечами Яна.

Недалеко от них два подростка с аппетитом уплетали мороженое. Толстый мальчик в черной футболке, украшенной аппликацией из скелетов, свое эскимо быстренько проглотил и хищно покосился на еще почти целый шоколадный батончик своего товарища. Мелкий, субтильный очкарик в кепке с фонариком и безразмерном комбинезоне, карманы которого распирали всевозможные железяки, щедро протянул другу недоеденное мороженое. К ним подошел третий, широкий черный плащ, как тряпка на ветру, колыхался на худой фигуре подростка, лицо почти полностью закрывал капюшон.

— Какая колоритная компания! Пойду, поснимаю, — почуяв «живой» кадр, профессионально встрепенулся Юрка.

Больше всего на свете Алик хотел стать великим и всемогущим колдуном! Страшным и ужасным, чтобы все недруги от одного его взгляда или взмаха руки падали ниц и соплями захлебывались. Окружающий мир к мальчишке с рождения был немилосерден и он отвечал ему взаимной ненавистью. Родители дружно гнали самогон, что не продавали, то сами и выпивали. Когда уставали колотить друг друга, для разнообразия переключались на сына. Дед с бабкой, круглосуточно уткнувшись носом в зем-

лю, рылись на огороде. Вместо игрушек у малыша Алика были грабли, мотыга и тяпка.

Когда он сбежал в город, к тетке, жизнь вроде наладилась. Голодным не ходил, одежду ему тетка новую купила. Но началась другая напасть, под названием «школа и одноклассники».

В школу Алик ходил в широком черном плаще с капюшоном, сам кроил и сам шил, чем очень гордился. К чудачествам его в классе привыкли, считали придурком, но не трогали. А директриса, Инесса Ивановна, вообще в постоянных клиентках у тети Ванды числилась. Вскоре у него и друзья появились, правда, такие же, как он, изгой и аутсайдеры.

Очкарик Кирилл из параллельного класса, хоть и был изобретателем и отличником по всем предметам, на физкультуре в шеренге по росту стоял самым последним. Ни подтянуться, ни отжаться категорически не мог. Толстяк Максим был туп и неповоротлив, на все каверзные насмешки соучеников лишь невнятно мычал и все время что-то жевал. Алик провел магический обряд посвящения, наделил их новыми именами и пообещал, что вместе они разделяются со всеми обидчиками.

— Привет Алик!— радостно воскликнул мелкий Кирилл. — Хорошо, что ты пришел, а то толстый уже три мороженки стрескал, я боялся, что сейчас за меня возьмется!

Толстяк, прикрыв глаза, вдохновенно облизывал уже пустую палочку от мороженого.

— Сейчас как дам, больно будет! Я — «Молот ведьм», — невнятно пробурчал он.

— А ты чего в школе не был? После того случая вообще ходить не станешь? — все не унимался болтливый очкарик.

Алик надвинул капюшон глубже на лицо, обширный синяк под глазом каждый день изысканно менял цвет. Сегодня он стал нежного, сине-зеленого оттенка. Несколько дней назад нелегкая занесла его в туалет в то время, когда там курили старшеклассники. Здоровые недоросли прицепились к его черному плащу и принялись наперебой упражняться в остроумии. Алик огрызнулся и пригрозил им порчей. Это их только развеселило, ему предложили применить свои магические силы и превратить воду из сливного бачка в пиво. Отказ сморящим коллективом был не принят. Алика, для порядка и профилактики несколько раз макнули головой в унитаз.

— Ну и правильно! Сегодня наши одноклассники-придурки меня и толстого в подсобке уборщицы заперли. Три урока там просидели, — пожаловался Кирилл.

— Ничего, они следующие. — Алик встрепенулся и прошептал:

— «Темный Алхимик», ты приготовил огненный эликсир, о котором я тебя просил?

«Темный Алхимик» выпрямился во весь свой рост, метр с кепкой, и гордо приосанился:

— Да, черный маг Альберт, я выполнил твое поручение!!!

— Хвалю тебя, мой верный ученик!

Алик оглянулся — чернобровая женщина была неподалеку, качала коляску, откидывая длинные пряди волос со лба, и весело смеялась.

— Надо сначала где-нибудь испытание провести, — несмотря на одобрения наставника, заспорил «Темный Алхимик».

— Мы должны спешить! — решительно проговорил Алик. — На мне лежит великая миссия мести, я дал слово.

На следующий день пошли «на дело». Алик всю ночь готовился, мастерил черные хламиды для своих соратников, усердно зубрил заклинания, приготовил, на всякий случай, несколько шпаргалок с пентаграммами. Все было готово к обряду!

Они долго кружили у подъезда указанного дома. Вход охранялся очень надежно.

— Прямо как бункер, — проворчал Очкарик.

Дамочка в розовой шляпке грациозно переступая каблучками-гвоздиками, подошла к подъезду, ведя на поводке двух черных доберманов.

Зверюги скалили зубастые пасти и недобро косились в сторону ребят.

— Домой, мальчики, домой! Mamочка вас вкусно покормит! Потом ненадолго уйдет, не скучайте!

Дама открыла дверь магнитным ключом и вместе со своими монстрами нырнула в подъезд. Алик выждал момент, когда до плавного закрытия двери остались считанные секунды, соскочил со скамейки и просунул ботинок в узкую щель.

— За мной!

Нужная квартира находилась на самом последнем этаже, поднимались пешком.

— А че мы на лифте не поехали?— натужено кряхтел Толстый, прижимая к животу трехлитровую банку с мутной желтоватой жидкостью.

— Конспирация! «Темный алхимик», доставай свое зелье! — возбужденно выкрикнул Алик.

«Алхимик» тоже нервничал, все крутил в руках полы длинной, черной хламиды. Одевание ему было сильно велико, волочилося по полу и мешало шагать.

— Эх, надо было сначала испытания провести! Лей, толстый!

Единственный, кто находился в благоденственном покое, был толстяк, его, как обычно, ничего не волновало. Он широко размахнулся и щедро плеснул содержимое банки на дверь. Алик встал в позу и взметнул вверх руки. Сделал размашистые, замысловатые пассы и сдавленным, зловещим голосом торжественно произнес:

— Моргадун, Моргадун, вынарис зенад! Выленгор, Выленгор, зенад!

Мальчишки стояли молча, затаив дыхание, наблюдали за действиями своего «многомудрого» друга. Алик все размахивал руками и произносил совершенно невообразимую абракадабру. Последний взмах и смачный плевок на дверь послужили логическим завершением магической композиции. Все ждали. Ничего не происходило. Толстый достал из-под хламиды шоколадку и возмутительно громко зашуршал фантиком.

— Не понимаю, почему не действует? — Алик готов был расплакаться.

— А че должно быть? — хрустнул батончиком Толстый.

— Искры, запах серы и явление князя тьмы!

— Точняк, пропорция не та! Может, это поможет? Тут сера, магний, да много чего есть.

Расстроенный неудачным опытом очкарик порылся в недрах своей одежды и извлек на всеобщее обозрение потрепанный спичечный коробок. Перевернул и вытряхнул невесомую пыльцу в вонючую лужицу у двери. Эффект превзошел все ожидания! Желтая субстанция сразу забурлила и поменяла цвет на темно-бардовый. Синеватый огонек пламени легко пробежался по поверхности и хищно направился к их ботинкам. Толстый, на удивление резво, отскочил в сторону и уронил банку с остатками «Огненного эликсира». Стеклоянная емкость со звоном разбилась, и огонь, получив дополнительную щедрую порцию горючего, вспыхнул со всей своей яростной силой.

— Бежим!— крикнул Алик.

Перепуганные подростки, перегоняя друг друга, кубарем понеслись по лестнице вниз...

Наташа склонилась над кроваткой сына и в сотый раз восхитилась чудесным творением матушки-природы. Как такое получается? Из молекул и атомов, из хитросплетения тайных кодов геной инженерии — рождается маленький человечек. Улыбается беззубым ротиком, шевелит крохотными пальчиками, морщит носик-пуговку. Пройдет время, и он начнет говорить, думать, рассуждать, спорить с родителями и отстаивать свою личностную независимость. Но это потом, а пока он беспредельно мамин, ее счастье, гордость и радость.

Налюбовавшись младенцем, она вышла на балкон и начала снимать белье. Прижимая к себе огромный, благоухающий свежестью ком, с трудом протиснулась в балконные двери, затем включила утюг и потянула из кучи хрустящей чистоты первое, что попало под руку. Льняная простыня с белыми тюльпанами капризно упиралась и казалась бесконечной. За дверями, на лестничной площадке, что-то упало или разбилось. Наташа не обратила на шум никакого внимания, но, разложив полотно на гладильной доске и взявшись за утюг, вдруг почувствовала странный запах. «Может, утюг сгорел?», — подумала она и с пристрастием обнюхала хозяйственный агрегат. Но запах шел совсем с другой стороны, от входных дверей. Наташа вышла в холл и увидела, как по полу ползет сероватый и какой-то вонючий дым.

«Что за чертовщина!» — подумала она и решительно распахнула дверь. Стена пламени опалила жаром лицо, ударила своей беспощадной яркостью по глазам, резким, удушливым комком вцепилась в нос и в дыхательное горло. Наташа попыталась захлопнуть дверь, но было уже поздно! Огонь быстро и по-хозяйски шагнул в холл, полностью завладел дверью, акробатически ловко вскарабкался по стенам и размашистыми, огненными шагами неумолимо двинулся вперед.

Она бросилась в комнату, судорожно схватила телефон и дрожащими пальцами набрала номер мужа:

— Алло, Иван, ты занят? Не хотела тебя беспокоить, но у нас дома пожар. Что? Какие шутки! Входная дверь и холл в огне, нам не выйти!

Он действительно сначала не поверил, но потом, как обычно четко и ясно, объяснил, что надо делать — собрать малыша, одеться самой, взять документы и телефон, выйти на балкон и ждать приезда пожарных.

Наташа нетерпеливо прохаживалась по балкону. Просторный, как и полагалось в пентхаусе элитной новостройки, балкон-терраса был оформлен под «итальянский дворик». Плетеные легкие креслица, такой же столик, развесистые растения в терракотовых напольных вазах, бело-зеленый полосатый тент сверху. Уютный мирок, располагающий к неге и отдыху! И внизу прогуливались спокойные, неспешные люди. Обычный, теплый и ясный день уходящего лета. Но стоило лишь повернуть голову, и за стеклом, в недрах квартиры, виднелись языки полыхающего адского пламени. Она даже не подозревала, насколько огонь скор и беспощаден. В квартире что-то громко ухнуло и взорвалось, комнату, ведущую на балкон, постепенно заволакивало сизым дымом. Она плотнее подтянула ремни сумки «кенгуру» у себя на животе, куда надежно упаковала сына. Запах ядови-

той гари вокруг становился все более явственным, малыш несколько раз громко чихнул.

— Куда же у нас папа запропастился? Где они все? Что нам делать, маленький!

Наташа огляделась по сторонам. Стекло балконной двери заскрипело, искривилось, застонало, как живое, и покрылось мелкой паутиной трещин. Она отскочила в сторону, согнулась и прикрыла собой малыша. Мелкие осколки посыпались на нее градом. Лопнувшее от жара стекло свободно открывало дорогу безжалостно уничтожающему все вокруг огненному монстру.

Забившись в самый дальний угол балкона, она судорожно соображала: «Что делать? Прыгать вниз с двадцатого этажа — самоубийство! Перелезть через перила и спуститься на нижний балкон не получится, все лоджии кроме самого последнего этажа, застеклены. Значит, остается только одно — выбираться не вниз, а вверх, на крышу!» Наташа подняла голову, над ней радостно и легкомысленно трепыхался нарядный полосатый тент. Два массивных и длинных металлических карабина, намертво утопленные в стене, стойчески поддерживали это воздушное великолепие. Она схватила болтавшийся на металлической сушке пододеяльник, подпрыгнула и попыталась перекинуть его конец через карабин.

Тем временем из разбитого окна уже всюду валил черный дым. Люди толпились внизу и громко выражали свое праведное возмущение, почему из горячей квартиры никто пожарных не вызывает!

Но Наташе было уже не до этого. С пятой попытки ей удалось забросить свое самодельное лассо, скрутить концы пододеяльника жгутом и примериться, выдержит ли добротная материя 55 кг ее веса и 3 килограмма Костика. В стенном шкафчике среди инструментов, оставшихся после ремонта, на счастье, обнаружился моток скотча. Она обмотала себя бесчисленными слоями, зафиксировала намертво сумку с ребенком, подпрыгнула и двумя руками ухватилась за матерчатый жгут, а ногами уперлась в стену...

Огонь плотоядно пожирал плетеные диванчики и зелень в терракотовых вазах. Наташа сосредоточенно перехватывала руками матерчатый жгут и медленно передвигала ногами по вертикали стены. Рука-нога, еще раз рука-нога! Из заднего кармана ее брюк выскользнул звенящий телефон и полетел вниз, где уже надрывно и тревожно выли сирены подъехавших пожарных машин.

Столь вожденный карабин был рядом, прямо над головой, но как на него взобраться? Схватиться за него руками и перекрещенными ногами, повиснуть, как ленивец на ветке, и ждать, пока помощь придет? Бессмысленно и опасно, вдруг не хватит сил удержаться? И тут справа, чуть выше,

она заметила вбитый в стену массивный, изогнутый кусок стальной арматуры — это рабочие сначала пытались тент на крюках растянуть, но что-то там у них не получилось. Закусив губу и схватившись правой рукой за железяку, Наташа подтянулась наверх, изогнувшись всем телом, вытянула левую ногу назад, словно собиралась изобразить грациозный балетный пируэт «ласточка», и перекинула ее на спасительный насест. Сын заинтересованно и спокойно смотрел на нее синими глазенками. Тяжело дыша, она облизнула пересохшие губы:

— Видишь, как здорово погуляли, и ты у меня молодец!

Радоваться, впрочем, было нечему. Полосатая материя тента горела быстро, минута-другая, и огонь будет прямо под ними. Наташа посмотрела на прозрачное безоблачное небо и подумала: «Вот и все!»

Небо над крышей дома полностью застилал развесистый, черный гриб дымовой завесы. Ирина стояла в толпе зевак, за периметром оцепления, и молча смотрела вверх. Там, среди ядовитой гари и безжалостного огня были ее любимые, часть ее жизни и живой души.

Со стороны никто бы и не заподозрил, что такая спокойная и элегантно одетая дама готова упасть на землю, страшно закричать, заломив руки молить о помощи и прощении всемогущие, бесстрастные небеса. Она наблюдала, как пожарные, чертыхаясь и матерясь, волокли в подъезд свои резиновые кишки-шланги. Кузьма и следователь Сегинюк шли следом за ними. Подъехала машина, из нее выскочил взъерошенный и извергающий проклятия Иван и стремглав кинулся в подъезд горящего дома. Рядом с Ириной дамочка в кокетливой розовой шляпке истерично стенала и шмыгала носом в кружевной платочек:

— Ой, мальчики мои бедненькие, ой, песики мои золотые! Как же вы там одни без мамочки!

— Заткнись, наконец! — сквозь зубы процедила Ирина.

Розовая шляпка встрепенулась и, изогнувшись змей, прошипела:

— Что вы сказали?

— Что слышала. У меня там дочь и внук.

Дамочка охнула и испуганно прикрыла рукой рот:

— Вы, наверное, мама Наташи! Горе-то какое!

Ирина побледнела еще больше и молча отвернулась, до боли и рези в глазах неотрывно вглядываясь туда, где пылал последний этаж элитной новостройки.

На лестничной площадке, перед входом в горящую квартиру, толпились пожарные. Выходящие из пламени парни стягивали с лиц защитные маски, терли глаза, кашляли и чихали.

— Точно, химия какая-то!

— Да уж, воняет жутко!

— А горит-то как быстро, словно бензинчику плескнули!

— Товарищ капитан, женщина и ребенок в помещении не обнаружены!

Старший «брендмейстер» озадаченно хмурился. Рядом с ним, опустив голову, стоял Кузьма.

— Хорошо все осмотрели?

— Все облазили, нигде нет!

— Сгорели? — еле слышно прошептал Кузьма.

Капитан от возмущения даже руками всплеснул:

— Да побойтесь бога! Они ведь не бумажные, хотя бы кости должны были остаться!

Кузьма развернулся и со всей силой стукнул кулаком по серой от копоти стене. Следователь Сегинюк крепко схватил его за плечи и потряхнул:

— Майор, майор, держи себя в руках!

На лестнице послышался шум. Люди бежали, кричали, видимо, кого-то догоняли. Иван, расталкивая пожарных, кинулся к задымленному проему двери. Усач-капитан преградил ему дорогу:

— Куда лезешь мужик, там опасно! Жить надоело?

— Пустите меня, пустите у меня там жена и ребенок! — безумными глазами посмотрел на него Иван и исчез в клубах сизого дыма. Из недр квартиры донесся его надрывной и безнадежный крик: «Наташа, где ты? Наташа, ты где?» Потом послышался грохот, и голос затих.

— А ну, быстро туда! — скомандовал усатый капитан, натянул на лицо маску и первым нырнул в пожар.

Наташа лежала на крыше. На груди у нее громко и обиженно плакал перетянутый множественными полосками скотча Костик. Она ласково гладила малыша по спинке, пыталась успокоить:

— Ну, что ты, что ты, перестань! Мама тебя ушибла, напугала? Прости меня, прости!

Когда языки пламени расправились с полосатым тентом и плотоядно лизнули ей ноги, она закричала, но не от боли, а от страха. Представила, как будет гореть крохотное тельце ребенка у нее на груди. Как она, не выдержав муки, прыгнет вниз с двадцатого этажа и в секунды полета увидит все то прекрасное будущее, которое она не сохранила, не сберегла для своего сына. Что было потом, Наташа помнила плохо. Вроде бы вскочила на ноги и как настоящая циркачка балансировала на узкой жердочке карабина. В полуметре над своей головой увидела край крыши, схватилась за него, впиалась пальцами и, ломая ногти, подтянулась. Сил у нее совсем не было,

только ужас да отчаяние. «Мама, мамочка моя, помоги!» — хрипела она. Локти уперлись и легли на холодную, цементную крышу. Ноги болтались в воздухе, едва касаясь кирпичной стены, что осталась внизу. Она цеплялась за каждый камушек, за каждую спасительную трещинку на неровной поверхности карниза и тянулась, лезла вперед, только вперед. Была бы возможность, и зубами бы уцепилась! Выползла на животе и широко открытым ртом стала жадно глотать пропитанный гарью воздух. Он был такой вкусный, сладкий и пьянящий, как сама жизнь! Затем, покачиваясь, встала, сначала на четвереньки, потом на ноги и сделала несколько неуверенных шагов. На противоположной стороне крыши находилась терраса соседнего пентхауса, а с крыши на изящно оформленный балкон спускалась кованая витая пожарная лестница. Наташа облегченно вздохнула и... прыгнула. Приземление прошло гладко и мягко. Она шагнула к гостеприимно распахнутой двери балкона. Ей навстречу с лаем неслись две огромные черные собаки. Она едва успела захлопнуть стеклянную створку двери и привалилась к ней всем телом.

Две длинные зубастые морды с той стороны стекла злобно скалились и брызгали слюной. Четыре мощные лапы дружно скребли эту ненадежную прозрачную защиту. Вдруг послышался цокот каблучков, и нежный женский голос проворковал:

— Малыши мои! Мальчики, мои дорогие! Намучались, испугались?

Псы, радостно повизгивая, бросились встречать хозяйку.

Наташа, пытаясь привлечь внимание, осторожно постучала в окно.

— Мальчики, у нас воры! — взвизгнул голос. Дамочка в розовой шляпке пугливо выглянула через стекло на балкон. — Боже мой, Наташенька! Вас же все ищут! Думают, вы с сыном сгорели!

— А мы здесь, и с нами все хорошо... — слабо улыбнулась Наташа.

Она прислонилась к стене и мешком сползла на пол...

День у Ольги выдался замечательный. Ранним утром позвонил Алик и таинственно прошептал в трубку:

— Ждите хороших новостей! Темный магистр сдержит свое слово. Демоны с нами!

Она уже давно привыкла к напыщенным и недейственным обещаниям маленького колдунишки, но в это раз почему-то поверила. Все получится, все будет хорошо и просто замечательно! Распроклятая сестрица-красавица рано или поздно обязательно получит по заслугам!

В комнату без стука быстро вошла мама. Вид у нее был странный, какой-то вздрюченный и нервный. Она упала в кресло и глубоко выдохнула:

— У Наташи дома пожар был.

— Она умерла?! — вскрикнула Ольга.

Мать схватила со столика бутылку с водой и сделала несколько больших, жадных глотков прямо из горлышка.

— Не волнуйся, Наташа с сыном спаслись. Иван в больнице. Бросился в квартиру их искать, на него перекрытие обрушилось, и он сильно обгорел.

Ольга вскочила, заметалась по комнате. Этого не может быть! Почему ей всегда так не везет? Муж обгорел, а сестрице-красотке хоть бы что, опять сухой из воды вышла! В голове все кружилось, мысли метались, как стая перепуганно галдящих ворон.

— Чудо просто! Она на крышу выбралась! Теперь к нам переезжает. Придется тебе на этаже немного потесниться, — продолжала между тем Ирина.

— Это еще зачем? — Злобному раздражению Ольги не было предела.

— Что значит, зачем? А куда ей ехать?

— Куда подальше! Не хочу, не желаю в одном доме с ней жить!

Ирина с ужасом уставилась на дочь. Молодая женщина вела себя более чем странно. Носилась по комнате, разбрасывала в разные стороны, кидала на пол и пинала ногами ни в чем не повинные вещи.

— Что ты говоришь! Вы же сестры, всегда так дружили!

— Никакая она мне не сестра, ты знаешь! Настоящая сестра никогда бы не стала с моим мужем спать!

— Все, хватит мне тут мемориал бессмертия твоему благоверному создавать. Наталья будет жить здесь! Она имеет на это полное право!

Спорить с матерью Ольга никогда не умела, занятие это было совершенно бесполезное. Можно было хоть по потолку бегать, хоть на голове стоять, но все будет так, как сказала Ирина Александровна Денисова. Было приказано освободить старую комнату Наташи, где сейчас находилась Ольгина гардеробная, а кабинет-студию выделить под детскую для проклятого ублюдка. А к моменту приезда сестры вид следовало иметь любезный и радостный. Во избежание этого соседства Ольга была готова и свой собственный дом поджечь.

Внизу послышались громкие, возбужденные голоса.

— Девочка моя, красавица! За что же тебе все это? — слезливо бляла кухарка Нина Петровна.

— Помогай, Петровна, покупки разгружать! Мы все магазины города обчистили, чтобы парень наш голышом не ходил, — утробно басил Кузьма.

В дверь заглянула горничная Светик:

— Оля, давай я тебе помогу вещи вынести и Наташину комнату освободить!

— Да отвяжитесь вы все от меня! — закричала Ольга, вытолкала девушку, закрылась на ключ и, упав на кровать и уткнувшись лицом в подушку, горько разрыдалась.

— Выйди сейчас же, ты должна с Наташей поздороваться! — послышался из-за двери строгий голос матери.

Ольга грызла шелковую ткань наволочки и давилась солеными слезами.

— Никому и ничего я не должна! — злобно огрызнулась она.

Ночка удалась на славу! Ирина металась между комнатами дочерей, успокаивала, увещевала, урезонивала, но все было впустую. Ольга рыдала, проклинала сестру, обвиняла в бессердечии мать, бесконечно повторяла одно и то же: «Женечка, Женечка, почему ты меня оставил?»

Постаревшая за один день Наташа с перебинтованными по локоть руками прижимала к себе малыша, из комнаты не выходила и испуганно вздрагивала от каждого шороха. В темных волосах у нее появились заметные серебристые ниточки.

Ирина отправилась на работу с гудящей, как многотонный колокол, головой и дергающимся, как от тика, правым глазом. Как назло, с самого раннего утра к ней заявился несостоявшийся шахматный гений, господин Ряшенцев. Посредник вольготно развалился в кресле и положил перед Ириной на стол конверт, от одного взгляда на который становились понятны его весомость и значимость.

— В стародавние времена посланцев, принесших плохую весть, сажали на кол, а если случалось наоборот — одаривали конем! — изысканно пошутил он.

Ирина, похрустев первосортной бумагой, развернула послание. Черным по белому ее уведомили: «Всесильные заказчики очень недовольны и разочарованы тем, как ведется строительство торгово-развлекательного комплекса. Поэтому было принято вполне логичное решение. Переместить заказ первоначальному застройщику, то есть компании «ВИКА»! Уладить разногласия с городской администрацией и прочие нюансы они берут на себя. Естественно, они готовы встретиться для обсуждения финансирования, организационных моментов и прочих деталей. И чем скорее это произойдет, тем лучше!»

Ряшенцев победоносно улыбался. Ирина тоже ласково улыбнулась ему в ответ:

— Если все сложится, то мы, однозначно, обсудим масть, марку и количество лошадиных сил вашего нового скакуна.

Секретарша Катя взбалтывала в стакане для своей шефины уже третью порцию коктейля, замешанного на доброй дозе пустырника и валерьяны.

Устав сражаться и выполнять обязанности участковой медсестры, призвала на помощь Кузьму. Вместе, практически под конвоем, они сопроводили Ирину Александровну во врачебный кабинет. Доктора в дневном стационаре компании «ВИКА» были сплошь с высокими научными степенями. Сегодня, как по заказу, дежурил кандидат медицинских наук — врач-кардиолог. Он померил Ирине давление, сделал кардиограмму, вколол нечто полезное в вену и строго выговорил ей за наплевательское отношение к своему здоровью. Попутно поинтересовался у Кузьмы:

— А вы, Андрей Михайлович, лекарство принимаете?

Тот в ответ ретиво закивал, закрывая тем самым неприятную тему.

— Что ты там принимаешь? — поинтересовалась Ирина, когда они вернулись в кабинет.

— Да ерунда, витамины! — досадливо скривился Кузьма. — Доктор сказал, сердечную мышцу укрепляют.

— Совсем мы с тобой старые стали! — невесело усмехнулась Ирина. — Ты таблетки пьешь, мне к невропатологу срочно бежать надо. Одним словом, развалины доперестроечного века!

На стационарном телефоне призывно и нетерпеливо мигала лампочка пришедшего голосового сообщения. Ирина нажала кнопку. Послышался громкий, звенящий от праведного негодования голос многоуважаемого мэра:

— Такой подлости я не ожидал! Вы за это ответите! На войне, как на войне! И заметьте, перчатка была брошена вами, следующий ход за мной!

«Оперативненько заказчики работают», — подумала Ирина.

Кузьма отвернулся к окну, прикрываясь широтой и мощью своих плеч, проглотил очередное кардиологическое «колесо». Ирина от души помянула всех матерей и их матерей. Кузьма был свой, при нем можно.

— Нет, ты слышал? Войну он мне объявляет, сморчок вонючий! Одно за другим, одно за другим! Отдышаться не успеваю! За что эти несчастья мне на голову сыплются? Ольга с ума сошла, с Натальей, что ни день, то беда! А теперь и этот туда же! Когда все это кончится!

Кузьма натужно и длинно выдохнул, будто одним разом все тяжести жизни из себя выпустить хотел.

— Я тебе могу сказать, когда это началось...

— Не надо, не продолжай! Иди, работай! — выкрикнула Ирина и нарочито уткнулась в открытую папку.

Кузьма четко, по-военному, развернулся и пошел к выходу. Уже у порога его догнал короткий вопрос:

— Помнишь, на похоронах одна журналистка была?..

— Эта психичка, которая чуть моих парней микрофоном не покалечила?

— Найди мне ее!

— Что опять удумала? Угомонись, Ира, хватит воевать!

— Я договорилась, заказ на строительство торгово-развлекательного комплекса нам официально вернули, — подняла она на него холодный взгляд. — Многоуважаемый мэр почему-то думал, что «ВИКА» на него ба-трачить обязана, а теперь еще и пугать нас вздумал. А я обид никому не прощаю! Так что следующий ход — за мной!

Девушка Маша появилась у нее в кабинете поздним вечером этого же дня. Блондинистая барышня не вошла, а практически влетела в кабинет. Все движения у нее были резкие, порывистые, как у птицы, эдакая светлая, легко парящая над морскими просторами, чайка. Свободно изловит в темной водиче жирную рыбку, целиком проглотит и не подавится, да и вообще, что найдет тем и закусит. Девушка кинула на стул шарф и куртку, уселась напротив Ирины, двумя руками взялась за любезно предложенную чашку кофе, обожглась, ойкнула и схватила себя пальцами за мочки ушей.

— Вы спешите? — спросила Ирина.

— Я жить спешу! — ответила Маша.

Без предисловий, с места в карьер, она презентовала свой пресс-релиз. Из газеты «Желтобрюха» ушла. Не тот уровень, размаха нет, перспективы и деньги скудные. Теперь она славно трудится на телевидении. Свою программу выпускает, и называется она «Скелет в шкафу». Специализируется на сплетнях, скандалах, разоблачениях. Короче, милые для обывательского менталитета «грязное белье» и «жареные утки»! Рейтинг у программы высокий, идет она по выходным, в прайм-тайм, когда народ зависает у «ящика». Ирина понимающе кивала, все понятно, молодость амбициозна и не намерена ждать милостей от природы. А про себя подумала: «Подходящая девочка!»

— Скажите, Маша, а что еще вас в жизни интересует? — вдруг задала она неожиданный вопрос.

— Простые человеческие вещи: слава и деньги!

Девушка залпом заглотнула остывший кофе, поперхнулась, закашлялась, но это не помешало вполне профессионально развернуть беседу в интересующем ее направлении.

— Польщена вашим приглашением, но хотелось бы узнать, зачем я здесь?

— Как вы относитесь к нашему мэру? — вопросом на вопрос ответила Ирина.

Журналистка аж подпрыгнула на стуле. Вот это удача! Мэр, старый хрен, наверняка в сауне с проститутками «засветился» или, может быть,

тайно наркотиками город снабжает. А вдруг здесь что-нибудь и покруче, педофилия, например? Вот это тема!

Ирина еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться, глядя на раскрасневшуюся и взбудораженную представительницу одной из самых древнейших профессий.

— Должна вас разочаровать, все не столь трагично, скорее даже весело. — Она бережно достала из стола потертый временем пакет. — Вот, послушайте: был у меня в юности приятель, который очень увлекался фотографией...

...На стройке в их бригаде работал Серега. Обычный парень, тянул трудовую лямку от зарплаты до зарплаты, по субботам ходил на футбол, в воскресенье водил невесту Галку в кино. Но как-то обломился ему старенький фотоаппарат «Зенит», и парень сошел с ума. После работы пиво с друзьями больше не пил, все трудовые сбережения тратил на пленки, реактивы и фотобумагу. Дома в ванной устроил лабораторию, на растянутых по всей квартире бельевых веревках сушил свеженькие глянцевые снимки. Родители ворчали, крутили пальцем у виска и ходили мыться в общественную баню. Серега, как заправский фотокорреспондент, носился по стройке и снимал все, что на глаза попадалось. Трудовые будни советской молодежи: обед — состоящий из булки и бутылки кефира, доминошные баталии во время вынужденного простоя, нарушивший технику безопасности и перевернувшийся на бок экскаватор.

— Эй, ребята, улыбнитесь на все тридцать два! Потом в старости посмотрите и удивитесь, сколько зубов во рту умещалось!

Ира, Анечка, муж Вадик и Костя, в грубых холщевых робах, все измазанные белилами, дружно хохотали и послушно позировали. Именно эта фотография и стояла у Ирины на столе, в самом почетном углу. Они были молоды, сильны, влюблены и свято верили в то, что никогда не состарятся!

Серегина невеста работала секретарем в управлении строительного треста и все в подружки к Ире и Ане набивалась!

— Девчонки, смотрите, что я вам покажу! — Галка заговорщически подмигнула, оглянулась, нет ли вокруг посторонних глаз, и распахнула на груди кофточку. Чашечки кружевного лифчика, расшитые шелковыми бантиками и бусинками, больше всего походили на два пирожных «безе» с воздушным белковым кремом.

— Ну и что? — безразлично пожала плечами Ирина, тряпки ее никогда особенно не интересовали.

— Какое чудо! — еле выдохнула свой восторг Анечка.

— Петьку помните? Он в райкоме комсомола кем-то там работал, взносы со всех собирал? Его теперь часто за границу по делам партии посылают! Короче, он раньше тряпки разные привозил, а теперь исключительно на женское белье переключился. У нас все девчонки к нему бегают! Потом в таких штучках щеголяют — я вас умоляю! — тараторила без остановки Галка.

— Ир, давай тоже к нему сходим! Так чего-нибудь красивого хочется, — умоляюще посмотрела на нее Анечка.

Ирина долго упиралась, но отказать любимой подруге, для которой недоступная им по сиротскому детству красота была смыслом и счастьем жизни, не смогла.

Дверь им открыл улыбчивый и нарядно одетый Петенька. Весь такой фирменный, заграничный, благоухающий дорогим мужским парфюмом. «Как баба надушился», — подумала Ирина, а вслух неласково пробурчала:

— Здорово, давно не виделись.

— Петя, девчонки пришли кое-чего себе посмотреть! Ты не бойся, вы ведь знакомы, — прощепетала Галка.

— Знакомы, знакомы! Помню, ты, Денисова, никогда не хотела комсомольские взносы платить, — расцвел в улыбке Петенька.

— А я никому ничего не должна, — огрызнулась Ирина.

Петенька оперативно зашуршал разноцветными пакетами, стал раскладывать на журнальном столике трусы и лифчики. Невесомые и прозрачные изделия буржуазных кудесников завладевали всем комнатным пространством. Цветные, белые, черные, с блестящими камушками, с перламутровыми бусинками, и — бесконечные кружева, кружева, кружева. Аня очумело перебирала крохотные кусочки шелковой материи, поднимала их на вытянутых руках, долго рассматривала каждую вещицу, словно бесценный художественный раритет. Комплект из алого атласа, с приоткрытой форточки поймал на себя луч весеннего солнца, вспыхнул и засиял.

— А это сколько стоит? — Казалось, она впала в какой-то мистический транс.

Петя похвалил ее вкус. Заявил, что это последняя модель, ткань редкая, эксклюзивная, поэтому и цена соответствующая — 200 рублей.

— Ты офигел, крохобор! Это же больше, чем две наших месячных зарплаты! — возмущенно заорала Ирина.

— Договоримся! Для вас я сделаю специальную скидку!

Петя, все время поглядывавший на красавицу Анечку, предложил ей пройти в ванную комнату и примерить комплект. Ирина же продолжала злиться — юный герой мирового коммунистического содружества ее сильно раздражал.

— Не заводись! Лучше себе что-нибудь выбери, — увещевала ее Галка.

— А где наши парни?

— Да с Серегой, а он в магазин за пленкой пошел. Сейчас придут!

И вдруг из ванной комнаты послышался громкий Анин визг. Ирина сломя голову кинулась туда, рванула на себя дверь. Петя прижимал к стенке ее полураздетую подругу и хищно метился впитаться поцелуем в губы. Ирина подпрыгнула, оказалась у злодея на спине и двумя руками вцепилась ему в волосы.

— Больно, дура, отцепись! — заголосил Петя.

Аня спешно куталась в свою кофту и кое-как запихивала ее под юбку.

— Он, знаешь, что сказал? Ты говорит, переспи со мной, а я тебе бюстгальтер бесплатно отдам, и еще кое-что в придачу. Вот козел! — возмущалась Анечка.

Ирина поволокла Петеньку в комнату. Он матерился, тряс головой и махал ногами, стараясь пнуть ее как можно сильнее. Наконец это ему удалось, и они, упав на пол и вцепившись друг другу в волосы, катались, шипели и рычали как пара обозленных мартовских котов.

Перепуганная модница Галка носилась вокруг и слезно причитала:

— Ира, что ты делаешь! Петя не надо! Ребята, остановитесь!

В дверь позвонили, и она бросилась открывать. Войдя в комнату, Вадик, Костя и Серега с фотоаппаратом застыли на пороге. Первым пришел в себя Вадим:

— Где моя женушка, там всегда Куликовская битва!

— Эта сволочь Анечку в ванной зажал! — прохрипела придавленная к полу Ирина.

Костик по жизни к рассуждениям был не склонен. А после того как услышал, что кто-то посмел посягнуть на его любимую жену, взял Ирину за шкуру и легко, играючи, оторвал от противника. Приподнял Петю за грудки и со всей своей молодецкой силой и удалью, отвесил ему сочный удар справа, прямо в глаз. Петенька пролетел через всю комнату, опрокинул пижонский, развесистый торшер, книжную полку и приземлился прямо на журнальный столик, который служил ему импровизированным прилавком для галантерейных товаров. Пока девчонки хохотали, а парни доходчиво объясняли пострадавшему, как тяжела будет его жизнь в инвалидной коляске, если он еще раз к их женам сунется, Серега все щелкал фотоаппаратом.

— Какие кадры получаются! Блеск! Как удачно, что я новую пленку зарядил!

Петенька действительно выглядел необычайно живописно. Он возлежал на полу среди раскиданных трусов, капроновых чулок и поясов со штрипками, пресловутый красный бюстгальтер покоился у него на лбу,

как горделивый символ несгибаемой воли и незыблемых моральных принципов молодых строителей коммунизма.

— Интересно, фотографии настоящие или монтаж?— поинтересовался следователь Сегинюк.

Кузьма молча отвернулся к окну, про себя смачно матернулся. Служебный стол его приятеля украшал сегодняшний выпуск газеты «Желтобрюха». На титульном листе, на самом почетном месте, красовался портрет многоуважаемого мэра. Он благостно улыбался, а на груди у Петра Ефимовича полыхал завязанный узлом, как галстук, многострадальный красный лифчик. Центральный разворот газеты был полностью посвящен вехам его комсомольской карьеры и щедро разукрашен фотографиями под шапкой заголовка: «Не расстанусь с комсомолом — буду вечно при бабле!»

— А передачу по «ящику» в воскресенье смотрел? Мы всем отделом ржали!

Сегинюк все никак не мог налюбоваться на фотографию, где юный и кудрявый мэр прикрывал заплывший глаз кружевными трусиками.

Журналистка Маша оказалась девушкой исполнительницей и талантливой, выданный ей гонорар отработала на все сто процентов. Всю предыдущую неделю по телевизору крутили рекламу-анонс, жителям города обещали показать глобальное разоблачение беспринципности и двуличия народных избранников. Естественно, что после этого программу «Скелет в шкафу» не посмотрел только слепой. Конкретных имен никто не называл, но молодой актер, выпускник местного института культуры, стараниями гримеров и кудесников-операторов, стал точной копией многоуважаемого мэра в молодости. Кинохроника 90-х годов переплеталась с реконструкцией, игровыми и постановочными моментами, снято все было ярко, хлестко, нагло. Называлось сие произведение: «Сластена. Станут денежки народа — мармеладом к бутерброду».

Но, видимо, амбициозной Маше этого показалось мало, и, чтобы удовлетворить свою заказчицу по полной программе, она под псевдонимом разместила в дружественной газете «Желтобрюха» еще и глумливую статью с реальными фотографиями. После чего многоуважаемый Петр Ефимович стал окончательно всеобщим посмешищем. Остроумы не уставали придумывать новые байки и анекдоты.

— Вы не знаете, где достать импортный гарнитур?

— Если в гостиную — в мебельном центре, а если для жены — то в мэрии!

Кузьме все это очень не нравилось. Не буди лихо, пока оно тихо! Но разве Ирину переспоришь, все по-своему делает.

— Вот скоро выборы начнутся, тогда и посмеемся! Ты чего меня позвал? — решительно прервал он не в меру развеселившегося Сегинюка.

Следователь, все еще пофыркивая от смеха, принялся рыться на своем заваленном папками и бумагами столе.

— Не поверишь, тоже по поводу фотографий!

Дело касалось пожара в квартире Натальи Денисовой и ее мужа. То, что это был поджог, после проведенных в лаборатории экспертиз, сомнений не вызывало. На полу перед дверью были обнаружены осколки стеклянной банки с остатками горючего вещества. Установленные в доме камеры слежения зафиксировали троих подростков в черных плащах, которые сначала торчали у входных дверей, а затем заскочили в подъезд.

— Готы какие-нибудь или эмо, черт их сейчас разберет. — Следователь выложил перед Кузьмой стопку фотографий: — Знакомых нет?

Кузьма внимательно вглядывался в снимки. Длинный худой мальчишка глубоко надвинул на лицо черный капюшон. Вся фигура у него была какая-то изогнутая, сутулая, совсем не страшная, скорее нелепая.

«Где-то я недавно этого хлопца видел», — подумал Кузьма.

Вечером он заехал домой к Ирине. Там его всегда встречали как дорогого и желанного гостя, но он знал, только как гостя. Нина Петровна суетилась на кухне, достала из духовки благоухающий противень с румяными пирогами. Наташа подвинула ему дымящуюся чашку чая. Кузьма откусил мягонький бочок пирожка и сладко зажмурился, вот оно, счастье! Уютный дом, вокруг родные люди, мир и покой! На кухонном столе, вперемешку со свежей выпечкой, громоздились альбомы фотографий. Но эти снимки Кузьму совсем не раздражали, наоборот, они были теплые, радостные, любимые. Вот он стоит посреди двора, а на плечах у него с двух сторон повисли Оля и Наташа. Девчонки смеются, мордашки хитрые и довольные. Вот он и Ирина сидят на скамейке. Тогда прохладно было, Кузьма ей на плечи свою куртку накинул. Ирина держит на руках новорожденного внука, лицо такое светлое, нежное, даже немного растерянное. Такой ее мало кто видел, но он-то знал, вот она настоящая. Пирожок с вишней почему-то стал горьким, в груди с левой стороны заныло. «Опять таблетку забыл принять», — подумал Кузьма, а вслух сказал:

— Наташа, помнишь, когда вы с подружкой гуляли в парке, Юрка фотографировал, как вы уток кормите?

— Так вы их уже видели!

— Ну, решил еще раз посмотреть, уж больно вы там симпатичные.

Наташа убежала в другую комнату и вернулась с еще одной пачкой фотографий.

Все было на месте: залитая ярким светом аллея парка, молодые довольные мамы, сонные младенцы, жирные утки в пруду. А на заднем плане компания подростков, и среди них — сутулая фигура парня в черном балахоне.

— А этот мальчик в плаще кто он?

— Не знаю. Юрка долго их снимал, сказал, что таких колоритных персонажей давно искал, — пожала плечами Наташа.

Над ними с любопытством зависла Нина Петровна, но, увидев снимок, испуганно ахнула:

— Ох, ты боже мой! Опять этот чертяка здесь!

— Вы его знаете? — встрепенулся Кузьма.

Петровна всплеснула руками и горячо запричитала. К Ольге ведьма одна ходить повадилась! Уж нечего сказать, нашла себе подружку. Девка страшущая, волоса черные, а глаза — ну, прям, белые. Как глянет — мороз по коже!

— На меня только посмотрела и сразу заявила, почки лечить надо. Я перепугалась, а ведь правда, последнее время поясница вот тут ноет, — пожаловалась Петровна.

Потом она долго, возмущенно и с жаром принялась пересказывать последние новости и свою персональную точку зрения на происходящие события. Горничная Светик пристала к странной гостье с просьбой на жениха погадать. Так эта белоглазая такое выдала! Посоветовала научиться отделять зерна от плевел, тогда венец безбрачия падет. Глупая девчонка ничего не поняла, но всю ночь у себя в комнате проплакала, уволиться решила. И Ольга совсем с ума сошла! Волосы в черный цвет выкрасила и с колдуньей этой по дому как приведение шастает. Все что-то вынюхивают, да выискивают!

Кузьма терпеливо слушал праведный поток возмущения, улучив момент словесного затишья, спросил:

— А парень-то здесь при чем?

— Так он все время с этой ведьмой таскается!

Наташа дипломатично в их беседе не участвовала. Положив на тарелку несколько ароматных булочек, двинулась к выходу.

— Позовешь сестру? — окликнул ее Кузьма.

Наташа постучала в комнату сестры, но никто не ответил. Заглянула в детскую, няня, пеленая маленького Вадика, четко отрапортовала.

— Ольга Вадимовна вышла, сказала, по делам!

...Ольга склонилась над кроваткой племянника. Мальчик спал, видимо, ему снилось что-то очень серьезное и важное, он сурово хмурил тонень-

кие бровки. Она постояла несколько секунд, потом достала из кармана сверток и тряхнула им над младенцем. Прямо на голубое шелковое одеяльце выпала безобразная, свитая из вонючих, промазанных дегтем жгутов кукла, по форме напоминающая маленького человечка. Затем она вытащила из волос длинную, острую спицу и несколько раз ткнула фигурку в голову и в живот. Алик гордился своим рукоделием и убеждал ее, что самое верное средство — это магия Вуду. После проведенного обряда ни один человек жить не будет! Следовало еще и заклинание читать, горланно выкрикивать какие-то дикие и непонятные звуки, но Ольга посчитала это излишним. Ее всепоглощающей ненависти будет вполне достаточно!

Если бы Ванда узнала, им бы обоим не поздоровилось, но это был их с Аликом секрет.

Ольга еще несколько раз ткнула острием спицы кукольный муляж ребенка. Теперь она целилась прямо в лицо, в глаза и рот. Малыш в своей постельке беспокойно заворочался.

«Демоны с нами!» — подумала она, так любил повторять ее верный поклонник Алик.

Вдруг дверь резко распахнулась, и вошла Наташа.

— Ой, ты здесь! А тебя Кузьма звал... — начала она и, поперхнувшись, тут же замолчала.

Ольга быстро кинула безжалостно исколотую фигурку под детскую кроватку, спицу спрятала за спину. Наташа вся побелела, зрачки у нее расширились.

— Что ты там делаешь? — прошептала она, подбежала к кроватке сына, с омерзением схватила двумя пальцами и вытянула перед собой растерзанное тельце куклы. — Что это?!

— Подарок племяннику от тети, — ухмыльнулась Ольга.

Наташа подскочила к окну, распахнула раму и зловещий, мерзко пахнущий уродец полетел вниз. На подоконнике красовалась декоративная вазочка из малахита. Наташа схватила бессмысленную красоту за узкое горлышко, шагнула вперед, загородила собой ребенка и замахнулась на сестру:

— Не смей подходить к нему! Я тебе горло перегрызу! Череп проломлю!

Каменная вазочка была мала, но тяжела, в случае обороны или нападения вполне могла стать смертельным оружием.

Ольга отпрыгнула на безопасное расстояние и презрительно процедила сквозь зубы.

— Какие, оказывается, мы слова знаем! В общей палате роддома лексику обогатила?

— Убирайся!!!

— Он точно Женин сын! Ему не жить! И ты тоже скоро сдохнешь! — Ольга легко повернулась на каблучках и, довольная собой, танцующей походкой направилась к выходу.

Наташа заперла дверь на ключ, схватила сына на руки, прижала к груди, да так сильно, что он проснулся и заплакал. Трясущимися пальцами набрала телефонный номер и с трудом прохрипела в трубку:

— Алло, Яна! Как дела? У меня все хорошо! Послушай, мне твоя помощь нужна!

Игрушки, шары, клоуны, залиvistые вопли детей — все кружилось и вертелось, а всю эту радостную вакханалию накрывали громкие звуки бравурной музыки. Раз в год Ирина организовывала для воспитанников городских детских домов большой праздник. Никакой специальной даты на него не приходилось, она считала, пусть будет просто прекрасный день, долгожданные подарки и развлечения, которых так не хватает одинокому и никому не нужному маленькому человечку. Аниматоры в громоздких паролоновых костюмах сказочных персонажей неуклюже бегали по фойе, иногда какой-нибудь страдалец от искусства спотыкался и падал. Дети дружно кидались поднимать завалившегося набок динозавра или симпатягу Шрека. А те, быстро вскочив на ноги, спасались бегством, видимо, боялись, что неумемная детвора от восторга растащит их на мелкие кусочки.

— Иринушка, спасибо! Такой праздник для детей организовала, теперь впечатлений на целый год хватит!

Александр Николаевич тяжело опирался на палочку. Ноги-предатели совсем отказывались носить своего старенького хозяина. Из актового зала послышался громогласный и профессионально отшлифованный голос ведущего:

— Благодарим главу краевой администрации, губернатора Селянина Виктора Васильевича, за то, что он посетил наш замечательный праздник детства!

На этот раз Иринин праздник приобрел практически политическое и стратегическое значение, приехали телевизионщики, журналисты, фотографы. Удивляться нечему — в преддверии выборов все средства хороши!

Седой импозантный мужчина уважительно пожал руку старику-директору, более галантно Ирине, потрепал по голове пробегающего мимо белобрысого паренька, как бы не замечая, как дружно защелкали затворы фотокамер и замигали вспышки.

— Снимают репортаж о нашем празднике, по центральному каналу покажут! — снисходительно развел он руками. — Я считаю, для имиджа края

это очень позитивно. Ирина Александровна, поговорить бы нам надо... У нас скоро выборы на пост главы городской администрации, вот я и хотел вам предложить поучаствовать! Как вы на это смотрите? Лично я лучшей кандидатуры не вижу и поддержку свою гарантирую!

Ирина долго благодарила за лестное предложение и оказанное доверие, но отказалась.

— Я ведь теперь дважды бабушка! И «ВИКА» внимания требует. Так что, боюсь, времени на организацию жизни города у меня не хватит!

Впрочем, времени у нее на все хватало. «ВИКА» славно трудилась над строительством торгово-развлекательного центра. Заказчики были довольны сверх всякой меры, и она чувствовала себя по-настоящему счастливой. Вот только дома творилось что-то непонятное. Пару дней назад она вернулась после работы и застала в семейном гнезде картину маслом, под названием: «Погром в еврейском местечке». Повсюду были раскиданы вещи, видимо, тот, кто уезжал, не просто спешил, а спасался бегством. Дочерей дома не было. На кухне надрывно рыдала горничная Светик, бормотала что-то про сглаз и порчу, требовала немедленно ее рассчитать. Нина Петровна, горестно охая, щедро плескала себе в стакан бурые капли, то и дело болезненно хваталась за поясницу. Понять из ее путаного и хаотичного монолога было ничего невозможно!

— Кузьма приходил, чай пили, потом ушел, вот тут-то все и началось! Сначала девчонка с парнем прискакали, рыжие такие, прям на одно лицо! Наталья с ребенком в комнате сидит, запершись, а они давай ее вещи вниз таскать! Потом ведьма эта, подруга Ольгина, со своим чертякой заявились. Встали наверху и смотрят. Наталья коляску забыла, так этот паразит, в черном плаще который, прямо с лестницы ее скинул. Заорал, порчу, мол, на вас всех наущу! А рыжий парень ему и говорит: «А я тебя в расфокусе сфоткаю, у тебя лица не будет!» Визг такой поднялся, что и вспомнить страшно!

— Ольга где? Наталья куда уехала? Из-за чего они поругались?

Петровна, как китайский болванчик, трясла головой и продолжала нести околесицу:

— Ольга как крикнет: «Скатертью дорога!» А Наталья ей: «Спасибо! Надеюсь, мы никогда не увидимся!» Ой, девоньки мои, что же вы наделали!

Отыскалась Наташа в двухкомнатной халупе на окраине города. Дом под ласковым названием «хрущевка», вид имел обшарпанный и сиротливый. Ирина прохаживалась по комнате и изучала окружающую действительность. По стенам, до самого потолка, были развешены самодельные зайцы, мишки, мышки и прочие зверушки — все, как на подбор, пушистые красавцы с веселыми и задорными улыбками. Под ногами шуршали

обрезки бумаги, картона, фольги. На грубо сколоченном столе, сдвинув в сторону коробки с кистями и красками, Наташа пеленала сына.

— Вот здесь ты теперь и живешь?

— Да. И мне очень нравится.

— Почему из дома убежала? Что случилось?

— Ничего. Просто никого беспокоить не хотела, — спокойно ответила Наташа.

— Давай квартиру тебе куплю, — предложил Ирина.

— Не надо. Кредитки мне восстановили, страховку скоро обещали выплатить. Вот выпишется Иван, разберемся.

В комнату влетела рыжая девчонка, засмеялась, заговорила, забегала из угла в угол — и все одновременно. Следом такой же рыжий парень втащил, пыхтя, таз с ворохом постиранных пеленок и принялся развешивать их на растянутых по комнате бельевых веревках.

— Мама, познакомься, это Яна и Юра, — представила друзей Наташа.

Юра, желая поддержать светскую беседу, начал важно и со значением, но быстро запутался в своих словах и чувствах:

— Я, мы, очень рады, что Наташа к нам попросилась, то есть захотела жить у нас... Нет, я не то говорю, а что я хотел сказать? Да, она очень добрая и... очень красивая!

— Юрка в Натку влюбился, — звонко захохотала девчонка.

Юноша покраснел до самых волос и, гремя опустевшим металлическим тазом, кинулся бежать.

— Застебала брата, — прокомментировала Ирина.

— Ничего себе, какие вы словечки знаете! — присвистнула Яна.

— Ну, я много чего знаю, бабушкам так положено!

Ирине все нравилось: здесь была молодость, свобода. Бесконечная вера и надежда на замечательное, удивительное будущее. И никаких сомнений, что рано или поздно огромный мир распахнет перед тобой свои объятия, снимет шляпу и дружелюбно скажет: «Ты победил!»

Они с друзьями тоже когда-то так жили! Ничего у них не было, но зато они были вместе. Все честно, поровну на всех и для всех. Если один спал, второй его сторожил. Если один грустил, второй был готов наизнанку вывернуться, чтобы только слезы высохли, и улыбка засияла. Как это было давно, но это было, было!

— Наташ, если надо, ты иди и не волнуйся! Костик проснется, есть запросит, покормлю. Меня как ударную молочную ферму использовать можно. Вика моя не жадная, поделится!

От слов рыженькой подруги дочери Ирина встрепенулась, как от удара молнии:

— Ты дочку Викой назвала?

Яна, ловко прихватив на руки сразу двух младенцев, плюхнулась на скрипучий диван и озарила комнату счастливой улыбкой:

— Наташа посоветовала! Вика-Виктория, а значит — Победа!

В больничном коридоре было тихо. Ирина сквозь прозрачные двери наблюдала, как Наташа склонилась над постелью мужа, взяла его за забинтованную руку и беззвучно шевелила губами. Казалось, эту картинку она уже видела, но в другой жизни. Хотя и происходило это чуть больше года назад. Только тогда все было наоборот, лежала как раз Наташа, обвитая со всех сторон проводами капельниц, а Иван сидел рядом. Лечащий врач был настроен вполне оптимистично. Объяснил сложившуюся ситуацию доходчиво и спокойно. Сильный удар, полученный на пожаре, стал причиной перелома в грудном отделе позвоночника с частичным повреждением спинного мозга. Ожоги лица, рук и спины 2-3 степени сейчас лечат хорошо. Берут пласты кожи с бедер, пересаживают на поврежденную поверхность. Шрамы, конечно, остаются, но жить совсем не мешают, так что угрозы для жизни нет. Мужчина молодой и сильный, но, видимо, остаток жизни ему придется провести в инвалидном кресле. И родным надо с этим смириться!

В машине они ехали молча. Наташа долго смотрела в окно, потом тихо произнесла:

— Почему с нами все это происходит?

— Бывает. Черная полоса. Пройдет,— ответила Ирина.

— Нет, я думаю, все не так. Мы в чем-то виноваты, за это и наказание! Только никак понять не могу, за что?

— Перестань, что за идиотская мистика! — резко бросила Ирина.

До самого Наташиного дома они молчали. И, лишь выходя из машины, молодая женщина задумчиво проговорила:

— Я недавно книгу одну читать начала. Там так и сказано: «Аз воздам»! Если переименовать, получится, расплата за содеянное к тебе рано или поздно все равно придет!

— А как книжка называется? — неохотно поинтересовалась Ирина.

— Библия.

Дочь ушла, а Ирина еще долго сидела у темного, лишеного местной шпаной фонарей, подъезда и повторяла про себя одно: «Я ни в чем не виновата, я все сделала правильно!»

Кузьма поставил машину под развесистыми ветками зеленой дворовой поросли. Место для засады было выбрано отличное: я всех вижу, но для

окружающих незрим. Ждать пришлось долго. Ольга спустилась в подвал обычного дома и пропала на добрых три часа.

Кузьма терпеливо ждал, спешить было некуда. Он прямо сердцем чуял, разгадка и ответы на все вопросы где-то здесь, совсем рядом, только руку протяни.

Почему девчонки, такие дружные между собой, насмерть переругались? Кто он, этот подросток несуразный, что в любую погоду в черном дурацком балахоне разгуливает?

Наконец в сопровождении невзрачной дамочки в сером костюмчике, появилась Ольга. Женщины тепло расцеловались, Оля села в машину и уехала. Ее знакомая спустилась в подвал. «Пора!» — решил Кузьма.

— Есть кто живой? — громко выкрикнул он, остановившись в холле, по стенам которого были развешаны разноцветные плакаты с мерзкими рожами чертей, вампиров и прочей нечисти. Скрипнула дверь, и из темноты выглянула «серенькая».

— Вы ко мне по записи?

— Я по личному.

— Тут все по личному. Заходите!

В сумрачной комнате было душно. То ли оттого, что плотные шторы на окнах не пропускали сюда ни одного лучика уличного света, то ли от бесчисленного количества расставленных повсюду зажженных свечей и дымно смердящих ароматных индийских палочек. Кузьма звонко чихнул и достал из нагрудного кармана красненькую книжечку. Вытянув руку, издали продемонстрировал сидящей в глубоком кресле женщине служебное удостоверение:

— Майор МВД, Кузминков Андрей Михайлович!

Хозяйка странной квартиры даже не пошевелилась, только еле слышно проговорила:

— В отставке?

— Почему вы так решили?

— Погоны на плечах не светятся.

Кузьма с сомнением покосился на плечи своего пиджака, затем решительно выложил на стол фотографии, которые передал ему следователь Сегинюк:

— Кто этот юноша? И кем он вам приходится?

Женщина, не глядя на снимки, провела над ними узкой ладонью. Кузьма внимательно за ней наблюдал. Тетка, как тетка, ничего особенного! На вид лет тридцать, может, чуть больше, темные волосы собраны в пучок, лицо бледное, без косметики. Только глаза блестят странно, но это, скорее всего, от свечек. Вон сколько их тут понатыкано!

— Это — мой племянник Алик. Мой брат и его жена — сильно пьющие люди. Вот он ко мне и прибежал, жить попросился.

— А где он сейчас?

— В школе.

— Как учится?

— Учится.

— А по химии?

— Вы в департаменте образования подрабатываете?

Кузьма разозлился. Ишь, фифа какая, сидит и черт-те знает что из себя строит!

— Я по поводу пожара в квартире Натальи Денисовой и ее мужа. Что вы можете сказать о случившемся?

Зычный, командный голос не произвел на женщину никакого впечатления. Она все так же, прикрыв глаза, возлежала на спинке мягкого кресла и пробормотала что-то совсем невнятное: «Злой умысел был, установки на смерть не было. Детская дурость, сами не понимают, что творят!»

— А вы сами-то понимаете? Это поджог! Женщина и ребенок чуть не погибли! Мне обе эти девчонки, Ольга и Наталья, как родные! А за мать их я голову под топор положу! Если с ними хоть что-нибудь плохое случится, никому мало не покажется!

Кузьма раздраженно зашагал из угла в угол. Сердце надрывно стучало и настойчиво требовало у своего хозяина поскорее уйти из этого проклятого места на свет и на чистый воздух. Женщина приподнялась с подушек, внимательно посмотрела на него и сказала:

— Дай мне руку, майор!

Кузьма и сам не ожидал, как послушно остановился посреди комнаты, опустил на низенький стульчик и протянул раскрытую ладонь. Горячие руки обхватили ее с двух сторон:

— Сердце болит, тянет. Много ты пережил: друзей хоронил, людей убивал. Тебе предписано было: «Сражайся, защитник, за правое дело!» А ты что со своей жизнью сделал?

— Да нормальная у меня жизнь, как у всех, — вяло пробурчал Кузьма.

— Пропустил ты свою жизнь, майор, мимо: ни семьи, ни детей. С дочками ее все будет в порядке, никто не пострадает. А вот она... она...

Кузьму словно током долбануло, и он с ненавистью выкрикнул:

— Хватит вашего шаманства! Пока не поздно, лучше племянника своего на цепь посадите! Скоро к вам следователь вполне официально придет!

Уже захлопывая с силой дверь в ненавистное пристанище проклятой ведьмы, он услышал шелестящий вздох в спину.

— Береги себя, майор...

Ванда, тяжело покачиваясь, добрела до дивана и почти упала на него. За что ей все это, почему ей дан этот дар-проклятие! Последняя картинка, после которой майор разозлился и закричал, зависла в ее мозгу, как изображение на мониторе пораженного вирусом компьютера. Молодая, невысокого роста женщина, выглядывала из-за крепкого мужского плеча. Вот она шагнула вперед, в нее прицелено уставились несколько пистолетов. Опять пистолет, только теперь его берет женская рука с изысканным маникюром и кладет в элегантную сумочку. Рука в перчатке тонет в манжете из пушистого меха, сжимает пистолет. Оружие стреляет один раз, потом второй. А потом, безумный крик Ольги: «Женя, Женечка, что с тобой? Мама, пусти меня к нему, пусти!»

Ванда зажала уши, мозг разрывало на части. Мелькали незнакомые лица, люди плакали, носились по комнате, на полу лежал труп молодого, красивого мужчины. Ванда знала, пока она не доставит информацию по назначению и не доведет ситуацию до ее логического конца, это не прекратится и в покое ее не оставит. Держась двумя руками за голову, она с трудом доковыляла до телефона и набрала номер:

— Оля, ты дома? Я сейчас приеду!

Ольга искренне обрадовалась позднему визиту подруги.

— Я ключ от кабинета достала. А мама сегодня так спешила, что даже забыла дверь запереть!

Ванда, не слушая подругу и не раздеваясь, кинулась к лестнице, ведущей на второй этаж.

— Пойдем быстрее, у меня Не могу объяснить! Пойдем!

Они вошли в просторную комнату, обставленную в классическом английском стиле. Ванда остановилась прямо посреди комнаты на пушистом ковре ярко-василькового цвета, а Ольга замерла в дверном проеме.

— Это случилось здесь? — спросила Ванда и, когда Ольга кивнула, закрыла глаза.

Голубой ковер под ногами растаял, на паркете лежал мужчина. Он был еще жив. Одной рукой зажимал окровавленный живот, а вторую с зажатым в кулаке пистолетом наводил на кого-то невидимого, стоявшего у дверей.

— Сука, что ты наделала, сука! — хрипел он.

Ванда сама не поняла, как очутилась за массивным, дубовым письменным столом. Провела ладонью по гладкой столешнице и почувствовала запах дорогого мужского одеколona и виски.

— Ты что-то увидела, скажи? — стоя в дверях, изнывала от нетерпения и возбуждения Ольга.

— Подожди, подожди.....

Запах алкоголя становился сильнее, у Ванды все поплыло перед глазами. Муж Ольги, которого она помнила по фотографиям, сидя за столом, отхлебывал виски прямо из горлышка бутылки и сосредоточенно рылся в ящиках. Поднял свое красивое лицо и глумливо ухмыльнулся:

— Не желаете ли выпить на брудершафт, мадам?

Ванде стало до боли противно и тошно, захотелось сделать все возможное, только бы этот хам перестал так нагло скалиться. Рука сама скользнула в карман, который тяжелым металлическим грузом оттягивал пистолет...

Ирина вернулась домой, всю дорогу она поганой метлой отгоняла от себя темный пессимизм. В конце концов ничего не произошло! Мало ли что в книжках пишут, это пусть Наталья, с ее склонностью к мистицизму, читает и забавляется, а Ирина на земле живет и в облаках не витает!

Дверь в кабинет была открыта. На пороге, нерешительно переминаясь с ноги на ногу, стояла дочь Ольга. А за ее рабочим столом, закрыв глаза, восседала бледная как мел незнакомая женщина.

— Что здесь происходит? — рявкнула Ирина.

Дочь от неожиданности вздрогнула, дернулась всем телом:

— Мама, это ты! Напугала!

— Я тебя спрашиваю, кто эта женщина?

— Подруга моя, Ванда.

Ирина шагнула в кабинет, подтолкнув дочь в спину, и с размаху захлопнула дверь. Женщина вскочила из-за стола, закрыла лицо руками и, задыхаясь, быстро заговорила:

— Выстрел! Нет, было два выстрела!

Ирина грозно надвигалась на непрошенную гостью:

— Объяснитесь сейчас же, что вы искали в моем столе?

А та, все так же прикрывая глаза руками и покачиваясь, как сомнамбула, двинулась ей навстречу. Остановилась напротив Ирины, распахнула невидящие, почти безумные глаза и прошептала:

— Что же вы наделали? Как вы жить после этого можете?

По спине у Ирины побежали ручейки холодного пота. Сжав зубы, чтобы не слышала стоящая в дверях дочь, она прошипела:

— Заткнись!..

Белесые глаза уставились на нее в упор. В них не было ни страха, ни боли, только неоспоримое и безапелляционное знание тайны, которую ни одному из смертных знать было не положено.

— Я вижу, вы не хотели... Но дочь вас никогда не простит... — Завладев рукой Ирины, Ванда приложила ее к своему животу: — Ему было очень больно, вот здесь...

Ирина была готова закричать, кинуться на эту сумасшедшую, вцепиться ей в горло зубами, только бы она замолчала, заткнулась и не произнесла больше ни слова.

— Пошла вон из моего дома! — только и смогла прохрипеть она.

— Мама, ты что?! — Возмущенная поведением матери, Ольга кинулась догонять убегающую в смятении подругу.

Она практически скатилась по лестнице, у самых входных дверей изловила Ванду, схватила ее за плечи:

— Кого, кого ты увидела?

Ванду колотило мелкой дрожью, зубы у нее громко стучали.

— Это она...она...она...

— Кто она? Скажи!

Ванда с силой дернула на себя входную дверь, та открылась; одновременно от порыва ветра распахнулась створка приоткрытого окна и громко стукнулась о стену. Стекло зазвенело, задребезжало, но не разбилось. Ванда захлопнула дверь, уперлась в нее лбом и повторила:

— Она!

На площадке второго этажа появилась Ирина. Вид у нее был совершенно спокойный и величественный. Казалось, это мелкое происшествие абсолютно не нарушило ее обычное душевное равновесие.

— Вы еще здесь? Мне охрану позвать или лично вас за порог выкинуть? — вежливо проговорила она.

Ольга, затаив дыхание, проследила за остекленевшим взглядом Ванды, которым та взирала на мать, стоявшую на лестнице, и на ее беззвучно шевелящиеся губы. То, что произносила ведунья, угадать было несложно. Слова были короткие и простые: «Она...она.. она..»

У Ольги подкосились ноги. В голове разорвался огненный шар и изверским огнем напалма опалил все внутренне пространство души и тела.

«Мама! Мама? Этого не может быть!» — подумала она.

В наследство от папы Ольге достался цепкий аналитический ум и умение выстраивать четкую логическую цепочку последовательных событий. Все утро она провела в прихожей, открывала и закрывала дверь. Сопоставляла векторный угол открытия оконной створки и силу дуновения ветра. На допрос была вызвана горничная Светик. Глупая девчонка, которая искренне полагала, что голова предназначена для ношения бигудей, беспрестанно хныкала и пускала слезу:

— Ой, зачем об этом вспоминать! Мы все такого страха натерпелись!

Ольга раз сто переспросила, как было открыто окно, раз двести распахнула дверь, демонстрируя, как она заходит с улицы, но оконная рама оставалась в девственном покое.

— Да не помню я! На улице сильный ветер был, когда Ирина Александровна пришла, дверью хлопнула, от сквозняка окно и разбилось, — страдальчески ныла Светик.

Как свидетель она была бесполезна, поэтому с позором отправлена пылесосить домашнее пространство.

Ближе к вечеру погода окончательно испортилась, стало пасмурно. Ольга устало оперлась лбом о дверь, в последний раз раздраженно и резко дернула ручку на себя. Из приоткрывшейся щели холодный сквозной ветер ворвался в прихожую и врезал хлесткую оплеуху оконной раме. Стекло обиженно взвизгнуло и зазвенело. Ольга чуть было не вскрикнула. Она топографически точно повторила ту самую мизансцену, в которой прошлым вечером замерла насмерть напуганная своим видением Ванда. Тут же услужливое подсознание напомнило: в ту страшную ночь ей было ужасно плохо, мучил токсикоз. Она проснулась и пошла в ванную комнату, умыться холодной водой. Внизу на втором этаже, в кабинете, слышны были шаги и мамин голос, она еще подумала: «Сколько же работать можно?»

Из обрывков воспоминаний и случайно брошенных фраз мозаично складывалась предполагаемая картинка реальных событий. Значит, мама тогда не пришла, а, наоборот, уходила! Убила его и кинулась бежать! Что же ты наделала, мама! Безвольно опустив руки, Ольга стояла посреди большого и красивого дома. Дома, где ее предал самый близкий человек, безжалостно отнял смысл и радость жизни. Жестоко растоптал и сознательно уничтожил ее саму и ее будущее.

Ирина, как обычно, вернулась поздно. В столовой, стуча тарелками, сосредоточенно накрывала на стол Ольга.

— Добрый вечер, мамочка! Устала? Садись быстрее, пока все горячее!

Дымящаяся уха в супнице, греческий салат с креветками, расстегай с семгой — все было такое красивое, ароматное и аппетитное.

— Нина Петровна еще не вернулась, к урологу в поликлинику отпросилась. Светик на дискотеку убежала. Теперь я буду за тобой ухаживать!

Ирина залюбовалась, как умело обращалась дочь со столовой утварью. Сама она нехитрой наукой ведения домашнего хозяйства так и не овладела, все на работе, да в делах. Образ жизни вела почти мужской: она — защитник, охотник и мамонта добытчик! Дочь нарядилась в светлое платье с оборками и стала такой юной, воздушной, кажется, дунь на нее, и взлетит. Оля присела рядом и заботливо пододвинула салфетки.

— Как Вадик? — спросила Ирина, приступая к еде.

— Хорошо. Няня его покормила, сейчас купать будет, — сказала Ольга и печально опустила уголки губ: — У меня уже два месяца молока нет. Я тебе говорила, но ты, конечно, была очень занята и наверняка не помнишь.

Ирине стало стыдно. Действительно, с этим торгово-развлекательным комплексом совсем замоталась, дальше своего носа ничего не видит. Ольга принялась ее успокаивать, ласково и осторожно закурлыкала. Няня Вера — профессионал, и с малышом прекрасно справляется. А ребенок такой маленький, такой хрупкий, к нему и подойти-то страшно. Пусть подрастет немножко, говорить начнет, вот тогда она за воспитание и возьмется.

— А если он, как говорить начнет, няню мамой называть станет?

— Ой, мам, насмешила! Маму ни с кем не перепутаешь, — развеселилась Ольга. — Я вот что хотела спросить, ты непротив, если я на работу в бухгалтерию выйду? Скучно дома без дела сидеть. Пока Иван болеет, я могла бы его заменить.

Ирина задумалась. С одной стороны, она обещала место коммерческого директора за Иваном сохранить. Но, с другой — стройка торгово-развлекательного комплекса идет полным ходом, поставщики оплату материалов ждать не любят, а в бухгалтерии девчонки подобрались, одна моложе другой, глаз да глаз за ними нужен! Дочь лучшей студенткой курса была, красный диплом получила, как финансовый аналитик и программист во многом помочь может. А около денег родного человека держать надо!

И она согласилась. Ольга радостно взвизгнула, захлопала в ладоши и крепко расцеловала мать в обе щеки.

— Очень приятно видеть тебя прежней, довольной и веселой! Спасибо за ужин, Оленька!

— Пожалуйста, мамочка! Я для тебя все сделаю! Ты, да я и наша «ВИКА» — мы ведь победители! Правда?

На работе Ольгу встретили хорошо, но это радужное чувство быстро рассеялось.

Вместо резвушки и хохотушки Оленьки к ним вернулся совершенно другой человек. Ольга Вадимовна к дружескому общению была не склонна, одевалась строго, выкрашенные в темный цвет волосы гладко зачесывала назад. На вопросы о ребенке не отвечала. Чаепития и ненужные разговоры во время рабочего дня резко пресекала. Сотрудники финансового отдела и бухгалтерии ее побаивались. Она могла накричать, выговором или штрафом «наградить». Общественное мнение решило, что после родов она еще в состоянии стресса находится, к тому же и вдова.

Ольга вошла в бухгалтерию и грозно прикрикнула на присутствующих:

— Опять посиделки устроили! А работать кто будет, дядя? Быстро прибраться и по местам!

Сотрудницы моментально притихли и, давась только что разлитым по чашкам чаем, побежали к своим рабочим столам. Ольга уселась у монито-

ра головного компьютера и, напряженно уставившись в дисплей, бегло прошлась по клавиатуре. На мониторе выплыла страница платежных поручений на перевод денежных средств по системе «Банк-клиент».

— У нас программа автоматизированного бухучета по-прежнему «Галактика»?

Девушка в ярком платypiце с готовностью оторвала голову от компьютера:

— Да, Иван Геннадьевич хотел программу «Бест» установить, но не успел. А что?

— Ничего. Работай, не отвлекайся.

Для себя Ольга все решила окончательно и бесповоротно, обратного пути не существовало.

Накануне она зашла навестить Ванду и застала подругу за тотальным приготовлением к отъезду.

— Из полиции приходили, подозревают Алика и его компанию в поджоге квартиры твоей сестры, — объяснила Ванда.

— Я его об этом не просила!

За закрытыми дверями своей каморки горько всхлипывал Алик. Мальчишка был посажен под домашний арест до самого отъезда.

— Знаю, — пожала плечами Ванда, — но все равно решила уехать, кроме него у меня никого нет.

Ольга заплакала, у нее тоже никого не осталось. Мать — убийца! Сестра предала! Ребенок совсем чужой! Друзья, на которых можно было опереться, уезжают.

— Это я виновата! Не надо было тебе ничего говорить. — Ванда села рядом с плачущей подругой, нежно провела рукой по ее распущенным темным волосам.

Ольга осторожно заглянула ей в глаза, светящиеся белым пламенем вечности, и тихо прошептала:

— У меня тоже никого нет! Я с вами поеду, можно?

— Если хочешь...

— Хочу!

Из своего чуланчика тонким, надломленным фальцетом заголосил Алик:

— Здорово! Мы будем настоящей магической силой! Тетя Оля, у вас тоже способности настоящей ведьмы есть, я точно знаю!

— Только подождите совсем немного, у меня один должок перед родней остался, — сказала Ольга.

Она была настоящей маминой дочкой. А та сызмальства их учила: «Долги надо всегда отдавать, и никому ничего не прощать». У каждого есть уязвимое место, та точка, куда можно нанести удар, и станет по-настоящему

больно. Ольга знала, «ВИКА» — вот что для матери дороже всего на свете! Дороже дочери, внуков, любви и всего остального!

«Тебе будет больно, очень больно, мамочка, это я тебе гарантирую!» — мстительно повторяла она про себя.

Сигнал SOS поступил из бухгалтерии после обеда. Ирина срочно поспешила к месту бедствия. Системный администратор ползал под столами среди извилистых кабелей проводов и яростно чертыхался. Сотрудницы в смятении толпились вокруг и возбужденно стрекотали.

— Посылаю платежное поручение на перевод денежных средств с электронной подписью по договоренности с банком, а расчетный счет выдает окошечко: «Операция не возможна, недостаточное количество денег!» Такого раньше никогда не происходило!

— И у меня то же самое с поставщиками арматуры!

— А у меня вообще паранойя какая-то! Я зарплату вчера еще начисляла, а сейчас банк пишет, что у нас нулевой баланс, и мы в минусе...

По всему выходило только одно: компания «ВИКА» — банкрот! Все можно было бы списать на сбой в системе, но специалист настойчиво утверждал: «Все в порядке! Глюка нет!» Ольга тоже непонимающе разводила руками — мол, что она может знать, всего пару дней, как на работу вышла! Ирина приказала приостановить все финансовые операции. Дочери дала указания связаться с их банками и проверить наличие «живых» денег на текущих счетах, а персоналу настоятельно порекомендовала прекратить истерику и не произносить слово «банкрот» даже мысленно. Чьих это рук дело, и откуда ветер дует, она даже не сомневалась. Многоуважаемый мэр объявил войну, и вот они, первые эскапады! Она ураганом влетела в свой кабинет и схватилась сразу за две телефонные трубки.

В мембране одной зажурчал мелодичный голос Наташи:

— Привет мама! Как дела?

— Замечательно! Скажи, как Иван себя чувствует?

— Он у меня совсем молодец! Уже в кресло пересел, теперь каждый день гуляем.

— Может, завтра до нас прогуляетесь? «ВИКА» очень в нем нуждается!

На второй линии нетерпеливо дышала журналистка Маша. На требование Ирины устроить ей эфир в программе местных новостей, чтобы сделать экстренное и официальное заявление, она восторженно завизжала:

— Если это будет бомба, для вас все что угодно! А когда нужно?

— Сегодня и прямо сейчас! — рявкнула Ирина.

Телевизионная братия кружилась вокруг Ирины, словно пчелки над душистым бутоном. Кто-то пудрил носик, кто-то лилейно протягивал проводки микрофона, ведущий подкладывал поближе только что отпечатанные листы текста с вопросами, осветители направляли свет. Продюсер бесконечно приседал в глубоких и почтительных реверансах.

— Ирина Александровна, я ваш давнишний поклонник, очень рад знакомству! Как только Маша рассказала о вашем заявлении, я сразу понял — это будет бомба!

Журналистка Маша сияла, как начищенный медный таз. Это была ее тема, ее победа, а значит, почет и уважуха только ей причитаются! Для себя она решила переключиться на политическую журналистику, вот где настоящий смак, бурление страстей и полно скелетов в шкафу.

— Готовность номер один! Ирина Александровна, вы не волнуйтесь, это запись, переснять всегда можно! А потом уже готовый сюжет в вечерние новости вмонтируем. Ну, поехали! — бодро командовала она.

Ирина говорила спокойно и четко, доброжелательно и просто. Изначально она отказалась от предложения участвовать в выборах на пост главы городской администрации, так как, будучи совершенно не амбициозной, никогда не стремилась занимать высокие посты и быть у власти. Но последние события заставили ее задуматься и поменять свою точку зрения. До боли огорчает, как обстоят дела в городе! Администрация совсем не уделяет внимания важнейшим социальным вопросам. Многие школы и больницы нуждаются в капитальном ремонте. Совсем нет детских площадок, никто не занимается организацией досуга подростков, а ведь дети — это наше будущее! Это не может не возмущать неравнодушного человека, и именно это прекрасное качество позволит ей стать хорошим мэром! Последний аккорд был красив и значителен. Ирина отвернулась от ведущего и пристально посмотрела в объектив камеры:

— Уважаемый, Петр Ефимович, надеюсь, вы меня слышите? Я даже уверена, что это именно так! Приглашаю вас завтра встретиться здесь, в студии, и во всеуслышание обсудить наболевшие проблемы. Это, безусловно, будет очень интересно для наших избирателей!

Конечно же, многоуважаемый мэр Петр Ефимович ее слышал. Он долго матерился и проклинал зловредную бабу, которая вознамерилась сместить его с поста, а проще говоря, с хлебного места подвинуть. В его приемной уже звонил телефон, и вежливый, вкрадчивый голос телевизионного продюсера настойчиво интересовался, намерен ли он принять участие в завтрашней политической дуэли. Отказываться было категорически нельзя. Все решат — испугался!

Ирина с самого утра была в приподнятом настроении, все складывалось так, как она хотела! Правда, в офисах компании «ВИКА» царило затишье, все ждали приезда Ивана и возлагали великие надежды на его «золотую» голову. И еще почему-то дочь Ольга на работу не вышла, но Ирина не придала этому большого значения. Сейчас не это главное, после тотального разгрома ее кровного врага все встанет по своим местам.

Времени на организацию телевизионной дискуссии было совсем мало, но журналистка Маша, рассчитывая на будущие дивиденды, расстаралась на славу. Домой ночевать она не уходила. Съёмочный павильон был украшен фотографиями оппонентов, плакатами с патриотическими слоганами, воздушными шарами белого, красного и синего цвета. Телевизионное руководство предусмотрительно предоставило три камеры, при любом исходе событий победивший обязательно вспомнит об их добровольном содействии. Визажисты разрисовали Ирину как голливудскую звезду и выделили отдельную комнату-гримерку.

Единственный, кого бесконечно раздражал весь этот цирк с телевидением и ток-шоу, был Кузьма. Сидя за спиной прихорашивающейся перед зеркалом Ириной, он мрачно листал газету и ворчал:

— Почему ты решила, что этот сбой в бухгалтерии он организовал?

— А кто еще? У меня других врагов нет! Мне его пост на фиг не нужен, но многоуважаемому мэру его выходки просто так с рук не сойдут! — Ирина подняла на него глаза, кажется, даже чуть-чуть улыбнулась: — Я красивая?

— Для меня ты всегда самая красивая. — Кузьма положил ей руки на плечи и поцеловал в макушку. — Ира, остановись, пока не поздно! Не буди лихо, пока оно тихо!

Она нахмурилась и нетерпеливо дернула плечами.

— Убери руки, блузку помнешь!

На ток-шоу люди ходят по двум причинам: дома нечем заняться, а иногда и деньги небольшие приплачивают. Но в данном случае все было обставлено так, что каждый человек своим присутствием в студии подтверждал правильно выбранную гражданскую позицию. В центре павильона, на возвышении, напротив друг друга восседали мэр и Ирина. Маша с микрофоном свободно передвигалась по площадке. Три камеры были расположены, как боевые тактические орудия: одна прицельно снимала Ирину, другая направлена на мэра, третья брала общий план и сидящих за перегородкой гостей студии. Маша воинственно покрикивала в микрофон, отдавала последние распоряжения. После команды: «Мотор!» представление началось. Для начала она, легко и играючи, совершила небольшой

исторический экскурс в босоное детство оппонентов. Выяснилось, что Петр Ефимович рос очень спокойным ребенком, любил читать, занимался в кружке авиамоделирования, летом ездил в пионерский лагерь. Там его всегда выбирали председателем: октябрятской «звездочки», совета отряда, пионерской дружины. Так постепенно малыш понял, его призвание — быть руководителем! Комсомольские и партийные ячейки пришли чуть позже.

— Так вы профессиональный функционер! Конечно, те славные застойные времена я, учитывая малолетний возраст, помню плохо, но слышала, что это давало массу привилегий: спецснабжение, поездки за границу, валюта...

Маша, как и полагается беспристрастному журналисту, с ходу напомнила зрителям недавнюю историю, как славный комсомолец приторговывал нижним бельем.

В зале дружно засмеялись, а она развернулась в сторону Ирины:

— А как, Ирина Александровна, обстояли дела у вас?

— Я, Машенька, никакого антагонизма к красивому женскому белью не испытываю. Правда, в детском доме, где я росла, для нас это являлось скорее мифом или научной фантастикой.

— И вы мечтали разбогатеть?

— Я мечтала быть счастливой! После окончания школы выбор у нас с друзьями был небольшой. Поступили в строительное ПТУ, трудились на стройках нашего города. Многие и сейчас действующие объекты я помню с момента закладки фундамента.

Тема была затронута интересная. И плавно подводила к вопросу, как профессиональный строитель может оценить сегодняшнее коммунальное состояние города. По мнению госпожи Денисовой, вся инфраструктура находится в плачевном состоянии, нигде не чувствуется хозяйской руки. За последнее время обновили небольшую часть автомобильных дорог но, по странному стечению обстоятельств, только тех, которые ведут из загородных частных резиденций в сторону мэрии и префектуры.

Послышались дружные и возмущенные голоса народных масс.

— Да как вы смеете такое говорить! — Петр Ефимович покраснел, на лбу у него выступили бисерные капельки пота.

— И это только единичный случай, а если разбираться более детально, на что уходят деньги налогоплательщиков, я думаю, нас ждет масса интересных открытий! — безжалостно добила противника Ирина.

Будущая «акула политического пиара» Маша выскочила на середину площадки и примирительно замахала руками:

— Брейк, брейк, уважаемые господа! Петр Ефимович, чем предпочитаете в оппонента плеснуть — водой или соком?

Бедняга мэр только и успел набрать воздух в легкие для достойного и конструктивного ответа, но Ирина его опередила:

— Петр Ефимович предпочитает красным вином! В последнюю нашу встречу целую бутылочку «Божоле» уговорил!

Народ в зале заливисто ржал. Надо же, «Божоле» какое-то неведомое бутылками трескает — пьянчужка! А ты пойдешь в «Ночнике» водочки паленой купи, разом к народу ближе станешь!!

Маша, отсмеявшись удачной шутке вместе с залом, повернулась на камеру, профессионально и звонко отрапортовала:

— И на этой оптимистической ноте мы прерываемся на рекламу! Не переключайтесь, оставайтесь с нами!

После окончания ток-шоу Ирину взяла в плен пишущая братия. Прижимая к себе пышный букет цветов, она похлопывала ресницами и доверительно вещала в многочисленные поролоновые груши микрофонов:

— Мне всегда казалось, человек, облеченный властью, имеет не только права, но и очень серьезные обязательства. Он должен быть примером, эталоном для своих сограждан. Только в этом случае он может рассчитывать на поддержку и уважение!

Расталкивая коллег локтями, слева нарисовалась Маша:

— Вы его порвали, как тузик грелку, даже жаль старика. Рейтинги сумасшедшие! Считайте, что на выборах вы уже победили!

Ирина лишь снисходительно улыбнулась.

— Вы подумайте о предвыборной кампании, я вам такой пиар организую — земная твердь закачается! — уже убегая, прокричала Маша.

Мимо мрачно прошагал мэр со свитой, исподлобья недобро зыркнул на Ирину. От такого многообещающего взгляда, прихватив смену белья, срочно полагается бежать за границу или в ближайшем лесу на время спрятаться. Ирина в ответ победно ухмыльнулась.

— Живьем бы тебя сожрал, — прокомментировал Кузьма.

— Подавится!

Сотовый телефон небрежно затренькал. Наташа поинтересовалась, как все прошло, попросила срочно приехать. По ее словам, Иван разобрался, в чем причина финансового сбоя, и это очень серьезно. Звонок, настойчиво пробивающийся по второй линии, был Ирине не знаком, номер не высветился. Металлический голос, скрипящий и каркающий, несколько раз повторил всего лишь одну фразу:

«Ты пожалеешь об этом, сука! Берегись!»

Кузьма, прослушав запись, даже говорить ничего не стал, взялся за рацию и отдал приказ объявить ситуацию «Альфа» и удвоить охрану объекта. — Это я, что ли, «объект»? — слегка оскорбилась Ирина.

Начальник службы охраны компании «ВИКА», майор Кузминков, в ответ только раздраженно рукой махнул.

В бухгалтерии компании «ВИКА» Ирину ожидал коммерческий директор. Смотреть на Ивана было больно и страшно. Приходящие поприветствовать его сотрудники дружелюбно улыбались, но, почти неосознанно, старались отвернуться. Лицо покрыто шрамами, один глаз почти полностью закрыт нависшим веком, деформированным в толстый рубец, руки по-прежнему в бинтах, на них следы крови — видимо, каждое, даже небольшое физическое действие причиняло беспокойство еще не до конца зажившим ранам. Вокруг его кресла порхала Наташа, все время что-то заботливо поправляла, и, казалось, внешний вид мужа ее совершенно не волновал. Иван смотрел на жену грустными, благодарными глазами. Уже несколько раз предлагал развестись, чтобы она свою молодую жизнь с мужем-инвалидом не калечила. Наташа сердилась, даже слушать отказывалась такие несусветные глупости.

— Кто это? — едва успев войти, с порога резко задала вопрос Ирина.

Иван принялся обстоятельно объяснять сложившуюся ситуацию, легко жонглируя заковыристыми техническими и экономическими терминами. Ирину почти потряхивало от нетерпения.

— Слушай, давай простыми русскими словами! Я все-таки математических вузов не заканчивала!

Иван, повздыхав, осторожно почесал кончик носа и перешел на более доступный язык, для «чайников». Безусловно, это настоящая диверсия, но настолько хитроумная, что даже он не сразу разобрался.

В бухгалтерии установлена общая сетевая программа. С головного компьютера можно отслеживать все текущие финансовые операции, и, пока они не завершены, грамотный программист может влезть в пароли любого компьютера и самостоятельно внести переадресацию денежных средств. Платежное поручение с электронной подписью уйдет совершенно другому адресату, и никто этого не заметит. След, конечно же, останется, и, зайдя на сервер, можно проследить последние операции, но не в данном случае. В этом-то и фишка! Все по-настоящему прошедшие платежные поручения были удалены, а на их место размещены фиктивные копии.

Ирину волновала вовсе не оригинальность аферы, а предполагаемый ущерб. Когда Иван на листке бумаги начертил многоугольную колонку цифр, она охнула и схватилась за голову. Сумма являла собой практически весь уставной капитал компании «ВИКА».

— Кто, кто эта гадина?!

— Ирина Александровна, это мог сделать только один человек! — низко опустил голову Иван. — Тот, кто работает за головным компьютером, через кого проходят все финансовые потоки, кто свободно владеет программированием и очень талантливый математик.

— Что ты молчишь? Кого мне на котлеты пустить?! — уже в голос кричала потерявшая остатки терпения Ирина.

Иван поднял на нее изуродованное огнем лицо, в единственном уцелевшем глазу сквозили боль и отчаяние.

— Да говори же ты, наконец, кто этот гений? — простонала она.

— Ольга. Простите, Ирина Александровна, но это правда.

Ирина замолчала. Имя дочери прозвучало просто и почти обыденно. Только в голове никак не укладывалось, что Оля, Оленька, любимая доченька, золотая девочка с умненькой головкой и есть виновник краха дела всей ее жизни. Что это именно она тот человек, совершивший изощренное, преднамеренное и подлое предательство.

«Этого не может быть! Надо скорей бежать, встретиться с дочерью, поговорить! Наверняка произошла какая-то дикая случайность или нелепое совпадение». Не прощаясь, она схватила пальто и выскочила за дверь.

Уже на улице ее изловил Санек. Практически повис на подоле пальто, басовито и возмущенно заголосил:

— Ирина Александровна, вы куда? Кузьма ситуацию «Альфа» объявил! Вас одну даже в душ отпускать не полагается! Хорошо, я по монитору увидел, как вы убегаете!

Афганец Санек, хоть и раздобыл за последнее мирное время, но службу свою знал, нарушение приказа для него было то же самое, что грех кровосмешения. Спорить с ним было бесполезно!

— Мне домой срочно нужно! Поехали! — взмолилась Ирина.

Со стоянки уже бежал отошедший не вовремя за сигаретами молодой водитель Толик.

Машина летела по трассе со скоростью 180, но Ирине, казалось, они еле тащатся. В голове все дымилось от сумбурных мыслей и предположений. Логика подсказывала, Иван прав, только дочь, с ее навыками и данной распорядительной властью, могла совершить эту вероломную и наглую махинацию. Разум соглашался, но сердце упрямо твердило: «Нет, нет, этого не может быть, потому что не может быть никогда!»

— Если сейчас из-за кустов патрульные выскочат, мне кранты, — жалобно поскуливал водитель Толик.

Но вместо инспектора ГИБДД им навстречу с проселочной дороги вывернула группа из трех мотоциклистов. Ковбои, оседлавшие железных коней, были облачены в черную кожу, лица надежно упрятаны за темными мотоциклетными шлемами. Все это выглядело нелепым и дурным сном.

— Это еще что за клоуны? — напрягся Санек.

Группа мотоциклистов быстро приближалась. Поравнявшись с машиной, один из них резко выбросил вперед руку в темной перчатке, в кулаке блеснул лакированный бок пистолета. Несколько выстрелов разорвали лобовое стекло. Толик уронил голову на руль, машину развернуло и понесло на обочину, под откос. Она воткнулась носом в землю, капот задымился, задний бампер встал торчком. Санек зажимал лицо левой рукой, между пальцами стекали кровавые ручейки, а правой, высвободив из кобуры верного «Макара», он стрелял вслепую на звук урчащих мотоциклетных моторов.

— Быстро из машины! На землю!

Ирина в самом начале перестрелки упала на пол, под задним сиденьем ногой долбанула по дверной ручке и выкатилась наружу. Вздрыбленный верху зад машины превратился в отличную баррикаду. Она на секунду выглянула наружу. Один из нападавших лежал на земле и не двигался, видимо, его настигли «слепые» пули Санька. Но два других, которые проехали чуть дальше, теперь разворачивались и, грозно урча моторами, двигались прямо на них.

— Ах, вы, суки поганые! — взревел Санек, покачнулся и упал.

Ирина лежала ничком, вдавив лицо в сырой чернозем, и судорожно соображала, что делать и как спастись. Горькая обида на дочь, разоренная «ВИКА» — все отошло на второй план, оставалось только одно, борьба за жизнь. Потому что еще не конец, и до наступления полной тишины и темноты далеко! Звук выстрелов и хриплый предсмертный мат Санька перекрыл громкий хоровой вой сирен. Несколько массивных джипов на полной скорости неслись по дороге. Двум лихим стрелкам было бесполезно сопротивляться этой огневой танковой мощи, они озлобленно палили в ответ и пытались ретироваться.

Из дверей ближайшей машины выскочил Кузьма, громко закричал:

— Ира, Ира ты где?

Она приподнялась у задней дверцы, высунула нос из своего укрытия:

— Кузьма, я здесь!

— Голову не подставляй! Я сейчас!

Видимо, нападавшим пообещали хорошую мзду, и выполнение заказа было для них делом профессиональной чести. Услышав Иринин призывный писк, один мотоциклист развернулся и направил мотоцикл туда, где она скрывалась.

Кузьма бежал быстро. Ну, может быть, не так быстро, как в молодости, когда ходили в рейды по горным перевалам Афганистана. Он почти дотянулся до Ирины, развернулся, прикрыл ее собой и с силой толкнул на землю. Выстрелили мужчины почти одновременно. Мотоциклист завалился набок, мотор его транспорта злобно пыхтел и отплевывался. Ирина, придавленная к земле сотней килограммов живого веса своего начальника охраны, жалобно заохала:

— Кузьма, какой же ты тяжелый, поднимайся!

Майор засопел, закашлялся и перекатился на спину. Ирина тяжело дышала, с жадностью хватала ртом морозный воздух. Последнего мотоциклиста тоже уложила чья-то меткая пуля, и к ней уже бежали гвардейцы из охраны.

— Ирина Александровна, вы как? Все в порядке? Не задели?

— Там Санек, помогите ему!

Кузьма лежал, прикрыв глаза, лицо у него было умиротворенное, как у человека, возвратившегося, наконец, домой после тяжелой работы. На белой рубашке растекалось кровавое пятно. Ирина потрясла его за лацкан пиджака:

— Почему молчишь? Кузьма, ты меня слышишь?

— Слышу, конечно. — Опущенные веки мужчины утвердительно дрогнули.

— Кузьма, ты ранен!

Ирина стащила с шеи шарф и промокнула кровь на его груди. Кокетливый хлопковый изыск моментально стал липким и красным. Кузьма, казалось, заснул, дышал коротко и поверхностно, лицо стало прозрачным и каким-то мраморным.

— Ребята, «скорую», «скорую» вызывайте! Кузьма, Кузьма, только не спи! Сейчас в больницу тебя довезем, доктора заштопают, залатают, будешь как новенький!

От криков Ирины он с трудом открыл глаза, даже попытался улыбнуться. По уголку рта скатилась тоненькая алая струйка.

— Кузьма, не умирай, не умирай! Как же я без тебя!

Ирина обнимала его, целовала бледные щеки и губы. По лицу у нее текли слезы, соленые капли душили, мешали говорить и дышать. Она смахивала их рукавом, размазывая по лицу дорожную грязь и майорскую кровь.

— Все-таки повезло мне, увидел, как ты плачешь, — еле слышно проговорил Кузьма.

— И заметь, из-за тебя!

— Из-за меня...

Он улыбнулся легко и счастливо, как мальчишка, которому, наконец, удалось залезть на самое высокое дерево в мире. Закрыв глаза и умер...

На место происшествия уже подъехали службы 02 и 03. Вокруг бродили сосредоточенные люди в форме, ставили ограждения. А Ирина, не обращая ни на кого внимания, рыдала в голос, уронив голову на грудь замолчавшего навсегда друга.

— Андрей, Андрей, зачем? Не надо, не уходи, не оставляй меня, Андрюшенька!

Вдоль дороги, ровненько голова к голове, лежали трупы мотоциклистов. Следователь Сегинюк склонялся над ними, вглядывался в лица, лишенные защитной брони шлемов. Санитары «Скорой помощи» грузили в машину носилки с раненым Саньком. Он стонал, но был жив. Лицо и голову ему плотно забинтовали многослойной марлевой повязкой. Тело Кузьмы тоже унесли. Ирина сидела на земле, прислонившись спиной к капоту машины, смотрела перед собой широко открытыми невидящими глазами и раскачивалась из стороны в сторону, крепко зажав ладонями виски.

Подошел Сегинюк, положил руку ей на плечо:

— Ирина, надо идти. Вы меня слышите? Давайте я вам помогу подняться!

За периметром ограждения толпилась телевизионная братия, к месту события их не пускали. Маша, словно охотничья собака, чующая свежую дичь, носилась из стороны в сторону. Кулачком она крепко пихнула в бок парня, прилипшего глазом к объективу телекамеры:

— Ты ее как снимаешь?

Оператор, не отрываясь от художественного процесса, провел ребром ладони по груди:

— Вот так, по «молоко».

— Крупняки давай, зрителям это больше нравится!

Яна и Юра сидели у телевизора. На голубом экране невысокий, но крепкий мужик взял Ирину за плечи и пытался поставить на ноги. Она шаталась и все время падала. Когда-то изысканное бежевое пальто было заляпано бурыми пятнами грязи и кровавыми разводами. Серьезный голос сдержанно рапортовал за кадром:

«Сегодня произошло бандитское нападение на президента компании «ВИКА», госпожу Денисову. В ходе перестрелки был тяжело ранен охранник, капитан Александр Пронин. Убиты водитель Анатолий Кузнецов и начальник службы безопасности компании «ВИКА», майор в отставке, герой афганской войны, Кузминков Андрей Михайлович. По факту будет возбуждено уголовное дело».

Кадры быстро менялись: черные полиэтиленовые мешки грузили в «газик», бравые полицейские рулетками мерили расстояние между машинами, люди в белых халатах столпились вокруг Ирины. Лицо ее было перепачкано кровью, в волосах клочки слипшейся грязи, глаза мертвые, взгляд стеклянный. На первый план выступила светленькая девушка. С трудом настраивая удалой и звонкий голосок на трагические нотки, она заговорила:

— Как непредсказуема жизнь! Всего несколько часов назад мы видели эту женщину у нас в студии. Ее можно было назвать победительницей! Удача, известность, богатство — все было с ней! А сейчас у нее на лице бесконечная скорбь и отчаянье! Как у всякого простого человека, перенесшего потерю. Ни один сериал, ни один, даже самый талантливый автор не сможет передать все коллизии реальной человеческой судьбы!

Репортаж вела политический обозреватель Мария Андрушевич! Не преклещайтесь, оставайтесь с нами!

В прихожей хлопнула дверь, послышался веселый голос Наташи:

— Всем привет, я пришла!

Яна промокнула заплаканное лицо подолом домашнего халата и вопросительно глянула на брата:

— Как ей сказать? Она ведь сейчас туда, к маме побежит! И так целыми днями носится как угорелая то к ребенку, то к Ивану в больницу!

— Завтра ей скажем! Пусть хоть поспит спокойно... — Юрка, нахмурившись, решительно выключил телевизор.

Воспитательницы в детском доме тоже поплакали и выключили информационного монстра, так ничего и не рассказав Александру Николаевичу. Знали, как старик-директор любит Ирину, переживать будет и совсем расклеится.

Врачи «Скорой помощи» обкололи Ирину всевозможными успокоительными снадобьями, настаивали на поездку в клинику, но она категорически отказалась. Очень хотелось вернуться домой, оказаться рядом с близкими людьми, возможно, даже пожаловаться на обрушившиеся на нее несчастья, но Ирина понимала, эти милые сердцу мечты были лишь иллюзией. Близкий друг, который мог бы понять и поддержать, лежал на холодной

цинковой полке в морге. Родная дочь, наверное, уже далеко и радуется так легко присвоенному богатству. У Наташи и Ивана своих проблем хватает. Вокруг нее лишь звенящая и бесконечная пустота!

Она вошла в свой такой красивый и ухоженный дом, везде было темно и тихо. Навстречу ей сбежала с лестницы легкая сероватая тень. Ирина, не успев испугаться, рефлекторно нажала на кнопку, и сразу вспыхнул свет. Перед ней, сжимая в руках небольшой чемоданчик, стояла дочь Ольга. У Ирины сил даже удивляться не было. Дочь немного смутилась от незапрограммированной встречи, но сразу же взяла себя в руки.

— Мама, ты сегодня весь день на голубом экране. Прямо звезда!

— Кузьма погиб.

— Знаю, мне очень жаль.

— А где все?

— Горничная уволилась, Нина Петровна в больницу с почками легла.

— А Вадик?

— Рада, мамочка, что тебя хоть что-то кроме «ВИКИ» интересует! — иронично усмехнулась Ольга. Было заметно, она очень спешит, а Ирина, стоя в дверях, преграждала ей дорогу и мешала пройти. — Няня его в клинику на прививки повезла, там и заночуют. Не волнуйся, можешь его себе забирать, в новой жизни он мне не нужен!

Ирина, покачиваясь, шагнула к дочери, но та резко отшатнулась. Видимо, вид растрепанной, перепачканной кровью и грязью матери ее пугал.

— А что тебе нужно? Деньги? «ВИКА» для меня все, а ты дело моей жизни разрушила! Зачем ты со мной так поступила?

— А ты зачем? Ты не Женю убила, а меня уничтожила! ВИКА, Виктория-победа! Победа любой ценой, по головам, по трупам! Победителей не судят! Никакого наказания им не полагается! Так ты считаешь и так живешь?

Придерживаясь рукой за стены, Ирина добрела до высокой винтообразной лестницы и бессильно опустилась на нижнюю ступеньку. Безжалостная отповедь дочери острым лезвием вошла ей в спину, боль от услышанного стала почти физической.

— Я все делала ради вас!

— Наверное, совсем не то делала.

Дорога была свободна, дверь открыта. Ольга подхватила маленький чемоданчик, из ненавистного дома она уходила налегке. Уезжала далеко, где искать ее будет бесполезно, и возвращаться назад не собиралась.

— Прощай, мам! За все рано или поздно приходится платить, не на этом свете, так на том!

После того как тихонько скрипнула дверь за растворившейся в ночной темноте дочерью, Ирина еще долго сидела без движения. Затем встала и медленно стала подниматься по лестнице. Она никогда не замечала, как много ступенек натыкано в этом навороченном произведении дизайнерской фантазии. Легко бегала по ним вверх и вниз по несколько раз на дню. Спешила на сделки, на «стрелки», на переговоры-договоры, никогда не ведя счет ступенькам, так же, как и счастливым мгновениям своей жизни. Сейчас все было совсем наоборот, каждая ступень отзывалась особым звуком, связанным с определенным днем и событием ее жизни. Вот они с ребятами, совсем малыши, здорово подрались со всей группой. Анечка в песочнице красную заколку для волос нашла, а другие девчонки ее отнять хотели! Вот они на дискотеку тайком убежали, их потом целую неделю на кухне дежурить заставили. А как смешно в ПТУ поступать пришли! Начальство хотело их по разным этажам расселить, но они все пережились, и им по закону отдельные комнаты дали. Маленькие Оленька с Наташей, держась друг за дружку, делают первые шаги. Ирина вспомнила, как они с друзьями сложили первые буквы своих имен и название «ВИКА» придумали. Как мужья, Вадик и Костя, на разборки с «братвой» ходили. Как горел взорвавшийся джип, и дочки плакали!

Она застонала и остановилась. Казалось, эта проклятая лестница никогда ни кончится! Оперлась на перила, свесила голову вниз и подумала: «Может быть, здесь и остановиться?» Дальше ведь было только хуже! Дочь Ольга совершенно права. Шла по головам, по трупам, чтобы выжить и победить, никогда не стеснялась перешагнуть через чужие интересы — мне надо, и точка! Такая жизнь, такие законы! Где уж тут чистые ручки да белые перчаточки сохранить, по локоть измараешься, а то и выше. Если надо кого-то подвинуть — подвинем. Надо нажать — сделаем, да так, что пиццать будешь и на все предложенные условия согласишься. Даже этот дом ей достался как откат за причиненный моральный ущерб. А банкир, которого они в подвале держали, в страхе в Израиль, на свою историческую родину, бежал. Интересно, как его сын Костик поживает, наверное, взрослый уже?

Ирина справилась с лестницей далеких воспоминаний и принялась обходить пустые комнаты. Здесь жила Наташа. Раньше в этой комнате все было завалено рисунками вечерних платьев, клочками шелковых и блестящих материй. Она еще сердилась: девчонка тряпичницей растет, ничего кроме своего прекрасного отражения в зеркале вокруг себя не видит. А все наоборот получилось! Взвалила на себя красавица груз из мужа-инвалида да слабенького грудного ребенка и, закусив удила, вперед тащит.

А вот комната Оленьки. Везде такой порядок, даже уходя навсегда, все аккуратненько по шкафчикам и полочкам разложила. Как же такое могло произойти, что девочка, которая от одного вида голодной кошки или хромой собачки слезами захлебывалась, в такого злобного монстра превратилась? Неужели так ее любовь обожгла и опалила? Ольга все упрекала: «Ты, мама, любить не умеешь!» А что значит любить? Весь мир на задний план отодвинуть, жизнь свою в трубочку свернуть и на одном единственном человеке все мысли свои и чаяния сконцентрировать? Самому-то объекту любви тошно от этого не станет?

А вот и ее личные апартаменты, здесь раньше Кузьма часто бывал. С ним единственным Ирина была всегда сама собой: ни мыслей своих самых затаенных, ни поступков нелицеприятных не стеснялась, он все понимал — потому что любил. И она его любила, как умела, но любила. Вот только сказать об этом не успела!

Она остановилась на пороге своего кабинета, здесь было особенно темно и мрачно. В мозгу мгновенно всплыл глумливый смешок Ольгиного мужа: «Выпьем на брудершафт, мадам?» Ей вдруг стало страшно, даже не от незримого привета покойника, а от четкого и ясного осознания, что, будь этот поганец сейчас перед ней, она бы еще раз его застрелила. Ведь именно с него началась череда бед и напастей, которая сегодня закончилась смертью любимого и потерей дочери. Или, может быть, не с него, а гораздо раньше? Просто она поступков своих страшных не замечала, а людские обиды за ней по пятам шли и только удачного момента ждали, чтобы окончательный счет предъявить.

Ирина выдвинула несколько ящиков письменного стола и, наконец, нашла то, что хотела. Маленький дамский пистолетик был как игрушечный, легко ложился в ладонь и сразу же становился теплым. Она покрутила его в руках, сняла с предохранителя, положила рядом. Прикинула, что найдут ее через пару дней, тело начнет уже слегка разлагаться и попахивать. Серенькие кусочки мозга из раздробленной черепной коробки будут долго и с трудом соскребать со стен. Дом с плохой репутацией продать будет сложно. Компанию «ВИКА» завистники и конкуренты растащат по частям. Все это, впрочем, было уже не важно!

«Аз воздам!» — сказала дочь Наташа. «За все рано или поздно придется платить, не на этом свете, так на том», — вторила ей дочь Ольга.

В Бога Ирина не верила, единственной ее святыней была фотография в серебряной рамочке, где перемазанная белилами молодежь весело смеялась в ожидании ослепительного будущего.

Она приложила снимок ко лбу, закрыла глаза и опустила голову...

...Ирина вошла в свежевыкрашенную комнату новостройки. На подоконнике, обнявшись, сидели Костя и Анечка. Муж Вадик стоял рядом, подпирая стену. Вокруг были расставлены ведра, валялись кисти и валики, рулоны обоев. Она хотела подбежать к друзьям, обнять их, но не смогла переступить невидимую, но очень прочную черту.

— Как мне плохо, ребята! Я к вам хочу!

Анечка, покусывая кончик черной косы, со знанием дела произнесла:

— Нет, тебе еще не время.

— Никого у меня больше не осталось!

Муж Вадик профессорским жестом указательного пальца поправил очки на носу:

— Ты ошибаешься!

— Точняк, ошибаешься! Опять ты, Ирка, все попутала, — добродушно пробасил Костян.

В соседней комнате слышались шаги, отряхивая пиджак и ворчливо чертыхаясь, вошел Кузьма.

— Ну и пылица тут у вас!

Мужчины уважительно пожали друг другу руки.

— Да мы уж привыкли, — хихикнула Анечка.

Ирина бросилась вперед и с силой толкнула невидимую стенку двумя руками, врезала по ней кулаком:

— Я сейчас к вам подойду!

Ребята вскочили с насиженного подоконника, замахали на нее руками, наперебой испуганно закричали:

— Даже не думай!

— Ира, не надо!

— У тебя еще Наташа есть, внуки! О них подумай!

— Любимая, остановись!

...Ирина оторвала прилипшую щеку от столешницы и потрясла головой. Стоящий прямо перед ней телефон надрывался пронзительным и настойчивым звоном. Она рефлекторно схватилась за трубку и очень собранно, по-деловому ответила: «Денисова слушает!»

На той стороне слышалось глуховатое покашливание Александра Николаевича:

— Иринушка, не разбудил? Сегодня весь день о тебе думал, переживал. Как ты?

— Как я? Вы ведь все знаете!

— Самое страшное, как жить дальше, когда все знаешь.

— Я вот и думаю, жить ли?

Старик-директор на другом конце провода закашлялся, послышалось бульканье, видимо, глотнул какой-то целебной жидкости. Потом снова горячо и быстро заговорил:

— Жить, только жить! Мне вот, старику, каждый день — праздник, Богом подаренный! А у тебя внуки скоро подрастут, их поднимать надо! И «ВИКА», как же она без тебя?

Ирина слушала и терла кулаком покрасневшие глаза. Придуманная в юности ее личная молитва: «Все ради Вики, Виктории-победы!» — почему-то больше не вдохновляла и не подвигала к действию. Наверное, так уже больше не получится!

— Дело у меня сейчас одно есть, должок за мной остался, а я долги всегда отдавала. До свидания, Александр Николаевич, я вам позже перезвоню. — Она провела рукой по холодному металлическому телу пистолета, вытащила из него обойму с патронами и закинула ее далеко в стол. Затем решительно подвинула к себе телефон и набрала короткий номер, состоящий всего из двух цифр:

— Это полиция? Хочу сделать признание, я совершила убийство.

Больше всего в камере предварительного следствия Ирину доставал адвокат. Она изначально и сознательно отказалась от защиты, но худосочного невротика законодательные органы навязали ей почти насильно. Юноша в очках с золоченой оправой психовал и только что не бился головой о тюремные стены.

— Ну, что же вы с собой делаете? Согласитесь, в момент убийства вы были в состоянии аффекта!

Данное состояние, спровоцированное насилием и тяжкими оскорблениями со стороны потерпевшего, соответствовало статье 107/1 и обещало мягкое наказание, как ограничение свободы от трех до пяти лет. Был еще неплохой вариант, статья 108-я, превышение пределов необходимой обороны.

Но Ирина от всех законных послаблений категорически отказывалась.

— Он был законченный подонок, вор, игрок, и отвратительно относился к моим дочерям. Я хотела его смерти! А мысль, как известно, материальна.

Адвокат хватался за голову, пил воду, шуршал многочисленными бумажками. Ему было так лестно поучаствовать в этом процессе и очень хотелось выиграть. Денисова — персона известная, на ней можно хорошее имя заработать. А там, глядишь, и клиенты богатые один за другим потянутся,

или в прокуратуру служить позовут. Но эта вредная баба ему совсем не помогала, а себе настойчиво могилу рыла!

— Но вы же не хотите по 105-й пойти, за умышленное убийство?

— Я хочу понести заслуженное наказание за совершенное преступление!

На процесс была назначена судья Емельянова, сын которой уже третий раз разводился и в очередной раз со скандалом делил имущество. Женщин судья ненавидела априори!

— Снисхождения не ждите!

— А я и не жду!

Навещал Ирину и следователь Сегинюк. Обычно он молчал, много курил и, насколько позволяли ему погоны служителя Фемиды, уговаривал одуматься.

— Чего вы добиваетесь? Эх, был бы Кузьма жив, никогда б такого не допустил!

Ирина только улыбалась, Кузьма бы ее прекрасно понял...

Погода в день заседания суда по ее делу выдалась ясная и солнечная. Ирина оделась и причесалась с особой тщательностью. Наверняка придут знакомые, сотрудники фирмы, коллеги по бизнесу и прочая любопытная публика. Хотелось «сохранить лицо», пусть даже в такой скорбной ситуации выглядеть уверенно и достойно.

— Встать, суд идет!

Стандартная процедура делопроизводства шла своим чередом. Люди в зале загремели стульями и поднялись, Ирина за зарешеченной перегородкой тоже. Судья Емельянова осуждающе и недобро глянула в ее сторону и зачитала вердикт:

— На основании уголовного кодекса Российской Федерации, в процессе судебного заседания принято решение: Денисовой Ирине Александровне квалифицировать статью 105, часть первая, убийство. То есть умышленное причинение смерти другому человеку. Наказывается лишением свободы сроком на 15 лет.

Приглушенный гул голосов прокатился по залу.

— Это несправедливо!

— Ирина Александровна, да как же так!

— А он ей кем, полюбовником приходился?

— Иринушка, девочка моя!

— С жиру бесятся богатеи!

Ирина заложила руки за спину, молоденький конвоир, прилепившись тенью, двинулся за ней следом — осужденную следовало своевременно сопроводить к месту заключения и отбытия заслуженного наказания.

На выходе из здания городского суда их обступили журналисты. Настойчиво совали под нос микрофоны и требовали ответить на животрепещущие вопросы.

— Ирина Александровна, дайте эксклюзивное интервью!

— Почему вы отказались от защиты?

— Как вы собираетесь жить в тюрьме? Там нет удобств, к которым вы привыкли!

Все это больше походило на встречу в аэропорту знаменитого спортсмена или политического лидера. Ирина, не обращая ни на кого внимания, высоко подняв голову, быстро двигалась к полицейскому «газику» с решетками на окнах, конвойные, отбиваясь от назойливых журналистов, с трудом за ней успевали. Она поставила ногу на ступеньку своей будущей жизни и обернулась. Сколько знакомых лиц! Секретарь Катерина прячет опухшее от слез лицо и громко сморкается в клетчатый платок. Кудрявая воспитательница из детского дома поддерживает за локоток Александра Николаевича, а тот еле идет, совсем сдал старик! Телевизионщица Маша рассерженно орет на своего оператора. Мрачный Сегинюк курит у входа. Господин Ряшенцев галантно помогает спустить со ступенек инвалидную коляску Ивана. А дочь Наташа смотрит на нее и беззвучно шевелит губами, наверное, хочет что-то сказать.

Наташа откатила коляску с Иваном подальше от всеобщего сборища. Навстречу ей кинулись нетерпеливо ожидающие известий Яна и Юра:

— Ну что? Как?

Яна прижимала к груди укутанную в теплое одеяльце дочку. Наташа молчала, вместо нее ответил Иван:

— Пятнадцать лет дали!

Юрка возмущенно качнул детскую двойную коляску, рессоры жалобно взвизгнули. Посапывающие розовыми носиками мальчики Костик и Вадик беспокойно заворочались и запыхтели.

— Писать надо куда следует, обжаловать!

— Она не хочет...

— Почему?

— Говорит, что должна расплатиться за все, чтобы мы спокойно и хорошо жили. — Иван взял жену за холодную руку: — Наташа, как себя чувствуешь?

Бледная Наташа, не дыша, смотрела в ту сторону, где толпились люди, и была Ирина. Она вдруг резко развернулась, врезалась в толпу, расталкивая локтями плотное кольцо зевак, стала пробиваться ближе к машине и закричала так громко, что народ от нее шархнулся:

— Мама, я тебя люблю! Ты самая лучшая! Я буду тебя ждать! Мы все будем тебя ждать! За внуков не беспокойся, они со мной! Никому их обидеть не дам, все выдержу! Мне друзья помогут, вырастим! Иван компанией будет заниматься, восстановим! Мама, мама, ты же, как «ВИКА», ты — победительница!

Ирина уже почти поднялась в арестантскую машину, но, услышав голос дочери, замерла и остановилась. Крепкий толчок в спину и нелюбезный окрик: «Ну, чего встала, давай двигайся!»— вернул ее к реальной действительности. Дверь захлопнулась, и сквозь узкое окошко, располосованное металлическими прутьями, она увидела плачущую среди толпы Наташу. Увидела, как подъехал на своем эклектическом инвалидном кресле Иван и принялся утешать жену. Рыжий парень подкатил двойную коляску и встал рядом. Конопатая женщина-солнце с ребенком на руках, приобняв Наташу за плечи, что-то зашептала ей на ухо. Дочь, размазывая слезы по лицу, кажется, даже улыбнулась.

Впрочем, разглядеть подробно все это она уже не могла. Крохотные трубочки и колбочки, которые живут в нашем глазу, вдруг хитро изогнулись и, преломившись в солнечном луче, создали удивительный ракурс. Ирина увидела почти фантастический мир, в котором сегодняшнее печальное настоящее просто исчезло, а прошлое и будущее слились воедино. Картинки на ее внутреннем экране сменялись быстро, но она все же успевала их уловить и понять.

...По склонам гор, окутанным густым, утренним туманом, в компании людей в легких и странных одеждах шла дочь Ольга. Лицо у нее было светлое, какое-то почти прозрачное, на голове короткий ежик волос, а в руках колокольчики. Люди медленно поднимались по тропинке к храму с резными и изогнутыми красно-золотыми куполами. «Быть может, там она научится прощать?» — подумала Ирина.

Зять Иван, опираясь на поручни, с трудом поднимается из инвалидного кресла. Губа закушена, лицо бледное, но он, держась за стены, упорно двигается к письменному столу. А на нем чертежи, макеты, папки с документами — все необходимое для того, чтобы «ВИКА» продолжала жить.

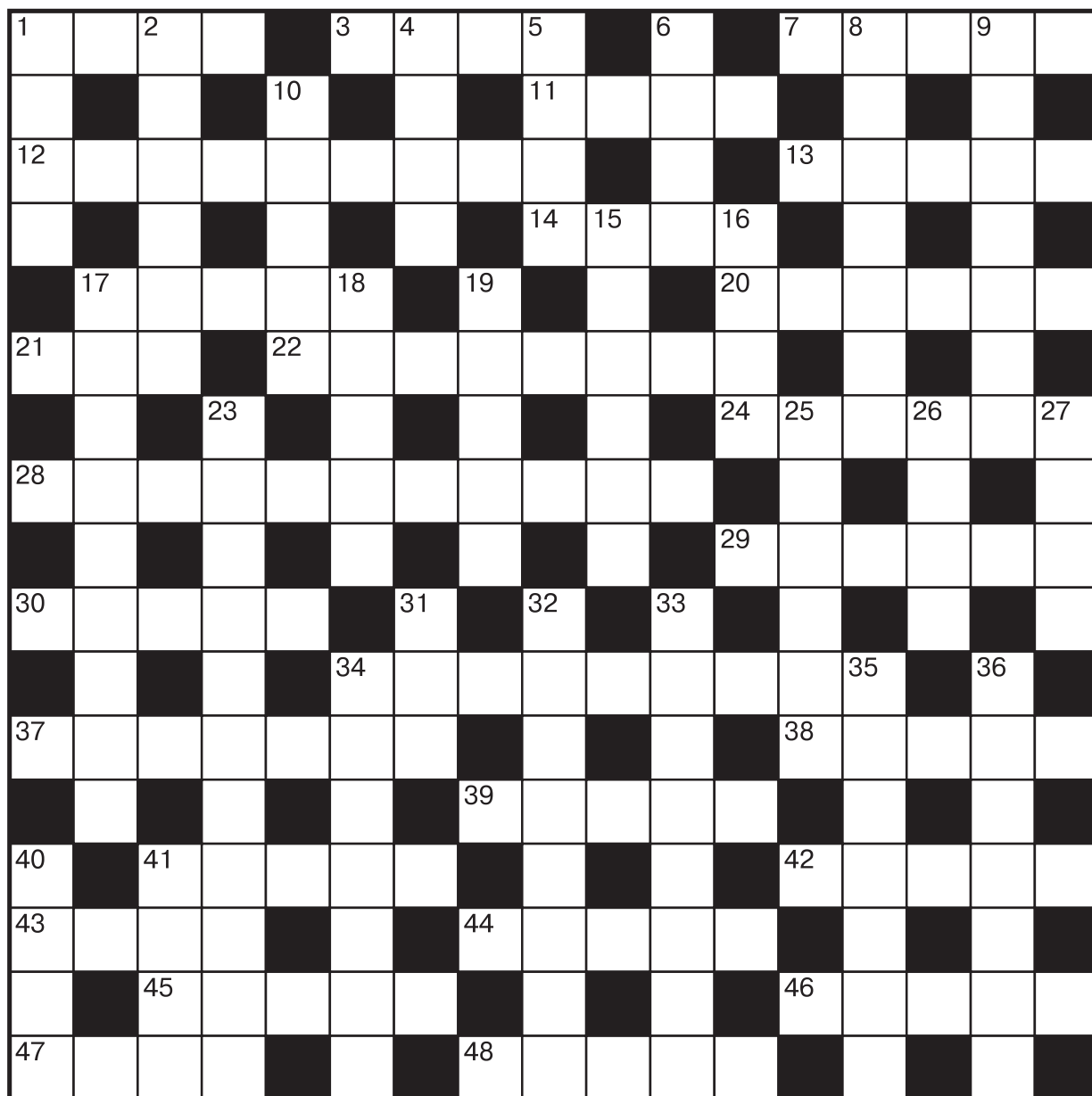
И приемная дочь Наташа, глава большого семейства, все такая же красавица, только рано поседевшая. А рядом с ней, как неотступные ангелы-хранители, верные друзья: фотограф Юрка и солнечная женщина Яна. А внуки совсем уже большие: плотненький Вадик и чернявый Костик, как и положено мальчишкам, шумные, непоседливые и любопытные. Но была в Ирениных видениях еще одна маленькая девочка, и звали ее, кажется, Вика. Солнечная Яна почти случайно подарила дочке это непростое и зна-

ковое имя. Белокурая малышка смотрела на мир прозрачными голубыми глазами упрямо и решительно, гордо вскидывала кругленький подбородочек с ямочкой, и уже сейчас было понятно, что бы ни случилось, уступить свое место под солнцем она никому не намерена. Ирина даже улыбнулась, вот оно, живое воплощение компании «ВИКА», размахивает ручками, топает ножками и демонстрирует непокладистый, ершистый характер. Вот и попробуй теперь поспорить, что имя человека никак не связано с его дальнейшей судьбой. С такой, пускай пока маленькой, Викторией большая «ВИКА» никогда не пропадет!

Служебный «газик» отчаянно подскочил на очередной дорожной ухабине, Ирина крепко приложилась головой об стенку, и удивительное видение из недалекого и, вместе с тем, бесконечно далекого для нее будущего расплылось, растаяло и исчезло. Она сидела на дощатой лавке, намертво прикрученной к стене, перед глазами тосковал надежно упрятанный за решетку клочок голубого неба, а машина увозила ее все дальше и дальше. Ирина долго, почти до боли, терла глаза, но чуда больше не произошло. А в голове у нее по-прежнему роились и толкались обрывки фраз, знакомые лица и бесконечные воспоминания. Только они уже не были чувствами сегодняшнего дня: яркими, острыми и мучительно болезненными, нет. С каждым толчком и скачком машины она мысленно уходила все дальше и дальше, туда, где начиналась совершенно другая ее жизнь. Казалось, из всего ее существа одним разом вынули свербящую раскаленную иглу памяти, и после этого все, что мучило и заставляло страдать, ушло и растворилось в небытие. Она отстраненно, почти равнодушно, подумала, какой, однако, странной спиралью закольцовываются людские судьбы, где берут начало причины, заставляющие совершить тебя те или иные деяния или поступки, и к каким последствиям они могут привести. В самом начале жизненного пути этого никогда не угадаешь.

Но одно она знала точно! Теперь уже другие люди много дней и лет подряд будут повторять про себя, как молитву, придуманные ею давным-давно спасительные и дающие силу слова: «Все ради тебя «ВИКА», Виктория, а значит — Победа! □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Остров с монастырем кошек. **3.** Лимитированное время. **7.** Кого могли сыграть Джозеф Гордон-Левитт и Шайа Лабеф, но повезло Эмилю Хиршу? **11.** Европейская столица с памятником Бременским музыкантам. **12.** Лабиринт для диггеров. **13.** Единственный «шанс» зайца убежать от погони. **14.** «На холмах Грузии ле-

жит ночная ...» **17.** Танец «летающих шароваров». **20.** Какая из греческих букв притаилась в устье реки? **21.** В каком состоянии лунатик гуляет? **22.** Какой раздел физики находится в вечном движении? **24.** Из какого камня сложен знаменитый индийский Тадж-Махал? **28.** Кто во всем видит сплошные мировые заговоры? **29.** «Может быть, один ... назад

мне откроет в будущее глаза». **30.** У какой птицы «черная репутация»? **34.** Кто из русских классиков угодил под арест за стихотворение «Смерть поэта»? **37.** Горбун среди братьев наших меньших. **38.** Страна викингов. **39.** «Жизнь коротка, но ... растягивает ее». **41.** «Как в смирительную рубашку, мы природу берем в ...» **42.** Холодец колбасой. **43.** «Православная гора» на карте Греции. **44.** Кто может быть как жуком, так и парнокопытным? **45.** «Цветочное клеймо» на плече у Миледи. **46.** Что изображала любимая татуировка Уинстона Черчилля? **47.** Лучший чай, чтобы спастись от депрессии. **48.** На чем вокзальный грузчик зарабатывает?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Выпечка, напичканная изюмом. **2.** То ли босс, то ли боеприпас. **4.** Фигура с эмблемы «Мицубиси». **5.** С каким полуостровом связана война, сделавшая из Льва Толстого писателя? **6.** Что биссектриса делит пополам? **8.** Кальдарий в античных банях. **9.** В какую пору возвращает книга «Вино из

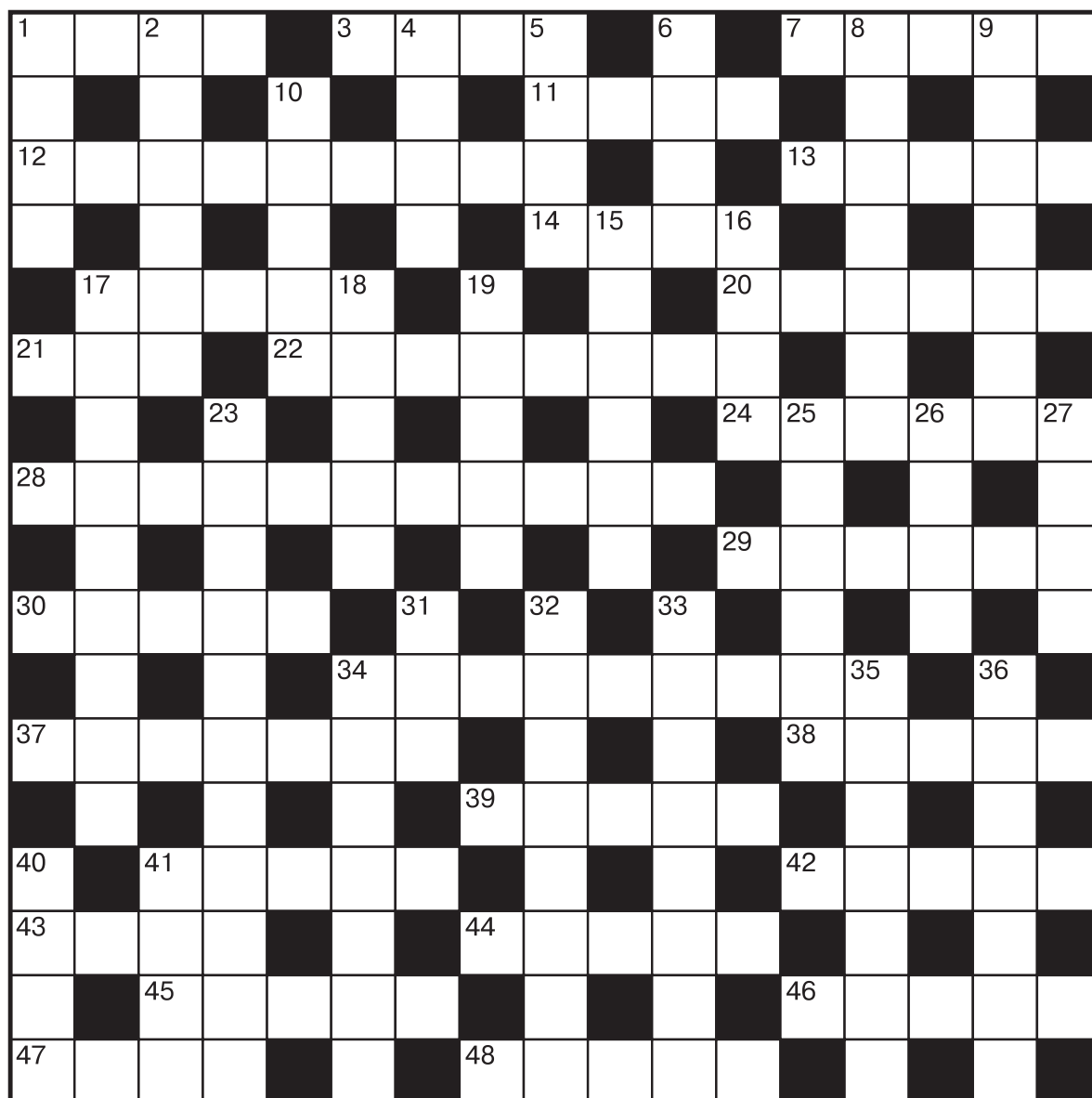
одуванчиков» американца Рея Брэдбери? **10.** «Сгорел ... стиральных машин с искусственным интеллектом. Боже, как же они кричали!» **15.** Князь, основавший первое государство с подводными вооруженными силами. **16.** Самый первый донор на свете. **17.** Кровожадный уголовник. **18.** Ягода, чьи косточки в Турции идут на изготовление четок. **19.** Какое слово колбасу с хлебом роднит? **23.** Повод вызвать на дуэль. **25.** «У людей сплошные свадьбы, у меня сплошной ...» **26.** Какое насекомое Евен Аскалонский обвинял в том, что оно «кормится тем, что всегда мудрые мысли крадет»? **27.** Логическое завершение беременности. **31.** Кто первым начал вытягивать сказочную репку? **32.** «Бытовая интуиция». **33.** Самая длинная пловчиха в мире. **34.** Какого короля свергли в ходе Великой французской революции? **35.** Какая русская народная обувь не имеет отличия между «левым» и «правым»? **36.** Игра в ударном стиле. **40.** Колдовское обаяние. **41.** Какой из олимпийских чемпионов по бегу еще в колледже получил прозвище «Молния»?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Бутсы. **9.** Минор. **10.** Бабочка. **11.** Винокур. **12.** Плюшкин. **13.** Война. **14.** Локатор. **15.** Храбрец. **18.** Носок. **19.** Скат. **21.** Диана. **23.** Звук. **25.** Свидание. **26.** Обман. **27.** Джаз. **29.** Приам. **32.** Капюшон. **34.** Лаваш. **36.** Ромео. **37.** Костнер. **38.** Пельш. **39.** Мечта. **40.** Клювдия. **41.** Честь. **42.** Львов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Хиллари. **2.** Волшебник. **4.** Ужин. **5.** Скороход. **6.** Шар. **7.** Дозор. **8.** Скунс. **10.** Бумаготворчество. **11.** Видеонаблюдение. **13.** Вор. **16.** Ткань. **17.** Ответ. **20.** Дзюдо. **21.** Дурак. **22.** Идеал. **24.** Кагор. **28.** Застава. **30.** Манекен. **31.** «Варьете». **33.** Нобель. **35.** Рояль.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** «Лоскутное обновление» у программистов. **3.** Какой «автомобильный король» помог наладить выпуск тракторов в Советской России? **7.** Кинжал самурая. **11.** Духифат среди символов Израиля. **12.** Синий берет у шотландцев. **13.** «Страна праздности» из романа «Цвет волшебства» Терри Пратчетта. **14.** Платок на голове замужней палестинки. **17.** Заячий след

на снегу. **20.** Праздник воздушных змеев в Пакистане. **21.** Под какой кличкой Генрих Ягода проходил в дореволюционных материалах полицейского наблюдения? **22.** Итальянская колокольня. **24.** Какое судно англичане прозвали «гончий пес океана»? **28.** Помощь попугаев другу другу в чистке оперения. **29.** Какого классика советской поэзии выселили из кремлевской квартиры за

откровенно русофобские опусы? **30.** «Под ней у красавицы мог бы пробежать ручеек». Что подразумевают испанцы? **34.** Историк грядущего. **37.** Игра с летающей тарелкой. **38.** Чеховский псевдоним. **39.** Непальская рубаха. **41.** Состязание среди рэперов. **42.** Какая пианистка читала на своих концертах стихи из «Доктора Живаго» в то время, когда имя Бориса Пастернака «клеимил весь советский народ»? **43.** Византийский бедняк. **44.** На каком судне во время войны служил офицером Жан Габен? **45.** Какая княгиня ушла с поста начальницы Смольного института после того, как отказалась принять в него дочь Григория Распутина? **46.** Насмешливое прозвище верховых казаков. **47.** Американский миллионер, ставший первым космическим туристом. **48.** Какой фотоаппарат вдохновил первую кинокамеру Томаса Эдисона?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Забавный перчик, ставший талисманом XIII чемпионата мира по футболу. **2.** Пере-

водчик при Иване Грозном. **4.** Румынская лапта. **5.** Итальянский герцог. **6.** Экстремальный снаряд на основе «Витрувианского человека». **8.** Отдых и развлечения на горнолыжном курорте. **9.** Рыбный фарш прежде на Руси. **10.** «Возраст ответственности» из Ислама. **15.** Вышивальный шов. **16.** Египетская антилопа. **17.** Классическая скульптура из романтической комедии «Полночь в Париже». **18.** Груда камней на погребении. **19.** Чакра где-то между бровями. **23.** Оперный певец «второго плана». **25.** Смесь для загущения соуса. **26.** С каким сатирическим журналом связано литературное восхождение Алана Милна? **27.** «Американская Валентина Терешкова». **31.** Бобы среди атрибутов Венеры. **32.** Стручковый перец из мексиканской кухни. **33.** «Черная икра» Средиземноморья. **34.** Циклическая тренировка в спортзале. **35.** Кто руководил секретной операцией Третьего рейха по изготовлению фальшивой валюты? **36.** Грузинское игристое вино. **40.** Французский канкан середины XIX века. **41.** Поршень оружия в пейнтболе.

Ответы на эрудит, опубликованный в №10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Гиетт. **9.** Гувер. **10.** Кибинай. **11.** Мизогин. **12.** Педикеб. **13.** Кеиба. **14.** Артемия. **15.** Буттери. **18.** Юстин. **19.** Кото. **21.** Чипсы. **23.** Глен. **25.** Амиабха. **26.** Дриас. **27.** Тиер. **29.** Брера. **32.** Рокелор. **34.** «Нуово». **36.** Гагат. **37.** Бейонсе. **38.** Ксана. **39.** Пушцин. **40.** Алтимат. **41.** Айшон. **42.** Сакма.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Пудесуа. **2.** Генистеин. **4.** Ириб. **5.** Теофраст. **6.** Дин. **7.** Гилея. **8.** Балби. **10.** Кибериммортализм. **11.** Метростроевская. **13.** Ким. **16.** Хоббс. **17.** Томаш. **20.** Ягати. **21.** Чефер. **22.** Штерн. **24.** Магог. **28.** Родолия. **30.** Аутсайд. **31.** Свенсон. **33.** Радула. **35.** Пекло.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2018 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 121 рубль 00 копеек	За 1 номер — 145 рублей 20 копеек
За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 871 рубль 20 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
132 рубля 00 копеек	264 рубля 00 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 октября открыта подписка на 1-е полугодие 2018 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовая подписка online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков Индекс 70656 — годовая подписка
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ **! КОНКУРС !**

Дорогие читатели!

Как вы все хорошо знаете, «смех продлевает жизнь». Действительно, в круговороте забот и проблем нас нередко спасает чувство юмора и легкой иронии. Мы надеемся, что оно присуще и вам, поэтому в 2017 году решили объявить среди подписчиков **новый литературный конкурс «Посмеемся вместе» — на лучший юмористический рассказ.**

Рассказы принимаются объемом 5–15 страниц (до 27 000 знаков), в электронном виде на адрес:
tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2017 года.

Вместе с рассказами присылайте по возможности и копию подписной квитанции или доставочной карточки. Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце 2017 года. Лучшие рассказы мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

Ждем от вас смешных интересных историй. Удачи, друзья!

